

Карельский научно-исследовательский институт культуры

СБОРНИК

ПОМОРСКИЕ СКАЗКИ

/НЕПОЛНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР/

сост. Колесницкая и Шнеерсон

**Петрозаводск
1939**

[не издан]

ПОМОРСКИЕ СКАЗКИ

/Вступительная статья/

Богатый Северный край наш имеет свою историю, уходящую вглубь веков. К его богатым промысловым возможностям издавна тянулись различные национальности, г[лавным] о[бразом] – северные /норвеги и англичане/.

Русские начали интересоваться Севером также очень давно. В IX веке в Северный край норвеги проникали с Ледовитого океана, русские же не шли дальше бассейна Сев[ерной] Двины. И здесь между норвегами и русскими завязывалась та древняя торговля, которую так трудно отличить от пиратства.

В XI веке на Севере появились русские колонисты. А в XIII веке берега Кольского полуострова официально включаются во владения Новгородской державы. Новгородское боярство начинает осваивать Северный край, посылая сюда рабов, вольных поселенцев и т[ак] н[азываемых] казаков. Казаком в старину называли вольнонаемного деревенского батрака. Термин этот в полном его значении сохранился и до наших дней: в записанных нами сказках он встречается очень часто, а при разговоре с любым из сказочников выяснилось, что дед, отец, а иногда и он сам до революции «ходили в казаках». Это связано с колоссальным классовым расслоением, издревле господствовавшим на Севере, при котором кучке кулаков противостояла масса бедняков-батраков. Но подробнее об этом дальше.

Осваивание Северного края шло не сплошь, брались лучшие куски земли, более выгодные в промысловом отношении и более доступные для человека, следовательно, по берегам и, особенно, в устьях рек. Потому и сейчас, как правило, все северные города и села расположены по низовью рек недалеко от моря.

После падения Новгородской державы Север попал в зависимость к Московскому государству. Он сохранил, однако, некоторую самостоятельность – здесь не было крепостного нрава.

Но Север не избежал другой не менее страшной кабалы, кабалы кулака-промышленника. Эксплуатация была настолько сильна, что мы имеем сведения о крест[ьянском] движении, поднявшем все Поморье в 1769–1771 годы. Официальные сведения называют это волнением крестьян, приписанных к Олонецким заводам. Но значительная часть народной злобы была направлена против кулаков-кровопийц.

Сведения о кулацкой эксплуатации в Поморье проникли и в буржуазную печать. В 1875 году газета «Голос народа», ратуя за народные банки, поместила статью под названием «Кулак-промышленник». Здесь раскрывался секрет основной наживы поморского кулачества – в их руках был привозной хлеб, повышая на него цены, они грабили местное бедное население.

Но вернемся к нашему историческому обзору. До открытия Балтийского пути, следовательно, до завоеваний Петра Первого /начало XVI века/, путь по Северной Двине был единственным северным торговым путем. Частое соприкосновение с иностранцами, торговые экспедиции за границу, сама торговая мореходная деятельность. Все это способствовало свежести и культурному росту жизни северных сел и городов. Таким образом, в культурном отношении северные центры /Холмогоры, а потом в XVI веке Архангельск/ были в виде затхлой Московии. Север приносил Центральной России колоссальные богатства, отсюда шли лес, рыба, соль, жемчуг, пушнина, смола, деготь и т. д.

С открытием Балт[ийского] пути деятельная жизнь Севера парализуется. С целью ограничения сфер торговли Архангельского порта Петр I издает даже особые указы, предписывающие, что можно вывозить через Архангельский порт, а что только через Балтийский. Торговая гегемония переходит от Архангельска к Петербургу. И постепенно оживленный Северный край превращается в русское захолустье, из которого только хищнически высасываются его богатства.

Его даже не захватила волна ж[елезно]д[орожного] строительства, проходившая по всей России во второй половине XIX века, ибо Мурманская ж[елезная] д[орога] была построена накануне и в связи с Мировой войной.

После Октябрьской революции на Север из Центральной России устремилась белогвардейщина, а с моря подошли французские интервенты. В 1918 году они объединенными силами произвели контрреволюционный переворот. Всем Севером завладели интервенты и начали вести себя как в покоренной стране. Начался жестокий террор. Людей сотнями вели на расстрел, только по одному подозрению в отношении к коммунистической партии. Силами героической Красной Армии, силами партизанских отрядов и при помощи международной пролетарской солидарности /в тылу у интервентов вспыхивали солдатские восстания/ – революция победила на Севере. 21 [февраля] 1920 года Архангельск был в руках рабочих. С этого момента начинается экономический и культурный расцвет советского Севера. Национальное самоопределение и свободное сотрудничество под руководством коммунистической партии двух классов трудящихся, рабочих и крестьянства постепенно превращает наш Север в цветущий край.

Постройка Беломорско-Балтийского канала далеко продвинула экономическую жизнь нашего Севера. Вторым таким могущественным моментом будет новая, строящаяся сейчас, жел[езно]дорожная ветка, которая проходит по самому побережью Белого моря. Эта жел[езно]дор[ожная] линия сразу включит в кипучую жизнь значительное число населенных пунктов, теперь еще трудно сообщающихся даже и районными центрами.

* * *

Сказки нашего сборника собраны на Карельском побережье Белого моря, точнее в Сорокском /ныне Беломорском/ районе. Мы побывала в пяти пунктах: Беломорск /Сорока/, Сухо-Наволоцкое, Вирьма, Сум-Посад и Колежма. Прежде чем говорить отдельно о каждом из этих пунктов, следует

сказать о сторонах жизни, характерных для всего Поморья, а, следовательно, и для каждого из наших пунктов.

Обычно северные селения растянуты по обе стороны реки, а вглубь ждут 2–3 улицы, не имеющие особого названия. Фасады домов обращены к реке. Все северные постройки очень прочны, из крупных целых бревен, крыты тесовыми крышами. Дома одноэтажны, но высоки так, что до окна человеку среднего роста только рукой достать можно, а на крыльцо обычно ведет 8–9 ступенная лестенка. С крыльца вы попадете в сени, и отсюда по одну сторону дверь в сенник с хлевом, по другую жилые комнаты. Сенник есть помещение, приходящееся почти вровень с жилым зданием. Здесь хранятся солома, сено, веники, шубы, различные хозяйственные орудия. Часто летом здесь спит молодежь. Под сенником помещается хлев, просторный, но темный. Жилое помещение состоит из одной или двух комнат и кухни. Из сеней сразу же попадаете в кухню. Она всегда просторна и светла. Там же отличаются и следующие жилые комнаты. Один из углов кухни занимает большая русская печь, красиво сложенная, содержащаяся здесь в исключительной чистоте. Она всегда вымазана белой известкой, а само устье печки задернуто белыми занавесками.

У печки обычно находится глиняная рукомойня или медный, и тогда уж ярко блестящий, рукомойник. По стенам идут полки и блюдники, полки с перильцами, где разложены блюда, тарелки, ложки и пр. /Среди них обычно имеется полка, занятая медной, ярко блестящей посудой. Посуда эта никогда не употребляется, а служит украшением кухни. Жилые комнаты еще чище и светлее кухни, но в них господствует обычно духота. Как правило, их окна делаются с глухими рамами из боязни холодных ветров в ненастья и комаров в жаркую погоду.

Всегда на окнах белые занавески, очень часто стены оклеены, а пол и потолок крашены масляной краской. Обстановка комнат не имеет ничего специфического, тут обычно встретится шкаф, комод, этажерка и т. п.

Что касается одежды, то у мужчин она не сохранила ничего специфического, но все замужние женщины еще носят сарафаны да шаполодок (?), а по праздникам повязывают на голову яркие повойники. Сохранился и обычай различия прически у женщин: девушка плетет одну косу, а замужняя две и убирает их вокруг головы под платок или повойник. Вообще нужно сказать, что старину и местный характер в обычаях, костюмах и пр. хранят главным образом женщины. Да оно и понятно. Такова здесь жизнь. Мужчины всегда в отъезде. Куда только ни закинет его промысел – и на Мурман, и на Новую Землю, и за границу, а женщина, особенно замужняя – хозяйка дома. На ней лежит обязанность справиться с сенокосом, ловить рыбу для прокорма семьи и др. мелкие хозяйственные заботы. Таким образом, вся ее жизнь не выходит за пределы своей деревни.

Главными занятиями сельского поморского населения является рыбная ловля и лесной промысел. По всему морскому побережью, на наволоках, далеко уходящих в море, на каменистых островках разбросаны тоневые избенки. Здесь во время рыбной ловли по месяцам живут рыбаки артелью. Или переселяются всей семьей и со скотом, если деревня не далеко от тони и тоня не велика.

Раньше тони, места ловли рыбы, продавались с аукциона. Таким образом, лучшие из них попадали в руки богачей. Наловленная рыба шла к кулакам-скупщикам, а те перепродавали ее оптовикам. Сейчас все тони находятся в распоряжении рыбных колхозов. Общественный труд и общественное хозяйство неизменно ведут к рационализации труда и улучшению продукции. В ловле рыбы применяются новые системы, пойманную рыбу в тот же день отвозят в ледники, причем из сетей и мережей ее не вываливают на дно лодки, где она неизбежно мялась и топталась, но складывают в специальные корзинки. Если раньше большую рыбу били куда попало, то теперь только по мыску /по голове/, что сохраняет чешую, широко применяемую на выделку искусственного жемчуга, клея к др. Чаще всего ловить рыбу ходят на Мурман, здесь лов бывает весной и осенью. Вообще же

ловля рыбы идет круглый год. Ловят и подо льдом зимой в реках, озерах и на море /в проруби/. В феврале, марте уходят тороса /береговой лед/ в горло Белого моря. Здесь бьют морского зверя.

Много рабочей силы идет и на лесоразработки. Лесной промысел разделяется на два периода: зимой колхоз распределяет людей по лесным делянкам. Происходит рубка леса и подвозка, подтаскивание его к месту сплава. Как только вскрыются бурные северные реки, начинается сплав. Если река спокойна, лес связывают в плоты, если порожиста – пускает «молью», т. е. врассыпную. В устье реки, чтобы лес не ушел в открытое море, устраивается «запань», запруда из бревен же. Здесь лес собирается, связывается, и «кошелями» /в несколько плотов/ лесовозы тянут его по морю к лесным заводам.

Оба промысла, как лесной, так и рыбный, представляют большие опасности. Утонуть в бурю, оторваться на льдине во время охоты за морским зверем, утонуть на сплаве при разбивке заломов, скоплений бревен на порогах, останавливающих движение леса, когда приходится скакать с камня на камень среди пенящегося омута – все эти опасности стерегут помора. Потому здесь молодежь, как правило, храбра до безрассудства, а старики осторожны, до суеверия. Отправляясь в море в самую ясную и устойчивую погоду, пожилой моряк никогда не скажет «я скоро вернусь», а осторожно – «как погода будет». Их обычная поговорка – «едешь в море на день, бери хлеба на неделю» – выполняется при каждой поездке.

Однажды в Колежме мы ждали карбаса. У берега с сетями копошился седой рыбак. Став над водой на прибрежных камнях, он вдруг покачнулся и, чуть не упав в воду, испуганно ахнул. Кто-то из присутствующих усмехнулся. Старик не обиделся, но сказал:

– Двадцать лет на Новую Землю ходил. Вот когда рассолом хлынет, тогда не страшно, а в такой луже в самый раз утонуть, так и затынет.

* * *

От Петрозаводска до Сороки езды одна ночь. Прямо на Север идет одноколейка. Озера, сперва неожиданные, как украшения, сверкающие среди пышной зелени, попадаются все чаще. Соединяясь, они цепью тянутся по обе стороны железнодорожной насыпи. Лиственная растительность сменяется хвойной, а потом и эта на глазах вырождается. Ее сменяют болота с грудями валунов и гранитными грядами. Вода озер, рек и болот заполняет все пространство. Вы въезжаете в страну воды и камня. Поезд не торопится, на разъездах он долго стоит и воюще гудит. Станции встречаются совершенно разнообразные: иные состоят из горстки старых домов со стаей лодок на озере, другие разрослись и разрастаются в целые города. Здесь все ново, все говорит о неудержимом строительстве: озеро, запруженное сплавным лесом, срубы новых домов, взрытая земля вокруг вновь проложенной дороги, свежесбитые столбы с звездами электрических ламп. Иногда к поезду из ближайших домиков выбегают женщины с противнями горячей жареной рыбешки – это лучшее местное лакомство.

Сорока – самая северная точка нашего маршрута, районный центр. Возникла она очень давно, и процветанием своим обязана старинному торговому пути, который шел по реке Выгу, а также богатому сельдяному промыслу. Жители объясняют название города тем, что он стоит на сорока островах. Он действительно перерезан в нескольких местах шумным порожистым Выгом и его притоками. По одну сторону реки расположен собственно город, с мощеными тесными улицами и деревянными одноэтажными и двухэтажными домами, по другую – заводской поселок, возникший недавно вокруг большого лесного завода. Здесь улицы широки, но не мощены, на главных улицах тонкую землю покрывает древесная щепа и опилки, в боковых же даже в самое жаркое лето с деревянных мостков сойти невозможно, такая стоит грязь. Дома здесь обычные сельские одноэтажные. Из зданий выделяется только 2–3 больших магазина, новая двухэтажная школа и каменное строение клуба.

Над городом и поселком постоянно носится свежий морской ветер и бесконечный шум воды с порогов Выга. Специфика быта сохранилась здесь меньше, чем в селах, но внутренняя обстановка изб в поселке и костюмы пожилых женщин характерные северные.

В Сумпосад можно ехать морем на юг до Сумской губы и оттуда вверх по реке Суме. Название села происходит, очевидно, от финского племени ..., первоначально жившего здесь. Сумчане гордятся своим селом. Оно действительно привлекательнее всех окружающих селений. Много южнее Сороки, оно уже не тонет в болоте. Болота здесь перемежаются с холмами. Всюду вокруг тянутся светлые хвойные леса с тихими зеркальными озерами. Единственным недостатком местности являются тучи комаров, бесконечное мученье для человека без накомарника.

Сумский Посад – селение очень древнее, имеющее свою историю. Жители Сумы рассказывают еще теперь, что некогда селение и его окрестности принадлежали Марфе Посаднице.

Исторически это совершенно верно. Могущественная семья Новгородских бояр Борецких, к которой принадлежала и Марфа Посадница, владела многочисленными землями по берегам Онежской губы и по бассейну реки Онеги. По писцовым книгам 1496 года по реке Суме значилось 19 деревень, принадлежащих Марфе Посаднице. В 1450 году Борецкие подарили Соловецкому монастырю целую Кемскую волость и Сумский Посад. Сумчане стали данниками Соловецкого монастыря. Монастырь посылал старцев творить суд и расправу и взимать повинности. В те времена селение называлось Сумским Острогом. Это была крепость, охраняемая стрельцами из местных жителей, за стенами которой находилась церковь и склады, где хранилось монастырское добро, награбленное с местных жителей. А вокруг крепостных стен располагался сам Посад. Не раз Сумский Острог был осажден шведами и разбойничьими шайками. Еще теперь на правом высоком берегу реки сохранились развалины церкви, находившейся на месте старого острога. Теперь на этот высокий уютный берег приходят

лагерные пионеры загорать, купаться и лазать по развалинам старых стен. Хорошо защищенный и удобно расположенный в географическом отношении Сумский Посад издавна был местом легкой наживы и жестокой эксплуатации. С глубокой старины здесь, как и во всем Поморье, население резко разделялось на два слоя – голую бедноту и богатых кулаков-рыбопромышленников.

Один из наших сказочников П. Я. Никонов рассказывает о том, как он ходил по найму на судах богачей. Плата была грошовая – 80 рублей в год. Причем в начале сезона батраку давали в долг, и потом он денег на руки почти не получал: все забиралось под видом уплаты долга. Хозяева выгадывали и на том, что набирали как можно меньше матросов, удваивая этим эксплуатацию нанятых.

Сестра сказочницы Рохмистовой, Елена Васильевна, рассказывает о том, как была искалечена ее жизнь. У нее был незаконный ребенок от местного богача, у которого она работала. Отец не желал помочь ей в чем-либо. Елена Вас[ильевна] подала в суд. Но он принес ей только массу оскорблений, которые с этих пор посыпались на нее со стороны темных односельчан. Мать одна, без всякой помощи вырастила ребенка, сгибаясь одновременно под тяжестью батрачей жизни и несправедливых унижений. Теперь Е[лена] В[асильевна] часто говорит своей невестке:

– Сейчас женщине полдела. Вот если б я была молода, – говорит Е[лена] В[асильевна], – я бы...

Угнетенная прежде женщина Поморья теперь расцветает. Устина Кузнецова, сказочница из Сум-Посада, большая часть жизни которой прошла до революции и в очень тяжелых условиях, сейчас является активисткой, организатором хорошего кружка в Сум-Посаде. Она первая вступила в колхоз.

М. С. Паромонова, сказ которой мы помещаем в нашем сборнике, несмотря на свои 60 с лишним лет, вся живет новой жизнью. Это лучше всего выразилось в ее живом, полном художественной изобразительности сказе.

Население Сум-Посада отличается радушием. Сумчане заботливы к удобствам и уюту домашней жизни. В Сум-Посаде есть больница и средняя школа, и потому он представляет некоторый центр орехи окружающих деревень.

От Сум-Посада до Колежмы лесом 30 верст на юг. Довольно широкая в устье своем Колежма быстро превращается в узенький ручеек. По берегам этого мутного ручейка и громоздятся в несколько рядов сельские дома. В противоположность сумчанам жители Колежмы меньше заботятся об удобствах жизни, живут грязнее и беднее. Здесь много дряхлых домов без крыльца, со входом через скотный двор. Но на всем лежит печать деятельного труда. И это не даром. Колежомский рыболовный колхоз «Заря Севера» /организовавшийся в 1929 году/ в 1938 году был на первом месте по району. Все трудоспособные вовлечены в колхоз. Всего с иждивенцами в нем 691 человек. Не велика только партийная и комсомольская прослойка колхоза. Колхозное хозяйство растет и технически оснащается /приобретены моторные ботики/. В селе есть пункт медпомощи, начальная школа и изба-читальня.

Деревня Сухо-Наволоцкое находится в 17 километрах от Сороки. Стоит она у самого моря, тянется по наволоку и берегу морского залива. Жители деревни, помимо рыбного промысла, заняты добыванием туры, редкой морской водоросли, употребляющейся в промышленности. В деревне есть начальная школа и изба-читальня.

* * *

На Поморье сказки живут полной жизнью. Они повседневно рассказываются, заполняя часы и даже минуты досуга крестьянина-рыбопромышленника. Лучшим же доказательством полнокровной жизни сказок является то, что они впитали и продолжают впитывать свою

сказочную традиционную ткань, массу черт жизни своего края: черты его ландшафта, промыслов, быта и социального прошлого.

В большинстве сказок обязательно имеется эпизод, происходящий на море, связанный с мореходством. В таких случаях повествование разрастается в яркую картину с массой реалистических деталей.

Вот, например, начало сказки Клевина /Сум-Посад/ «Наплот-молодец»: родители привязали сына к плоту и пустили по течению в море.

«Вынесло его на море, у него нож, веревки перерезал и очутился на воле. Вдали виден парус, плывет корабль. Он к кораблю, захватился за борт:

– Не будет ли места, – говорит, – для меня на корабле?

Доложили капитану, выходит капитан:

– Где же твое место? – спрашивает.

– Мое место у грот-мачты.

– Ну, заходите, – говорит».

Любопытнее всего то, что так начинается сказка на распространенный сюжет «Мишка Катома», в котором море обычно нигде не участвует. В этой же сказке вместе обычных колодцев у Клевина появляются озера живой и мертвой воды.

Вот еще место из сказки Клевина «Вавилонское царство»: «Прибежал на Вавилонскую пристань, корабля уже нет, парус, как мушинка, вьется, видно».

В сказке Филатова «Зеркальце о двенадцати винтиках» видим следующую картину: «Стали к стенке пришвартовались. Капитан уволил команду гулять на берег. Вахтенных одних оставил».

В другой сказке «Никифорове чудо» того же сказочника читаем: «Пошли они на озеро ловить рыбы, закинули тоню, рыбы не попало ничего... Невод развесили на вешало»... и т. д. Сказочник рисует целый день рыбной ловли.

Образ помора на фоне суровой северной природы и борьба с ней пронизывают северные сказки. Вот эпизод из сказки Сопуновой /Колежма/:

«Пала погода, буря. И погиб ихний корабль. И вот утонули, только один хозяин вышел из воды. Лодку снесло с корабля, и он попал на пустой остров. Вышел когда он на остров и стал искать кругом себя спичек / а спички были в кожаном месте, дак не промокли/, и зажгал огня. И сидит у огня и думает». Потом герой пошел на куйпогу /место берега, с которого ушел отлив/ и наловил там морского зверя для еды.

В сказке Рохмистовой «Про брата и сестру» на свадьбу к царю ездят в карбасе /лодка/: «Сестра села на корму, а брат на весла, и поехали к царю на свадьбу». Типичный северный ландшафт проглядывает в словах Рохмистовой: «Яга лесом обежала, выскочила на наволоки и кричит».

Тот, кто был на Севере, сразу увидит здесь и лес, подходящий к самому морю, и узкие наволоки, врезающиеся в морскую гладь. У сказочника Бахилева /Сум-Посад/ мужичок с локоток появляется в облаке тумана, и сказитель говорит: «Вдруг видит туман там такой, как вот от морянки сегодня».

Очень часто занятием героя является мореходство. Он или сам снаряжает корабль, или нанимается к кому-нибудь в матросы.

Отразилась в сказках и специфика быта. Вот, например, в сказке Сопуновой «Как брат сестре руки и ноги отсек» действие последнего эпизода происходит в двухэтажном доме. Причем это дом старой северной архитектуры, каких теперь уже не строят, но в Колежме еще можно их видеть. Они не велики. Нижний этаж занимает кухня, а во втором чистая половина.

У Сопуновой в сказке нищенку-сестру с сыном помещают внизу, а гостя, купеческого сына, угощают чаем наверху.

Противоречия социальной дореволюционной жизни сказались, главным образом, на антипоповских сказках, очень распространенных здесь. Сказка Сопуновой «Как три сына отца порешили» высмеивает поповскую жадность.

Отношение к попу выражается и в отдельных репликах в текст[ах]. Примеры: «вот раньше попы были в силе» или «знаешь, попы оманывать любили прежде» и т. д.

Одна мы антипоповских сказок настолько обострена, что приобретает смысл уже антирелигиозный. Я имею в виду сказку Нетужилова «Про попа», где пародируется церковная служба. При переезде в дер. Сухо-Наволоцкое почтовый ямщик рассказал нам сказку на сюжет «Горшени», но записать нам ее не удалось. Однако о ней интересно упомянуть потому, что она очень остро подчеркивала ненависть народа к эксплуататорам: Горшеня добивается у глупого боярина согласия приехать на нем к царю. Царь, видя оседланного вельможу, называет его дураком; боярин осмеян, и его место при дворе занимает Горшеня. Таким образом, ясно, что острая сатирическая сказка бытует в этой местности.

* * *

Все наблюдения нашей экспедиции свидетельствуют о том, что сказка бытует в Поморье чрезвычайно живо. Да и не только сказка. Но и вообще обследуемый нами район Белого моря насыщен фольклором.

В местах постоянного жительства северного населения, т. е. не на промыслах, сильной является песенная традиция. Песня исполняется не только индивидуально, но и коллективно, благодаря наличию в ряде мест хоровых кружков. В Сум-Посаде, например, хоровой кружок работает очень деятельно. Участниками его являются в большинстве случаев женщины. А в Вирьме встретила нам молодая сказительница Попова, которая в то же время и возглавляет хоровой кружок.

Распространен в Поморье и жанр баллады. Былина же здесь бытует сравнительно мало.

Обратимся теперь к основной нашей задаче, т. е. к выяснению распространения в данном районе сказочной традиции.

Как уже было отмечено выше, сказка бытует здесь очень живо. Бытованию сказок здесь способствует сама специфика экономической жизни населения. Дело в том, что основным занятием жителей Поморья являются лесные и особенно рыбные промыслы. Сама обстановка работы на этих промыслах содействует бытованию сказок. Растянув тони, рыболовы невольно вынуждены бездействовать, ожидая улова.

Такому же ожиданию подвергаются и отправляющиеся на рыбные и зверобойные промыслы на промышленных судах, которые отъезжают далеко от берега.

Кроме этого, жители Поморья находятся в полной зависимости от моря, так как часто для переездов приходится ждать попутного ветра.

Все это создает известный досуг, который необходимо чем-то заполнить. И вот тут-то мастерство сказителя играет важную роль. Особенно ценят на рыбных промыслах длинную сказку. Родственники сказителя Свиньина /Сум-Посад/, бывавшие на промыслах, рассказывали нам: бывает, что одну сказку сказывает несколько ночей подряд, каждый раз продолжая начатое. А бывает, что сказочный запас иссякает, тогда переходят к различным воспоминаниям, начинают сочинять про свое житье-бытье на промыслах и т. д. И это является одним из путей рождения советской сказки.

Как уже было отмечено выше, лесные промыслы также благоприятствуют развитию сказочной традиции. Нам самим, например, попало производить записи от мастера волшебной сказки Н. Клевина /Сум-Посад/ на месте его работы на сплаве. На берегу реки Сумы, запруженной лесом, очень тихой в этом месте, за 5 км от Сум-Посада, на лесной лужайке, окруженной зарослями ольховника и березняка, на бревнах перед маленькой сторожевой избушкой располагался сказитель и ровно, спокойно начинал свою сказку.

Обычно внимание слушателей для сказителя обеспечено, особенно в обстановке бездействия. Мастер-сказитель быстро овладевает аудиторией. Бывает и так, что сначала сказителя окружают 2-3 слушателя, затем

постепенно, глядишь, подошел еще один, другой. Количество слушателей растет. Растет и интерес, внимание.

Это еще больше стимулирует сказителя, в его творческом процессе рассказывания.

Долгое пребывание среди природы тоже способствует развитию фантастики, созданию сказочных образов и т. д.

Благодаря промыслам сказка распространяется и вширь, так как часто побывавшие на промыслах привозят сказки в свои родные места, в свои семьи. Так, например, сказитель Привалов /Сум-Посад/, сказитель Егоров /Колежма/ и многие другие слышали сказки на промыслах, сами рассказывали там, а теперь рассказывают их в своих семьях и т. д.

Во время долгих зимних вечеров сказка играет очень важную роль. Замечательная сказительница А. Т. Сопунова /Колежма/ сама сообщила нам: «как осенью да зимами придут соседи да все кругом меня соберутся и слушают».

Среди женщин раньше сказка рассказывалась на вечерках. Но как раньше, так и теперь, женщины-матери, бабушки рассказывают сказки детям. Сказитель Клевин /Сум-Посад/, например, сам говорил нам об этом. А. Т. Сопунова /Колежма/, тоже часто рассказывает сказки своему небольшому сынишке.

Бытование сказки среди детей является обычным явлением в этом крае. Дети рассказывают сказки в школе на переменах, в различное время отдыха и т. д.

Сказка захватывает их целиком, и это видно по тому оживленному реагированию, которое она вызывает у них. Однажды нам пришлось записывать сказку от сказителя Соболева /Сум-Посад/ в довольно случайных условиях: происходило это на ступеньках лестницы, ведущей в кооператив. Окружившие нас ребята внимательно прислушивались к повествуемому Соболевым, иногда, не вытерпев, подсказывали ему, следовательно, все было им уже знакомо и, несмотря на это, вызывало живой интерес. Когда мы

обратились к ним с вопросом: не умеют ли они сами рассказывать сказки, то сначала они стеснялись, но затем указали на своего товарища-мальчика лет 11-ти. От этого небольшого мальчика Гриши Плеханова ми записали две сказки.

А в другой раз на подобный же вопрос, знают ли ребята сказки, они с важностью и некоторой обидой на это, что мы в этом усомнились, ответили: «Как же, будто не знаем».

Слушали мы сказку и от мальчика 15-ти лет, окончившего уже семилетку, – Толи Житнина /Сум-Посад/. Сначала он стеснялся рассказывать, просил прослушать его без записи, а затем разошелся, стал рассказывать глаже и не протестовал против записи.

А в центре обследуемого района – в Сорочке /в настоящее время Беломорск/ встретили мы юного фольклориста, подростка 16-ти лет Глеба Подгорного. Он очень интересуется фольклором, если записывает сказки от своей матери и других. Он занимается и литературным самотворчеством.

Таким образом, совершенно очевидно, что интерес и бытование сказки среди детей и подростков в данном районе чрезвычайно живо.

В отношении бытования сказки среди молодежи можно сказать следующее: большинство мужской части молодежи занято на промыслах, поэтому к ним относится все то, что было упомянуто выше. Среди же женской части молодежи сказка бытует слабо.

В Колежме молодая девушка, работник до ликбезу, говорила нам, что молодежь обычно сказки не сказывает, но случается иногда, рассказывают в семье между своими по вечерам. Так, она слышала сказку о двух братьях /в сборнике сказка № ... /, которую и рассказала нам. Слышала она ее в семье, где жила в няньках: собравшимся гостям хозяин рассказывал эту сказку.

Итак, на основании наших наблюдений, думаю, что мы не ошибемся, если скажем, что сказка бытует здесь в основном среди населения, непосредственно связанного с работой на промыслах, а среди остального

населения – в возрастном отношении приблизительно лет от сорока и среди детей и подростков.

Такое широкое распространение сказочной традиции в значительной мере облегчило нашу задачу не только в смысле обилия материала, но и в смысле непосредственного его собирания: безо всякого удивления, а как к должному отнеслись к тому, что сказки мы будем записывать.

Производившиеся Нечаевым записи сказок от сказителя Свиньина /Сум-Посад/ не могли не способствовать тому, что к записи сказок относились, как к обычному явлению.

Даже наоборот: родственники наших лучших сказителей обычно очень гордились тем, что мы записываем у них сказки.

Жена П. Я. Никонова, например, с гордостью начинала рассказывать всем приходившим к ней во время нашей работы соседям о том, что вот сказки Петра Яковлевича очень нравятся нам, что их будут печатать в книжке и т. д.

А судьба сказок и цель нашей записи интересовала, прежде всего, самих сказителей, а затем и их родственников. Очень распространено мнение, что сказки записываются для патефона, на «пластинку». Когда сказители узнавали, что сказки их будут печататься в книжке, то в них пробуждалась огромная серьезность к выполнению своей задачи, а особенно творческая ответственность.

Большинство сказителей охотно откликались на наши просьбы, несмотря на то, что сначала обычно отказывались, стеснялись, говорили, что их сказки не подойдут, что вот, мол, Федор Свиньин /Сум-Посад/ знает книжные сказки, что те вам лучше подойдут и т. д.

Но вскоре чувство художника, гордого тем, что его произведения интересуют, брало верх. Сказитель сам оживлялся и охотно сообщал нам все, что он знал.

Так было, например, с М. О. Нетужиловым /Сум-Посад/. Мы пришли к нему вечером после работы. Михаил Онуфриевич только что вернулся с

пастбища, с «поскотины»), как там говорят, и, видимо, очень устал. На наш вопрос: может ли он рассказывать нам сказки, он ответил односложно, отрывисто и начал что-то бормотать о своей усталости и т. д. Мы предложили ему поработать с ним на следующий день, придя к нему на «поскотину». Увидев, что мы действительно заинтересованы в получении его сказок, Михаил Онуфриевич сразу оживился, глаза у него загорелись, и он начал рассказывать, какие он знает сказки: «я вам такую сказку заверну», и с гордостью заявил нам: «когда разойдусь, я веселый».

И действительно, на следующий день, когда мы пришли к нему, он начал рассказывать, сопровождал свои сказки мимикой, пояснениями, изменением голоса, соответственно с ролью героев сказки.

Егор Софронович Привалов /Сум-Посад/ нашу просьбу принял серьезно, как должное. Каждый раз он ждал нас, уже совершенно готовый к рассказыванию.

Для Анны Семеновны Никитиной /Сум-Посад/ рассказывание нам сказок являлось, может быть, единственным светлым моментом в ее тяжелой жизни. Недаром уже сказала она нам: «пусть после моей смерти останутся хоть сказки».

Клевин /Сум-Посад/, мастер волшебной сказки, отнесся к сообщению сказки чрезвычайно серьезно. Он был предупрежден о нашем приходе за несколько дней. В первый наш визит он рассказал нам три сказки, больше рассказывать в этот день отказался, так как остальные сказки у него не были подготовлены, объяснил он нам. Он обещал подготовиться к следующему разу и действительно: язык его сказок отличался большой отделкой. Он, видимо, вспоминал перед нашим приходом не только сюжет, но и то, как сказывается данная сказка, обдумывая, как было бы лучше сказать.

Готовился к сказыванию и П. Я. Никонов /Сум-Посад/, а А. Т. Сопунова /Колежма/ заранее сообщала нам, какую сказку она будет сегодня рассказывать.

Все это свидетельствует о том, что отношение сказителей к своему мастерству далеко не безразличное, что сказитель заботится не только о содержании передаваемого, но и о форме, в которой оно должно быть передано. Сказители любят свои сказки, передают их, сами оживляются в процессе рассказывания.

Активное отношение сказителей к тексту, к содержанию рассказываемого, проявляется в их многочисленных репликах относительно повествуемых событий, поступков героев и т. д.

Особенно ярко все это проявляется, когда сказитель находится в естественной обстановке, когда его окружают слушатели, когда он видит их живое реагирование на его творческое мастерство. Само рассказывание вызывает живой интерес в слушателях. Слушающие сказку тоже очень активно реагируют. Так, при сказывании сказки П. Я. Никоновым в избе присутствовали его жена, старик-сосед и двое ребятишек. Ребята слушали недостаточно внимательно, так как сказка была для них, очевидно, сложна. Но взрослые слушали с напряженным вниманием, делая иногда шуточные, иногда серьезные замечания, в которых выражали свое отношение к достоверности рассказываемого, спрашивали сказителя о дальнейшей судьбе его героев, беспокоились о них: «ишь ты, какой, ну, а што же с ним дальше то будет?» и т. д. Возникали споры о том, правильно ли поступил герой в том или ином случае и т. д.

Или другой пример: во время нашей записи сказок у Клевина на сплаве недалеко от нас расположилась отдыхать бригада сплавщиков. Усталые, они сначала не обращали, переговаривались между собой, но постепенно прислушивались к сказке /Клевин рассказывал «Пойди и не бойся»/, видимо, она начинала заинтересовывать и захватывать их. Они так же, как и слушатели Петра Никонова, высказывали свои замечания, и, когда бригадир напомнил им о конце отдыха, все они очень неохотно разошлись, жалея о том, что не удалось дослушать сказку до конца.

Слушающая аудитория не только активно реагирует во время самого процесса рассказывания, но и вообще мастер-сказитель является известным лицом среди населения. Для нас, например, основным источником нахождения сказителей являлись расспросы местного населения, и эти указания обычно оказывались верными. Настоящие мастера-сказители, какой является, например, А. Т. Сопунова /Колежма/, с достоинством говорили нам о своем умении рассказывать сказки. Да и среди населения Колежмы она пользуется популярностью и уважением как сказительница. Односельчанки сплошь и рядом говорят о ней: «Где уж мне, да я не памятна, знала смолоду, а теперь все позабыла. А вы пойдите к Тимофеевне, вот она-то памятна, она и сейчас сказывает. Она столько знает, верно, и премии получит за это.

Репертуар такой сказительницы в значительной мере известен для односельчан.

В этом отношении интересен один факт, свидетелями которого нам пришлось быть.

Во время нашей записи сказок от Анны Тимофеевны Сопуновой в избу пришла моложавая женщина, соседка Анны Тимофеевны. Узнав, что мы записываем сказки Анны Тимофеевны, она очень оживилась, но все время не могла успокоиться: зачем, мол, Анна Тимофеевна рассказывает сказку о том «Как три сына отца кормили». По ее мнению, эта сказка несерьезная, ничего не стоящая, ее ни в патефон, ни по радио передать нельзя.

И как мы ее ни уверяли, что нам сказки нужны не для патефона и не для радио, а для книжки, она все не могла успокоиться и так до конца сказки все вмешивалась, перебивала и советовала Анне Тимофеевне рассказать другую сказку, называя при этом ее.

От Анны Тимофеевны сказки и перенимают: та же соседка Анны Тимофеевны рассказывала нам, что многие, почти все сказки, она сама переняла у Анны Тимофеевны и теперь рассказывает их.

* * *

В обследованной нами части Поморья представлена и волшебная сказка с занимательными авантюрными сюжетами, и сказка новеллистическая, и короткий анекдот, обычно заостренный против попа, барина и т. д., и сказка животная. Каждая из этих групп имеет своих мастеров-исполнителей. Так, например, мастера серьезной волшебной сказки, какими являются Клевин, Никонов, Егоров и др., в большинстве случаев не любят рассказывать короткую анекдотическую сказку и почти не знают ее. И, напротив, целый ряд сказителей: Нетужилов, Соболев и др. – живые, остроумные, рассказывают, главным образом, короткие сказки-анекдоты и совершенно не знают волшебных. Анекдот – это их стихия, они чувствуют себя в ней свободно, увлекаются сказыванием, сопровождая его обычно соответствующей мимикой, интонациями, жестами и проч.

Сказки о животных так же, как и короткие волшебные и новеллистические сказки, знают и рассказывают здесь, главным образом, женщины. Это объясняется тем, что женская сказка, рассказывавшаяся раньше на бесёдках, теперь обращена, главным образом, к детской аудитории и поэтому она менее сложна.

К числу таких сказительниц относятся Е. В. Рохмистова, Попова и др. Но и эти простые сюжеты прекрасно разработаны, например, Рохмистовой, по линии сообщения сказке динамики, разработки диалога и проч.

Но среди женщин мы встречаем в Поморье и мастеров волшебной длинной сказки с осложненным сюжетом. Таковы А. Т. Сопунова и А. С. Никитина.

Отношение самих сказителей к различным видам сказки также показывает, что в их представлении короткая анекдотическая сказка является чем-то принципиально отличным от сказки волшебной. Часто сказители, знавшие только анекдот, долго и упорно отказывались рассказывать, говоря, что <это> «не настоящие» сказки, так, только «прибаутки», которые не стоит и записывать.

Сюжеты северных поморских сказок представляют собой большой интерес, т. к. они в ряде случаев отклоняются довольно сильно от традиционных русских сказочных сюжетов, известных по записям в других областях. Эти отклонения не являются случайными, мы можем проследить ряд моментов, связанных с условиями бытования сказки в Поморье, которые повлияли на характер сюжетов.

В Поморье нами записан ряд сюжетов, широко известных в русской сказочной традиции: «Три царства», «Про Ивана дурака», «Золотой мужичок», «Пойди туда, не знаю куда» и др. В некоторых сказках мы встречаемся с контаминацией традиционных сказочных мотивов и сюжетов, о чем ниже. Но наряду с этим мы встречаемся в Поморье с сюжетами, не имеющими аналогии в русской традиции: таковы «Леший-жених», «Никифорове чудо» и др.

Кроме того, нами записано здесь несколько сказок, мало распространенных вообще в русской традиции, варианты которых, однако, встречаются как на севере /сборнике Ончукова «Северные сказки» и бр. Соколовых «Сказки и песни Белозерского края»/, так и в других частях страны. Однако при сличении вариантов обнаруживается, что все северные варианты сходны между собой и ближе всего к сказкам, записанным в Поморье. Такова, например, сказка «О Заре царевиче», чрезвычайно распространенная в Поморье, сходный вариант которой мы находим в записи Смирнова в Вологодской губ., № 32 /где сказка носит то же название/, другие два русских варианта значительно отличаются от наших. Те же наблюдения сделаны и в отношении сказки Клевина «Пойди и не бойся». Больше всего вариантов этого сюжета записаны на Севере, <из> др[угих] мест мы имеем только два варианта /Афанасьев «Русские сказки» № ... и Садовников № .../ Сказка в сб[орнике] Садовникова отличается от нашей и др. многочисленных северных вариантов, т. к. действие в ней происходит не в подводном царстве, а на суше и разворачивается несколько иначе /См. комментарий № .../. Типично северным является и начало сказка «Наплот-молодец» /«Безногий и

слепой богатырь»/. Герой здесь отправлен родителями на плоту вниз по течению реки. В море он пристает к кораблю, просит его взять на борт, его просьбу исполняют. Затем встреча с Иваном царевичем, формула: «Был бы меч, стал бы сечь...» и т. д. С аналогичным началом этого сюжета встречаемся мы только в сборнике Ончукова № ...

Следует заметить, что все отмеченные сюжеты и мотивы, свойственные только северным сказкам, так или иначе связаны с морем, с водой. В сказке «О Заре царевиче» герой со своей невестой едет на корабле по морю, по дороге невесту /или жену/ сбрасывают в море, затем она появляется из моря в виде рыбы, водяной птицы /утка и др./ или же, как это дается почти во всех записанных в Поморье вариантах, в образе женщины, скованной морским царем цепью. В сказке Рохмистовой «Брат и сестра» /тот же сюжет/ прекрасно разработано путешествие брата и сестры в лодке по реке, встреча с Ягой на «наволоке» и т. д. /см. выше стр. .../. Начало «Наплота-молодца» также связано с путешествием героя по реке, по морю. В сказке «Пойди и не бойся», также чрезвычайно популярной в Сум-Посаде и окружающих деревнях, – мотив, сходный с былинной о Садко, остановка кораблей в море, спусканье героя в подводное царство, к морскому царю. Интересно, что тот же мотив остановки кораблей в море служит началом записанных в Поморье сказок о «Василисе Премудрой», которая также в этом отношении совпадает только с вариантом из «Сев[ерных] сказок» Ончукова. Вполне вероятно, что эти мотивы возникли именно на Севере, вблизи моря, с которым все местное население связано в течение всей своей жизни /промысел, служба на судах и проч./.

Может быть, своим морским колоритом /действие в подводном царстве у морского царя, героиня – дочь морского царя/ и привлекает особенно поморов сказка о «Василисе Премудрой», ее знают почти все сказители, от которых нам приходилось записывать. Многие с нее именно начинали сообщение сказок. Нам пришлось записать в Поморье пять вариантов ее, из

которых два приведены в настоящем сборнике /Клевин № ..., Сопунова № .../.

Но не только местный колорит, северная природа повлияли на специфику сюжетов и мотивов поморских сказок. Культурные связи поморов, их беспрестанное общение с Западом, /главным образом, Норвегия/ также наложило свой отпечаток на сказочную традицию поморов. Так, в числе записанных нами сказок есть несколько сюжетов и мотивов совершенно неизвестных русской традиции, но широко распространенных на Западе. Сказка Сопуновой «Про царя Берендея» представляет собой вариант сказки широко известной на Западе и помещенной в сборнике немецких сказок бр. Гримм под названием «...». Сюжет сказки Сопуновой очень близок к западному /наказание жены за ее гордость и спесь рядом испытаний/. Сказку с аналогичным сюжетом пришлось мне слышать на Зимнем берегу Белого моря, куда она, так же, как и в Карельское Поморье, проникла, по-видимому, с Запада.

То же наблюдаем и в отношении сказки Сопуновой на сюжет «Отдай, чего дома не знаешь». Василиса Премудрая остается ждать героя в поле цветком. Цветок срывает и приносит к себе и дом крестьянин, но утром она становится девушкой и выполняет все хозяйственные работы. Этот мотив в русских сказках встречаем только в одном варианте /Сборник Афанасьева № .../, на Западе же он чрезвычайно распространен, его мы находим разработанным в виде самостоятельного сюжета к сказке «...» из того же сборника Гримм.

Большинство западных сказок могли прийти в Поморье через книгу. Население Поморья в большинстве своем грамотное, много грамотных среди женщин. Некоторые из наших сказителей отличались исключительной любовью к чтению. Много читал в молодости П. Я. Никонов, много читает до сих пор, несмотря на свои годы А. С. Никитина /которой исполнилось уже 80 лет/. От нее записан ряд сказок, в той числе «Двенадцать лебедей», которая представляет собой довольно точный пересказ сюжета одноименной

сказки Андерсена. /Сюжет этот в других местах Союза не известен/. Пересказ этого сюжета приходилось мне также слышать на Зимнем берегу Белого моря.

Знакомство сказителей с книгой обогатило их репертуар рядом сюжетов книжного происхождения, так называемыми «лубочными» сказками. От А. С. Никитиной записаны «Английский милорд», «Еруслан Лазаревич», знает она и «Конька Горбунка» по Ершову, от П. Я. Никонова – «Франциль Венециан». Широко известны в Поморье арабские сказки «1001 ночь». От сказительницы ... записана сказка «Али Баба и 40 разбойников». А. С. Никитина, сообщая сказку о «Жар птице и Сером волке» говорила, что знает <ее> из лубочных картинок, но конец сказки заимствован сказительницей из одноименной сказки Жуковского, которую А. С. незадолго до того читала. Ни народная сказка о «Жар птице», ни лубочная сказка не имеют в конце такого сплетения ряда сказочных мотивов, заимствованных из различных сказок и совершенно не связанных с основным сюжетом: поездка за гусями, смерть Кощея на острове Буяне, ворон, оживляющий Ивана царевича, приезд волка и др. Анна Семеновна, обладая прекрасной памятью, видимо, запомнила все эти мотивы и передала их довольно точно. Вариант Жуковского, по всей вероятности, вошел в местную традицию, т. к. в Сум-Посаде был записан и второй вариант этой сказки от сказителя Привалова.

Несомненное влияние на народную традицию оказала и сказка Пушкина «О рыбаке и рыбке». «Золотая рыбка», записанная от Е. В. Рохмистовой, воспринята ею устным путем. Сама сказительница говорила, что слышала эту сказку в молодости от старух во время вязания сетей. Сказительница неграмотна. Однако черты влияния пушкинской сказки на тексте Рохмистовой проявляются довольно сильно. Следовательно, здесь влияние литературной сказки на народную произошло в отдаленное время. Следует отметить также, что чрезвычайно своеобразный по своему мастерству сказитель Ф. Н. Свиньин /Сум-Посад/ строит целый ряд своих сказок на

материале сказки литературной, причем на его творчество повлияли не только сюжеты литературных сказок, но и их стиль.

Третьим фактором, оказавшим огромное влияние на характер сюжетов поморских сказок, был промысел. Свободное время, остающееся у рыбопромышленников во время их пребывания «на тонях», на судах, ледоколах в ожидании зверя или хода рыбы /сельди, трески/ коротается, по словам самих сказителей, сказыванием сказок, чтением. В аналогичном положении находятся и охотники, проводящие по несколько суток в избушках лесников. Здесь-то и происходит обмен сюжетами между сказителями всего Беломорского побережья¹. Сказывание ведется целыми ночами. Естественно, что каждый сказочник стремится сделать свою сказку наиболее занимательной и длинной, растянуть сюжет за счет дополнительных мотивов, эпизодов, иногда традиционных, иногда менее популярных. Сказитель усиливает характер трудностей и препятствий, встречающихся на пути героя, и увеличивает их число, повышая тем самым внимание слушателей. Длинная сказка чрезвычайно ценится в Поморье. В Сухо-Наволоцкой до сих пор вспоминают с большим уважением о сказителе Якове Никонове, отце Петра Яковлевича, который «как заведет, бывало, сказку, так на несколько ночей хватит».

И сейчас обычно говорят о хороших сказителях: «Ну, он хорошие, “долгие” сказка знает». Все эти условия и были причиной того, что большинство сюжетов поморских сказок представляют собой сложную контаминацию нескольких сюжетов и мотивов. Проследим это на материале. Сказка Привалова «Иван Сосновец» представляет собой соединение двух сюжетов: «Три царства» АА 301, «Долыня» АА 301 В /подробнее см. комментарий/. Пример аналогичной контаминации встречаем мы только в сборнике «Беломорские сказки» Нечаева /записано в Керети/ в сказке Коргуева «Иван Соснович». С этой сказкой сказка Привалова совпадает и в

¹ Лов происходит, главным образом, у Мурманского берега, куда съезжаются обычно промысловые бригады из всех районов Беломорского побережья: Терский берег, Летний берег, Зимний берег, Карельское Беломорье и др.

некоторых деталях /сын из пня, подобное название сказки также больше нигде не встречается/. В сказке Сопуновой «Зорька, Вечорка и Полуночка» в сюжет о «Трех царствах» АА 301 помимо основного сюжетного мотива вкраплен второй мотив борьбы героя со змеем. Герой попадает к слепому старику, который посылает его пасти стада на берег реки. Из реки выходит змей, с которым герой трижды вступает в единоборство. Мотив этот распространен в Поморье – встречается, например, в сказке Бахилева «Иванушка Пастушок», где герой, пасущий коров в заповедных лугах, вступает в единоборство, но не со змеем, а с мужиком с ноготок, борода с локоток. В сказку Сопуновой этот мотив введен как элемент, осложняющий действие.

Ярко представлена такого рода контаминация в сказке Егорова «Купленная жена».

В сказке Филатова «Никифорово чудо», имеющей широкое распространение в Поморье, но не известной в др. частях Союза, мы встречаемся также с соединением нескольких самостоятельных мотивов, из которых только один /превращение мужа в собаку/ распространен в русской традиции.

Но особенно ярко проявляется контаминация в сказках Никонова и Бахилева.

Ядром сказки Никонова «Заколдованное царство» является распространенный сюжет «Царевна лягушка» АА 402, но он осложняется здесь целым рядом дополнительных мотивов. Чародей Мухомор, разгневанный на царя за то, что тот отказывается выдать за него дочь, превращает царство в болото, а царевну в лягушку. Этому мотиву в других вариантах нет. Таким образом, то, что в других сказках обычно остается необходимым причина превращения девушки в лягушку и ее дальнейшее освобождение героем от каких-то чар, здесь благодаря вводящему мотиву оказывается вполне объясненным. В сказке Никонова развитие сюжета «Царевны лягушки» не самоцель, оно служит для разрешения задачи: снятия

чар с царства. В конце сказки включен ряд дополнительных мотивов: герой в поисках жены отправляется за смертью Кашея на остров, ему помогают животные, он добывает смерть Кашея и сжигает его замок, при помощи волшебного кольца достигает царства, которое после смерти Кашея освобождается от чар.

В основе сказки № ... лежит сюжет «Героя змееборца» АА 300 /поездка за живой водой, погоня царевны и проч./. Сюжет этот заканчивается уже после освобождения героем своих братьев. Но сказителю этого мало, и он ставит своему герою новое препятствие.

Братья подъезжают к росстани, и герой решает ехать по третьей дороге, которая осталась еще не очищенной /этого момента в сюжете АА 300 нет/. И здесь сказителем присоединяется совершенно новый сюжет «Три царства» АА 301, разработанный чрезвычайно подробно. В него вплетается ряд мотивов, не свойственных вообще сюжету «Трех царств», но разработанных на основании отдельных упоминаний и образов, имеющих в сюжете. Так, в некоторых вариантах сюжета герой выбирается из подземелья при помощи Ногай-птицы, которая выносит его в награду за опасение им ее птенцов. У Никонова здесь создается целая ситуация. Во-первых, вводится образ слепой старухи, которую герой при помощи живой воды вылечивает от слепоты. Образ старухи – повелительницы птиц не встречается в сюжете «Трех царств», но является необходимой принадлежностью сказки «Пойди туда, не знаю куда», из которого он, по-видимому, и попал в сказку Никонова. Ногай-птица прилетает от девицы-героини первого сюжета, которой она помогает снаряжать корабли для возвращения ее, согласно обещанию, к Ивану царевичу. Этот эпизод как бы возвращает слушателя к первой части сказки. Второй сюжет здесь, как и в «Заколдованном царстве», сказителем не механически сцеплен с первым, он вставлен в сюжетную ткань первого сюжета, с которым сказитель его связывает целой сетью внутренних нитей.

Ногай-птица выносит Ивана царевича на землю, он возвращается в свое царство и присутствует на свадьбе братьев. Обычно в сюжете «Трех царств»

герой спасает трех девушек, на двух женятся братья, на третьей – сам герой. В нашей сказке, благодаря сцеплению двух сюжетов, герой во второй части уже занят. Его жена царевна, обладательница живой воды, обещала приехать к нему через семь лет. Сказитель, не нарушая логичности, <соединяет> эти моменты, вводя дополнительный образ охотника, которого братья берут к себе в товарищи и который затем должен жениться на третьей девушке. Кончается сказка приездом царевны с сыновьями. Здесь за концом сюжета «Трех царств» следует обычный конец первого сюжета. Мы видим, что сказитель переплетает два сюжета рядом отдельных нитей, связывает их при помощи отдельных мотивов, иногда традиционных для сюжета, иногда введенных самим сказителем. Соединят таким образом оба сюжета в единое органическое целое, не нарушая логики в действии, он создает на основании традиционных сюжетов совершенно новую сказку, более сложную и тем самым более занимательную для слушателей.

Интересно проследить, на основании чего произошло сцепление именно двух данных сюжетов. В ряде вариантов сюжета «Змееборца» А. 300 герой, спасаясь от погони или освободив братьев, падает сам или брошен братьями в подземелье, где он борется со змеем, освобождая дочь царя. В сказке Никонова на основании этого мотива спуска в подземелье присоединяется целый сюжет, «О трех царствах», <он> начинается обычно со спуска героя в подземное царство.

Большой интерес представляет со своей сюжетной стороны сказка бывшего лесника Н. А. Бахилева. Сказка «Иванушка Пастушок» составлена из двух основных сюжетов: «Волшебное кольцо» АА 560, «Борьба со змеем» АА 300. Но, в противоположность Никонову, где составные части сохранены полностью со всеми входящими в них мотивами, иногда распространяемыми сказителем, в сказке Бахилева эти составные части подверглись уже значительному изменению. Так, в сказке «Иванушка Пастушок», в первой ее части из сюжета «Волшебное кольцо» сохранился только мотив помощи богатырей, благодаря которой герой добывается руки царской дочери и

выполняет поручения царя /пасти коров/. Сам чудесный предмет – кольцо – здесь отсутствует. Мотив найма героя к царю в пастухи заимствован из других сказочных сюжетов, где он комбинируется с другими мотивами.

Сюда же вплетен и мотив борьбы героя с мужичком с ноготок, борода с локоток, кот[орый] встречается обычно в сюжете «Трех царств» /см. комментарии и статью выше/. И, наконец, уже после свадьбы героя начинается вторая часть сказки, построенная на мотиве борьбы героя со змеем. Однако и этот мотив здесь несколько видоизменен. Мотив «змееборца» обычно контаминируется в сюжете с путешествием героя за живой водой и спуском его в подземное царство /см. Никонов № ... и комментарий к нему/. В сказке Бахилева эта часть отсутствует. Вместо единоборства героя – отправление его на войну с рыцарями против царя нечистой силы, сватающегося за его жену. Таким образом, здесь совершенно новая сказка, созданная уже не из традиционных сюжетов, а на основе контаминации ряда отдельных сказочных мотивов.

Еще больший интерес представляет сказка «Про короля Султана». Традиционным здесь является мотив борьбы чертей /в ряде сказок леших/ за наследство и получение героем от них чудесных предметов /скатертки, шапки-невидимки, ковра-самолета и рожка/. Все остальное, помощь солдата, возлюбленного королевской сестры, королю в его женитьбе, в том виде, как оно дается в сказке Бахилева, в сказочной традиции не встречается. Но если присмотреться внимательнее к этой основной части сказки, мы увидим, что в сущности, она построена на известном и широко популярном в Поморье сюжете «Василисы Премудрой» /см. № ... и статью <ранее>/. У царя-волшебника здесь двенадцать дочерей /там у морского царя двенадцать дочерей/, из которых герой трижды выбирает себе невесту. Предупреждения солдата – выбирать ту, у которой «мушинка побежит по лицу, горбатую, старую», – вполне совпадают с предупреждениями, которые дает герою перед выборами Василиса Премудрая. В сказке «О Василисе Премудрой» герой обычно спасается с Василисой, переезжая реку по мосту /из полотенца,

которое затем обрезают, и морской царь падает в море. Рудимент этого мотива находим мы и в сказке Бахилева. Свадебный поезд едет через мост. Герой с невестой едет впереди, затем солдат при помощи волшебной палочки разрушает мост, конец поезда вместе с волшебником гибнет в реке. Здесь мы видим, как на основании одного традиционного сюжета, измененного благодаря присоединению ряда новых мотивов, получается новая сказка.

Среди промышленников и охотников создается ряд небольших новеллистических сказок, скорее рассказов об охоте, о рыбном промысле. Таковы, например, <u>Бахилева «Охотник» и сказка Парамоновой «...», где дается картина хода сельди.

В Поморье создаются анекдотические сказки. Социальное расслоение, которое до революции было ярко выражено в Сум-Посаде и окрестных деревнях, также отразилось на местной сказке. Здесь мы встречаемся с большим количеством антипоповских сказок. И созданные, по-видимому, здесь же анекдотические сказки направлены также против попа. Так, например, сказка Нетужилова «Про попа» не встречается в других местах Союза. Зафиксирован всего один вариант этой сказки в сборнике Ончукова, записанный Ончуковым в с. Вирьма, в двадцати километрах от Сум-Посада, где производилась нами запись от Нетужилова. Таким образом, вероятнее всего предположить, что сказка эта местного происхождения. Тем более что ончуковский вариант текстуально близок к нашему вплоть до песни попа: «Из-за острова-то, острова Кондострова». Сказка эта заострена не только против попа, но против религии вообще, здесь в песнях церковных служителей пародируется церковная служба.

Не найдено вариантов сказки Сопуновой «Как три сыча отца кормили». Возможно, что и эта анекдотическая сказка, где одураченным остается жадный поп, местного происхождения.

Мы можем проследить создание такого рода сказок-анекдотов. В Сум-Посаде есть знаменитый мастер анекдота портной Соболев, от которого нам не удалось произвести систематической записи. Он известный в деревне

балагур, знает большое количество анекдотов, известных вообще в русской сказочной традиции, рассказывает он их очень живо, меняя интонации, но совершенно серьезно. Соболев, рассказывая другие анекдоты, по настоятельной просьбе аудитории, рассказал анекдот о похоронах кота в старообрядческой деревне. Анекдот этот создан им самим, сказитель пытался при передаче пародировать церковную службу, пение старообрядцев, живших в соседней деревне Пертозеро: «У меня кот был Бусынька...»

Анекдот Соболева, очевидно, неоднократно рассказывался сказителем. Слушатели его прекрасно знают, особенно детская часть аудитории подсказывала Соболеву, подпевала ему и т. д. Таким-то образом, вероятно, и возникали, возможно, даже тут же в процессе сказывания во время общения сказителя с аудиторией такого рода сказки-анекдоты, как «Про кота» Нетужилова и другие.

Промышленники Поморья складывают и новые сказки о своей жизни на промысле, о новой жизни. Такова, например, публикуемая здесь сказка Ф. Свинына «Волшебные трубки». А[некдот], может, этот создан самим сказителем. Четыре человека, которые не верили в бога и не ходили в церковь, подвергаясь насмешкам всех соседей, едут на промысел. Следует подробно разрабатываемая сказителем-промышленником картина сельдяного промысла. При помощи сказочных предметов, трех трубок, данных им, герои побеждают море, их улов оказывается лучше, чем у других крестьян, которые, убеждаясь в превосходстве героев, вступают в организуемую ими артель.

Анализ сюжетной стороны поморских сказок неизбежно приводит нас к следующему выводу о жизни сказки. Мы видим, что сказка в Поморье действительно живет. Репертуар сказочника здесь ни есть нечто застывшее, неизменное. Он беспрестанно расширяется за счет новых сюжетов, заимствованных из других источников, от сказителей из других частей Беломорья на промысле, из сказочных сборников. Здесь не только передается из уст в уста старая традиционная сказка, но на основе старого сказочного

богатства /сюжетов и мотивов/ строятся совершенно новые сказки, сложные волшебные и короткие анекдотические, которые прочно входят в традицию и передаются из поколения в поколения /так, например, сложена сказка Никонова усвоена им целиком от отца-промышленника, сказителя Якова Никонова/, распространяются по всему Беломорью. Создаются не только сюжетно новые сказки, но и сказки новые в тематическом отношении – сказки и сказы с современной советской тематикой.

К сожалению, нам не удалось произвести достаточной записи от более молодого возрастного слоя сказителей-промышленников, т. к. последние во время нашей работы в деревне, были заняты на промысле в Мурманске.

Много интересных особенностей можно наблюдать в говоре поморских деревень. Говор здешних жителей окающий. «О» всегда произносится четко, даже если на него не падает ударение. Сохраняется старое «О» в словах, которые утратили его в литературном языке, например – работа, Ондрей.

В говоре старшего поколения, в особенности женщин «Ч» произносится как мягкое «Ц». Например, в сказке Рохмистовой /Сум-Посад/ встречаются такие фразы: «скоцил до 12 венца, доць была хороша». Мужчины, побывавшие в городах, не цокают. Очень распространено такое явление, когда в таких словах, как «опять, прялица» «А» /перед мягкими согласными/ произносится как «Е» – «опеть, прелица».

В словах «вси, исть, на столи» вместо литературного «О» звучит «И». Много особенностей есть в ударениях слов. Ударение в слове часто не совпадает с ударением, которое обычно в литературном языке. Существуют особенности и морфологические – в склонении имен существительных и прилагательных и в спряжении глагола можно отметить следующие явления: дательный и предложный /местный/ падежи слов женского рода с окончанием «А» совпадают с родительным падежом. Например, в сказке Тихонова /Сум-Посад/ говорится «сидит в тюрмы месяц, скажи мамы» Творительный падеж множественного числа существительных имеет окончание «МЫ» и прилагательных «МА» – «грязныма руками». Слова

мужского рода в предложном и родительном падежах часто получают окончание «У» – «на чердаку, на камню». Глаголы в третьем лице единственного и множественного числа могут не иметь окончание «Т». Например, говорят: «и все плаче, что рыбка скаже, война иде». Глаголы имеют в большинстве случаев стяженную форму: «быват, играт, делат». Сохраняется старая форма личного местоимения женского рода в винительном падеже «Ю»: «он ю так умаял».

В сказках сохраняются древние застывшие формы слов и оборотов речи, употребляется много местных областных слов. Употребляется, например, форма краткого прилагательного – «он сел на добра коня». Зачин сказки – «жили-были» – древняя форма сложного прошедшего. Интересны такие местные выражения, которые встречаются в сказках: «молодцы покрушные /нарядные/, велерины сидели, выстали на наволок /дорогу/, где дроля /милый/ живет, избу веником опохали» / подмели/.

Часто попадают в сказках морские термины – «корабль стал на якорь, ветра пали встречные, мое место у грот-мачты, стали к станке, пришвартовались, капитан уволил команду гулять на берег, вахтенных одних оставил». В этих примерах видно, что сказочник часто пользуется морской терминологией. Язык сказок не только сохраняет старое и отжившее, но и впитывает в себя явления современной жизни. В сказке Никонова /Сум-Посад/ царица, обращаясь к слуге, говорит: «Ну вот, товарищ конюх!». В сказке «Об Иванушке дураке» мать учит сына сказать при встрече с работающими – «труд на пользу» – новое колхозное приветствие. В сказке «Про попа» мужичок Иван «выступил с речью». Язык сказок живет и изменяется вместе изменениями, которые происходят в условиях жизни создателей этих сказок.

БЕЛОМОРСК (б. СОРОКА)

ПАРАМОНОВА МАРФА СЕМЕНОВНА

(Запись Е. Ленсу и Л.Хайкиной)

СКАЗ

(о том, как М. С. Парамонова на Красную площадь попала)

Ну, как я попала на Красну площадь?

Приехала к зятю, да и доцьке. Зять у нас военным служит, а доцька учительницей. Осенью-то праздник: Ноябрьский называется. Я ведь слышу, хоть не грамотна, я слышу, что интересно на Красну площадь попасть. Я выпрашивала, а оны говорят:

– Не, мама, не попасть, не попасть. Есть, что свободны зайдут – милиционеры вытаскивают.

Доцька меня не приглашат. А я знаю, что доцька за маму может взяться, думаю: ни за что не покорюсь, все равно попаду, сама попаду.

Она мне говорит:

– Я пойду, мама.

А мне уже так нехорошо, что она не берет. Я потом пошла на улицу с внучкой. У каждой улицы флаки. Мне уж хочется попасть на площадь. Гарнизации идут, дак все главные за гарнизацию расписываются. А я все в голову беру, слышу, как за маму, дак можно бы взять. А я думаю, что я все-таки попаду. Я беру в голову: наплясать, за пляску на Красну площадь попасть. Взяла все документы: паспорт и все. Если заберут в милицию – дак не потеряюсь.

Публика идет, да станет, идет, да станет. У каждой баяны светлы да флаки.

– Ужли я не попаду?! Я, бабушка Парамониха, меня все в Сороке знают, да я не попаду!

Потом стала поплясывать по панели. А публика говорит:

– На, бабушка старенька, верно, ножки позябли.

– Да, дедушки, позябли, позябли.

А я думаю: не позябли, а мне хочется выработать желание свое.

Подходит партия с баянами, а я пляшу. Я подхожу, у милиционеру и спрашиваю:

– Скажи правду: можно ль плясать? Я бабушка Парамониха, я хочу плясать при этой власти, мне эта власть ндравится. У меня был сын коммунист.

– Можно, – говорит, – пляши. Бабушка, – скажет, – пляши и для старых, и для малых хватит.

Потом публика, эти мущинья, говорят:

– Бабушка! Пляши, мы тебя не дадим.

– Нет, детушки, меня заберут.

Прошли три ли, пять ли километров. Я от их-то как иду да мне навстрету публика идет.

– Бабушка, пляши! Пойдем с нами на Красну площадь.

А я говорю:

– Куда вы меня кладете да куда приведете?

Я все не смею, пойду, да обратно. А мне навстречу все идут, идут. Идут женщины, двое флаки несут. А в середке женщина, на левом плече баян светлый-светлый. Да играет так хорошо-хорошо. Она играт, а я плясать, я плясать!

– Бабушка, пойдем с нами на Красну площадь.

– Нет, детушки, куда вы меня кладете, куда приведете?

– А приведем мы тебя к метры.

А девушки хороши. Одну звали Дуся, другу Вера.

Вера и говорит:

– Дуся, возьмем за маму.

Дали мне флак. Я согласилась и пошла. Шли, шли до ворот. Там вытаскивают – на одну сторону да на другую сторону. Ой, любушка, думаю, меня потащут. Как ворота-то прошли, у меня сердце-то та-ак отлегло.

– Бабушка, гляди, попала ты на Красну площадь. Ну, бабушка, пляши!

Я – плясать! Ну, думаю, жонки хороши, не потеряюсь. Не потеряюсь в Москвы – не в лесах. Парень молодой выскочил – я с им. Старуха старая с молодым пляше. Ну, меня обстали.

– Бабушка, умеешь ли ты песни петь?

– Нет, детушки, нынешних не умею, а досюльных умею.

Я и затянула: «Пти-и-ица, пташка-канарейка...». Публика в долони плещут.

– Бабушка, – спрашивают, – сколько тебе лет.

А я кому говорю семьдесят, кому – двадцать пять. Идем, идем, а оны говорят:

– Бабушка, если нас разобьют – пойдем коло вождей, так ты спляшешь?

Потом стали разделивать, да нас к самому трибуналу и пустили, где Сталин да Ворошилов, да Калинин. Идем, а они на трибунале. И сверху, и снизу красноармейцы их сторожат. А подружки и говорят:

– Пляши, бабушка! Есть ли у тебя платок?

– Есть, любушки.

Я вытянула платок из пальто, да платком машу, да пляшу. Я говорю:

– Я скажу, что я бабушка Парамониха из Сороки приехала.

Они говорят:

– Скажи.

Я кричу:

– Я бабушка Парамониха из Сороки приехала!

А оны оттуль платками замахали. Я и не знаю, куды глядеть. На ноги али вверх. Я уж в ноги не гляжу – там гладко, да паду, дак ладно, на них гляжу да кричу, да пляшу. А мне в долони плещут. А я все гляжу: мне их-то охота

разглядеть да сосчитать, да наверх-то – там аэропланы, да плясать. Дак я все разглядела: их-то, трибуналу, восемь человек, дак каки шапочки, да что. Обстали, обстали вокруг меня да выпрашивают:

– Бабушка, где живешь?

Я говорю:

– В метры.

Ну, вот мы на метру пришли, меня стали в гости звать (жонки-то).

– Ой, не могу, не могу, доцька заругает, поздно, ведь она в молицию пойдет.

Потом иду, думаю, не попаду с метра. А попала. Прихожу домой, да отворила мне красна партизанка (суседка).

– Да, бабушка, где ты? Настасья Александровна– когда-то ходит да ноет со внучками, что бабушка потерялась.

– Где была? Где вы были, там и я была.

– Да мы на Красной площади были.

– И я. Вы думаете, старуха бестолкова из Сороки приехала, дак не могу?

Разделась, а у меня вся спина мокра.

– Вот, – говорю, я за что попала – за пляску.

– Так ты плясать умеешь?

– Умею.

– И петь умеешь?

Да налила мне водки стакан, не знаю, как, только сладка. Я выпила. Меня и раскуражило. Я стала петь. Вдруг доцька стучит. Она говорит:

– Мамочка, где ты была?

– За мной далеко тебе гнаться, как я была на Красной площади.

– Да я сорок лет прожила, а не видала, как ты поешь да пляшешь.

Я сказала:

– А нынь повидай.

– А как же ты на Красну площадь попала?

– Да я у вас месяц выведывала, выпрашивала, а вы не хотели.

– А ты бы попросилась, – это доцька-то говорит.

– А нет, я все-таки, хоть одним годом, да поматерей тебя. Хоть ты и учительница, а не годится мне у тебя проситься.

Доцьке-то нехорошо-нехорошо стало. Смотрю, глаза завертелись, завертелись, да слезы...

– Не даром, – говорит, – ты все выпрашивала у внучек-то...

Дер. СУХОनावолоцкая

НИКОнов ПЕТР ЯКОВЛЕВИЧ

(Запись И. Колесницкой и М. Шнеерсон)

ТРИ ЦАРСТВА

В некотором царстве, в Великом государстве был царь Бребиус. Вот у его было сыновей три – Василей, Григорей и Иван, тот самый младший. Ну, дети были еще небольшие пока, потом дети стали подрастать, а старик стал стариться. Стало здоровье плохо, зрение стал терять слабо.

И призывает раз детей:

– Вот, дети мои, – говорит, – на вас накладаю службу, съездите, за тридевять морей, за тридевять земель, в тридевято царство, достаньте для меня живую воду, молодильные яблоки и Жар-птицу.

Вот старший сын говорит:

– Я поеду, папаша, съезжу.

В один прекрасный день оседлал коня старший сын, взял походное снаряжение и собрался в путь-дорогу. Долго ли ехал, коротко ли тамотки, не знаю, приезжает к ростани, а у ростани стоит столб. На столб надписана надпись, всем дорогам название: «По первой ехать – самому сытому, коню голодному быть, по второй ехать – быть убитому, а по третьей ехать – быть женатому». Ну, и вот он думал, думал: «А поеду я, где женатому быть». И туда поехал.

Ехал долго ли, коротко ли там, вот приезжает, стоит дворец, замок там. И вот из этого дворца выбегает девица:

– Ну, что, – говорит, – молодец, корми коня не досыта и пои коня не допьяна, а со мной, – говорит, – девицей, спать поспевай.

Так. Он коня привязал к столбу точеному, кольцу золоченому и сам пошел. Сел за стол, она тоже, говорит:

– Пей не допьяна, ешь не досыта, – предупреждения дает, – не перепейся. Со мной, – говорит, – спать поспевай.

Затем приходит он, стоит кроватка.

– Ну, вот, – говорит, – ложись сюда на кровать, вы к стенке, а я на край.

Он говорит:

– Нет, вы к стене.

Ну, все-таки она не повалилась к стенке, а он все-таки туда пошел. Как только на кровать на эту улегся, так и улетел в погреб. Так его и подвели.

Ну, ладно. Прошло там сколько-то времени, царь дожидал сына, сына нету. Вот второго справляют. И второй поехал. Ехал там долго ли, коротко ли, опять к этой росстани приехал, где столб стоял, прочитал надписи, подумал: «А что же, поеду я тоже по этой дороге, где женатому быть, может, там отцу достану живой воды и молодильные яблоки».

Приезжает к этому самому опять замку. Вот опять выходит эта девица, те же предупреждения, что и тому задает. Он тоже лошадь привязал к этому столбу точеному, кольцу золоченому и отправился туда в зал. В зал приходит, она ему те же предупреждения, как и первому задает. Ну, вот и повторилось с ним то же, что с первым, таким же опытом.

Опять царь дожидал, дожидал – нету сына. Младший говорит:

– Я поеду.

– Куда ты поедешь? Вот старшие поехали, не отворотились, а ты одно утешение у меня.

Сын все-таки не послушался отца, стая настаивать.

– Ну, вот, – говорит, – поеду.

Взял и поехал. Вот этот Иван Царевич едет там долго ли, коротко ли, тоже приезжает к росстани. Он приехал, надпись на столбу прочитал:

– А, что, – говорит, – поеду, где убитому быть. Жениться я еще молодой, куда, – говорит.

Вот ехал там близко ли, далеко ли, по этой дороге. Вдруг приезжает, в чистом поле стоит избушка на турьих ножках, на веретянных пятках, стоит да повертывается. Он говорит:

– Избушка, избушка, остойся на месте, дай мне, молодцу, зайти и выйти.

Ну, вот эта избушка остоялась, он вошел в избушку, сидит в избушке Баба-Яга, костяная нога, печку топит, руками шелковый ковер шьет, носом в жаратке уголья ворочает, а языком пол подметает. А сама себе говорит:

– Фу, фу, фу, я на Руси не бывала, русского духу не хватала, а теперь русский дух ко мне в избу пришел.

Взяла по щеки себя ударила, по другой переправила.

– Ох, я дура, – говорит, – у голодного гостя весть выпрашиваю, нужно накормить, напоить и его спать повалить, тогда вести выпрашивать.

Вот она его накормила, напоила и повалила спать и села к его голове, потом стала спрашивать:

– Куда, молодец, – говорит, – едешь, куда путь дёржишь?

Он говорит:

– Вот, бабушка, я сын такого-то царя. У нас папа стал престарелый, захотел подмолодиться и послал меня за живой водой и за молодильными яблоками.

А она ему говорит:

– Вот, что, миленький, жива вода и молодильные яблоки – туда много ходцев и мало выходцев. Там, – говорит, – есть сорок колышков, на каждом колышке по головушке, а на одном колышке нет головушки, там твоей и быть головушке.

– Ну, ничего, – говорит, – бабушка, я, этого ничего не боюсь, пускай там сорок колышков и тридцать девять головушек, а может быть, моя там не останется, а останется, так одна голова не бедна, а бедна, так одна.

Он повалился спать, проспал ночь, встают наутро, сам ей говорит:

– Ну, что, бабушка, не можешь ли ты мне помочь?

– Помочь я тебе помогу.

Вот она дает ему сперва гребень.

– Ежели будет за тобой в случае погоня, ты брось этот гребешок и скажи: «Станьте леса дремучие, от земли и до неба, чтоб ни пройти, ни проехать».

Ну, вот, потом говорит:

– На еще кремень такой, камешек, втора погоня будет, ты брось этот камень и говори: «Станьте горы высоки, чтоб ни пройти, ни проехать, ни умом подумать». Ну, еще, – говорит, – на платок, вот третья погоня за тобой будет, ты этим платком махни, скажи: «Стань река огненная с конца в конец, чтоб ни пройти, ни проехать, ни умом подумать». Ну и вот, – говорит, – я тебе даю своего коня крылатого, и вот этот крылатый конь тебя донесет до того места, где тебе надо взять жива вода и молодильные яблоки. А в дальнейшем там, – говорит, – тебя конь научит, как дальше делать.

Вот он этого коня взял, оседлал, а своего оставил тут у бабушки. Затем на этом коне он поехал. Ехал близко ли, далеко ли, скоро сказка сказывается, а дело не скоро делается. Приехал – стоит замок, и кругом этого замка обнесена каменная стена, весь двор за каменными стенами. Вот конь ему говорит:

– Вот, Иван Царевич, за этими стенами замка стоит дворец обширный, и в этом дворце живет девица-поленица со своим войском, у нее три полка девиц. Сейчас они приехали с войны, и все спят прямо без сознания. Зайдешь в первую комнату, первый полк спит, они спят не в порядке, но ты ни одной не шевели. Потом пройдешь во вторую комнату – во второй комнате то же само, в таком же беспорядке спят и второй полк. Ну, потом пройдешь еще третью, в третьей то же само, в таком же беспорядке находятся. Ну, и ты будь спокоен, пройди все эти комнаты этих всех девиц. Вот в четверту, – говорит, – придешь, там спит сама атаман, эта сама поленица. Она тоже спит не в порядке, и ты ей не трогай. У ей под правой пазухой жива вода, а под левой молодильны яблоки защиты там в сумочках. Ты эти мешочки, – говорит, –

отрежь у ней, возьми, а саму так оставь, а не то, – говорит, – там останешься, ежели потрогаешь.

Ну, вот он туда отправился, как говорил ему конь. Пришел, правильно, спят не в порядке. Первых прошел, потом втору комнату прошел, тоже спят, навоевались дак. Вот и третью прошел комнату, то же само, и приходит в четверту. Ну, как конь говорил, так оно и есть. Спит она не в порядке. Он взял все, что конь ему говорил, вырезал это, все забрал у ей и отправился от ей прочь. Отошел, прошел только эти комнаты и раздумался: «А в самом деле, что же я там был, ничего не сделал, надо мне-ка что-нибудь сделать, вернусь обратно».

Ну, вот, потом вернулся обратно, там сделал преступление свое и обратно пошел от них. Вышел из комнат, приходит к стенам, а конь на той стороне, в саду стоит у них.

–Ох, ты, Иван Царевич, – говорит, – ты сделал неправильно, нам, – говорит, – с тобой придется здесь обоим пропасть. Вот здесь есть в кусту колодец, ты сходи, обмойся, переодень белье, перетряси все и потом садись на меня – поедем.

Вот, затем он это сделал все, что ему конь велел, обмылся, обтрясся, сел на коня и по городу начал разганивать, по замку этому, чтоб через стену перепрыгнуть. А в замке спят как мертвы, никто ничего не слышит. Коня гонял, гонял, потом через стены и прыгнул. Конь скочил, а задней ногой за стену задел, ударил копытом, и струны запели, колокола загремели, там у них сделалась тревога. Потом эти самы девицы-вояки все вскочили по местам.

– Кто был, что сделалось, что сотворилось там у нас?

Ну, она сама управитель, у ей была книга черной магии, она по этой книге знала, кто у ней будет, кто приедет и что сделает.

– Ну, – говорит, – преступник, такого-то царя сын сюда приехал, коня поил, а колодца не закрыл, ну, ладно, – говорит.

Сейчас шлет за ним погоню вслед, догнать во что бы то ни стало. Вот он ехал там сколько времени, вдруг конь говорит:

– Смотри, – говорит, – Иван Царевич, нет ли за нами погони вслед.

Он посмотрел обратно, видит – пыль поднялась облаком.

– Есть, – говорит, – добрый конь, погоня не в дальнем расстоянии.

– Ну, – говорит, – есть, бросай, что тебе бабушка дала.

Он бросил затем этот гребешок.

– Станьте, – говорит, – леса дремучие, чтобы ни пройти, ни проехать, ни умом подумать.

Вот затем и стали леса, как было сказано, от земли до неба, ни пройти, ни проехать, ни умом подумать. Оне за лесами таютки и остались. Остались и потом вернулись обратно к ней.

– Поезжайте второй, – говорит, – берите лопаты, копайте пеня и коренья, чтоб этого не было, чтоб путь был чистый.

Они приехали сейчас и недолго копались, моментально дорогу прорыли и поехали за ним.

Ну, вот, конь опять ему и говорит:

– Посмотри, Иван Царевич, назад, нет ли за нами погони.

Он посмотрел, опять там пыль столбом поднимается.

– Есть, – говорит, – погоня, пыль столбом поднимается дак.

– Ну, нет ли чего такого у бабушки данного для спасения для нашего?

Он взял вынял кремень, бросил:

– Станьте горы высокие, от земли и до неба, чтоб ни пройти, ни проехать.

Вот они и остались там за горами, а Иван Царевич и поехал дальше. А оне к этому времени вернулись обратно, приехали, говорят ей:

– Вот так и так.

– Седлайте, – говорит, – кобылу семиверстну.

Кобыла была, семь верст хвостом махала, как шаг шагнет, так на семь верст.

– Я сама поеду, – говорит.

Села на кобылу на эту, потом с има поехала. Села на кобылу на эту, дорогу расчистили. Ну, эта кобыла, дак недолго на его коня доскакать. Стала опять настигать. Конь и говорит:

– Посмотри-ко, Иван Царевич, нет ли за нами погони? Что, – говорит, – есть у бабушки, дак последнее все кидай.

Он затем платок этот выдернул.

– Стань, – говорит, – река огненна с конца в конец, чтобы ни пройти, ни проехать, ни умом подумать.

Вот она там за этой рекой осталась и ему кричит вслед:

– Ну, злодей, дожидай меня, я к тебе через семь лет приеду.

А он думает: «Ну да ладно, приезжай там, а я на этот раз уехал, все равно не попал».

Он там ехал к бабушки и приехал. Бабушка ему говорит:

– Все сделал, как следует?

– Все в порядке.

Коня взял своего, ей отдал ейного и бабушку поблагодарил. Ну, вот он поехал, приезжает опять к росстани, приехал к этому столбу, прочитал надпись.

– А что, поеду я туда, где женатому быть, какого черта, без этого я домой не поеду.

Взял по этой дороги и поехал. Приехал к этому самому к замку, привязывает коня к столбу точеному, кольцу золоченому. Выбегает девица и говорит:

– Корми, Иван Царевич, коня не досыта, пой не допьяна.

Вот заходит в эту комнату. Ну, на столах всего, чего душа требует у ей накладено. Он садится за стол, она подает.

– Ешь, – говорит, – не досыта, пей не допьяна, а со мной, девицей, спать поспевай.

Он говорит:

– Ладно, подожди. Я давно не ел, хочу и попить тоже.

Ну, поел, позакусил, выпил.

– Ну, вот, – говорит, – теперь и спать могу.

Вот приходит к этой кровати. Она ему и говорит:

– Ложитесь, – говорит, – на кровать.

– Нет, – говорит, – это не может быть, чтобы мужчина, у вас, – говорит, – женщины.

Он видит, что тут есть что-нибудь не то, это уж себе в башку взял. Ну, он с ней не разговаривал, ей схватил за бедра и бросил на кровать. Как бросит, она в этот самый погреб упала, где братья. Он думает: «Не там ли мои братья?». А они:

– Кто, кто, кто? Сама прилетела. Топчи ее книзу туда, чтоб она больше оттуда не выстала и вперед так не делала.

Ну, вот он затем:

– Пойду, где-нибудь тут есть вход в ейный потайной погреб.

Сходил, затем нашел дверь, отворил замки, раскрыл подвал этот, и оттуда пошло этих людей, которые ходили туда жениться, женихов вышло, так не рассчитать – королей, рыцарей, богатырей и потом в конце евонных братьев. После всех оттуда вышла она.

– Ну, – говорит, – довольно тебе жить и людей губить.

Снял ей голову прочь и бросил.

– Ну, вот, – братьям говорит, – теперь пойдете домой к отцу. Коней у вас, – говорит, – нету, ну, так на одного коня всема втроем.

Вот приехали опять к этому столбу. Две надписи сорвал:

– Эти дороги очищены теперь, может кто угодно ехать.

Братьям говорит:

– А поедем еще по этой дороге, где, – говорит, – быть самому сытому, а коню убитому.

Ну, братьям-то не порато хотелось. Ну, что ж, хоть и не охота, а ехать надо, брат поезжает, дак. Вот поехали по той дороге опять, по третьей.

Приехали, стрит двор обширной и полной двор это скота, быков. Вот затем он братьям говорит:

– Ну, будемте быков убивать.

Сейчас быка убили, сварили, наелись мяса. Поутру встают, пошли на охоту. Старшего оставили варить. На охоту пошли, там нашли охотника-богатыря, шатается по лесу, запутался ли, заблудился, кто его знат.

– Возьмите меня, – говорит, – братья в четвертых, вас трое.

– Иди, – говорит, – с нами, все равно нам не мешаешь.

Вот затем они взяли тут его.

– Поохотимся, пойдем туда, где стали на квартиру. А после их отсутствия этот брат варил, варил, только суп поспевают.

– Вот, – говорит, – какой бы жирный, мясо хорошо.

Вдруг приходит Сам с нокоть, борода с локоть.

– Фу, – говорит, – невежа, навалилась моего скота бить. Кто вам велел здесь жить и моего скота бить? Я, – говорит, – с вами рассчитаюсь.

Вот, не говоря, схватит этого молодца и начал трепать. Вот трепал, трепал, трепал, трепал да натрепал его, а потом плиту поднял, в подzemелье спустился.

Братья приехали, у его суп неготовый, а сам лежит без памяти.

– Что с тобой?

– Я, – говорит, – угорел.

Ну, вот братья затем сейчас быка убили, суп сварили, его накормили и на следующее утро говорят:

– Оставайся ты варить.

Братья поехали, оне уж теперь едут троима, а четвертый остается варить. Вот тот опять быка зарезал варить. Варит, суп поспевают, суп хороший.

– Ну, – говорит, – накормлю я супом, сегодня угару нет, хорошо.

А в это время самое опять приходит Сам с нокоть, борода с локоть.

– Фу, невежа, – говорит, – навалилась на моем дворе жить, моего скота бить. Выходи отсюда, я с вами разделаюсь, расправлюсь.

Ну, и начал того тасовать опять, тузить, волтузит из угла в угол. Ну, он так натасовал, тот без памяти свалился, а он взял, суп поел весь, котел очистил, да и опять ушел туда, откуда пришел. Он лежал, лежал, до братьев. Прележался, незадолго до братьев оправился все-таки, начал суп готовить. Идут братья.

– Что, суп не готов? – говорят.

– Нет, еще не готов, угарно было, дак я не мог пошевелиться.

– Ну, хорошо, – говорят.

Взяли быка закололи, опять суп сварили, его накормили.

Братья ночь проспали, поутру говорит:

– Идите вы на охоту, а я сам буду варить.

А гостя уж не оставляют варить. Он затем взял, убил быка, повариват, помешиват, вдруг дверь открылась, в дверь опять входит Сам с нокоть, борода с локоть.

– Фу, невежа, навалилась в моем доме жить, моего скота бить. Выходи, рассчитаемся, я с вами разделаюсь.

– А, – говорит, – не с братьями будешь теперь дело иметь, со мной.

Он его схватил за большу бороду, да начал таскать. Начал его на место трепать. Трепал, трепал, трепал, суп кипит, он его треплет, потом его за бороду схватил, полотницы раздвинул, бороду туда прихлопнул меж полотницами, пусть висит. А сам стал суп мешать опять, чтоб не плыл. Суп помешиват.

– Эх, – говорит, – будет суп-то хороший сегодня.

А он за это время крутился, крутился, да как-то борода оторвется у его. он оттуда упал и скочил, он за ним.

– Ах ты, растак твою бабушку.

Ну, вот он туда на двор, он эту плиту поднял и под плиту туда и раз!

– Вот он, – говорит, – где живет, в подземном царстве. Ну, хорошо, ладно, придется и туда сходить.

Пришел, суп направил, совсем хорошо. Братья приходят с охоты. Брат ходит здоровый. Братья говорят:

– Ну что, сегодня угару нет?

– Да я знаю ваш угар. Садитесь, поешьте, тогда будем делать дело.

Наелись, покушали.

– Устали, – говорят. – Ну, ладно, лягем поспим, к утру дело есть.

Поутру встают со сна. Вот выстали, потом быка сварили, одни варят.

– Ну, тут надо быков бить да ремни делать и идти туда, где я видал, – говорит.

Вот быков начали колоть, быка за быком. Мясо в чаны налагают, шкуры на ремни режут. Набили быков, нарезали ремней, а мясо – которо едят, которо солят в чаны. Набили быков, ремней нарезали, сейчас сделали такой вроде люльки, сделали ящик. Этот ящик спускали, спускали, все до дна не дошел.

– Мало, еще, – говорит, – быков резать надо.

В конце концов, всех быков перебили, ремней нарезали, туда спустили, этот ящик дошел до дна.

– Ну-ко, – говорит, – давай, старший, иди туда в подземелье.

– Нет, что ты, я, – говорит, – не пойду, я не смею.

– Ну, второй, – говорит, – тогда ты иди. Что же, – говорит, – вы больше на свете жили, больше знаете, там как поступать.

– Нет, – говорит, – я не смею, не пойду, что придется там делать, мне ничего там не сделать будет.

– Ну, что же делать, я тогда пойду.

А этого они не посылают, тот чужой дак.

– Вот, – говорит, – только с тем уговором, когда я приду, вы тащите меня кверху, не оставьте под землей, я вам сроку даю трое суток, ждите, а через трое суток не приду, значит, меня не будет живого.

Вот он сел в эту люльку, они его тогда давай, шарабахнули. Ну, и вот спускали, спускали туда, долго ли, коротко. Скоро спустили туда книзу. Опускали его туда на низ, он вышел, люльку тут оставил, а от этой ямы дорожка, тропинка, Ну, вот он по этой тропинке пошел, по этой дороги. Стоит медный дом, а в этом доме сидит под окном девица и ткет вроде как став. Как ткнет, так выскочит конь и солдат.

– Что ты, – говорит, – девица, делаешь?

– Кощею, – говорит, – Бессмертному силу вытыкаю.

– Не тки, – говорит, – силы Кощею Бессмертному, я за старшего брата тебя замуж возьму.

Она была у Кощея Бессмертного украдена, в подземелье унесена. Она взяла, да став перерезала, и ничего больше не очутилось. Он пошел дальше. Приходит, а там впереди серебряный дом стоит, опять тоже девица став ткет.

– Что ты, – говорит, – девица, делаешь?

– Я, – говорит, – Кощею Бессмертному силу вытыкаю напротив Ивана Царевича.

– Не вытыкай, – говорит, – силы, я за второго брата замуж возьму тебя.

Вот она возьмет перережет, ничего не сделалось, все кончилось, свою работу кончила. Он пошел дальше. Опять стоит третий дом золотой, и в третьем доме тоже девица делает, что и те делали, тоже силу вытыкает Кощею Бессмертному.

– Не вытыкай Кощею Бессмертному силу, я за себя замуж возьму вас.

– Вот что, Иван Царевич, я больше вытыкать силы не буду, ты с Кощеем Бессмертным придешь, а он у дому, кругом дому своего три раза обвился и от ног пальцы во рту. /Вот какой маленький был, а теперь какой стал/. И вот, – говорит, – он будет с тобой бороться. Ты будешь бороться с ним, он тебя сронит, ты ему не давай бить, скажи: «Пусти меня с белым светом проститься, я отсюда уж никуда не уйду». Он отпустит тебя проститься с белым светом. Есть на правой руки два колодца, в одном колодце, – говорит, – жива вода, а в другом мертва, направо жива, а налево мертва. Ты этой

живой воды столько напейся, чтоб мог колодец этот перенести с места на место, где была жива, так поставить мертву, а где была мертва, там живу. Перемешать эти колодцы. Вот, – говорит, – тогда только ты придешь его поборешь, как стронешь, и ударь его только один раз, – говорит, – а он закричит: «Бей второй». Ты второго раза уже не повторяй, довольно ему одного раза. И он будет проситься, говорить: «Спусти меня с белым светом проститься». И ты, – говорит, – его спустишь, а он попьет этой воды и потом ты отрубишь у его голову.

Вот он затем отправился, приходит туда вперед, а этот Кощей Бессмертный, стоит дом золотой, и он круг дому обвился три раза и у ног пальцы во рту.

– А, Иван Царевич, я давно тебя дожидаюсь. Ты ко мне пришел. Ну, ты теперь от меня не уйдешь. Будем со мной бороться.

– Ну, выходи, – говорит.

Кощей Бессмертный кругом этого дому опустился, сделался таким же как Иван Царевич. Вот и стали бороться, но недолго боролись. Он Ивана Царевича тряснул, как снопа овсяного, легонький показался для него, такому черту дак.

– Ну, Кощей Бессмертный, не бей, – говорит, – дай мне с белым светом проститься.

– Иди, – говорит, – никуда не уйдешь.

Ну, вот он пришел туда к этим колодцам, этой воды пил, пил, пил, но колодца перенести не может, а пить больше не хочет.

– Пойду, – говорит, – поборюсь.

Этот Кощей Бессмертный его опять и вернул.

– Ну, не бей, – говорит, – Кощей Бессмертный, дай мне-ка с белым светом проститься.

Вот этот Кощей Бессмертный:

– Ну, иди, – говорит, – всё равно, Иван Царевич, ты от меня никуда не уйдешь, сюда попал, дак будешь здесь.

Он пошел опять, воды напился из этого чана там. Ну, перенести все-таки еще не мог с места на место. Опять стали бороться. Кощей Бессмертный потом его и сронил.

– Ну, не бей, – говорит, – дай мне-ка ещё раз с белым светом проститься.

– Ну, иди, – говорит, – никуда не уйдешь.

Он пришел опять, пил, пил этой воды, а эти чаны взял перенес с места на место, где была жива вода, поставил мертву, а на место мертвой живу. Вот затем взял, и стали бороться с Кощеем Бессмертным. Он Кощея Бессмертного и свернул.

– Поди, – говорит, – к чертовой матери.

Ну, Кощей Бессмертный видит, что Иван Царевич его поборол.

– Ну, – говорит, – Иван Царевич, не бей меня, дай с белым светом проститься.

«Нет, – говорит, думает, – ежели спущу, то черт его знает, может, на самом деле убежит или воды напьется. Нет, убью я его лучше, к чертовой матери».

Выдернет саблю сейчас и у его голову отрубит. Кричит:

– Бей второй раз.

– Нет, – говорит, – у нас по одному разу бьют – довольно.

Лишнего времени не провожая, он взял его подтащил к дому, да с домом вместе и сожег. Сожег дом и Кощея совсем, чтоб дух не пахнул на свете, в этом подземелье не жил. Ну, вот справился, приходит к девушке. Она уже собралась.

– Я, – говорит, – готова давно, Иван Царевич, справился? Ты что с ним сделал?

– Я его сожег, – говорит, – совсем на огне.

– Ну, а сожег, – говорит, – тем лучше, больше не будет никакой опасности.

Она собралась и пошли.

– А вот что, – говорит, – Иван Царевич, я дома не взяла с собой, надо дом взять.

– А как мы, – говорит, – дом возьмем с собой, ни какую-нибудь игрушку, в карман не положишь.

Она выняла яичко, взяла вокруг дома обкатила, и дом собрался в яичко, ему в карман положила.

– Вот те и дом, – говорит.

Ну, вот дальше ко второй пришли. Тоже вторая собралась. Та ей говорит:

– Возьми, обкати яйцо, и дому не оставим здесь, Кощея нет, пусть и домов не будет этих.

Вот от второй опять и к третьей тут. Вот приходят к третьей, то же само она собрала дом в яйцо, обкатила да и ему опять в карман. Вот затем они приходят к этому месту, где братья дожидаются, а братья ждут их последние часы, думают, нету живого, трое суток прошло времени.

– Ну, вот садись, котора, – говорит старшей, – садись наперед в эту люльку, тебя туда кверху подымут.

Вот они потрясли ремни, пошевелили, они тогда и потащили кверху. Вытащили, подняли ей туда кверху, оны посмотрели.

– Кто там в люльки?

– У, там, – говорят, – девица.

– Ну, девица. Подымай кверху, – говорят, – а ежели брат, дак опускай книзу. Он с Кощеем Бессмертным там управился, а нам попадет. /Братья боятся/.

Вот затем втору туда посадили и втору подняли, второму брату. Ну, вот еще эту люльку спустили. У ей спросили:

– Кто там есть?

– Брат ваш, – говорит, – потом там девица.

– Ну, ладно, мы ей еще поднимем, – говорят.

Они подняли втору и опустили за третьей туда. Люльку опустили, люлька пришла. Он ей говорит:

– Садись в люльку, тебя там поднимут.

– Нет, – говорит, – Иван Царевич, меня поднимут, а тебя не поднимут, и ты вспомнишь меня, как тебе отсюда будет не выйти.

– Нет, – говорит, – братья мне этого не сделают, я их спас, поднимут.

Ну, посчитались, она все-таки распростилась.

– Ну, остаться тебе здесь. Меня, – говорит, – поднимут, а тебя нет.

Ну, все-таки она согласилась, поехала туда кверху, а он остался.

– Еще, – говорят, – кто там, один брат остался?

– Нет, – говорит, – там еще одна есть девушка.

А они люльки спустить не хотят. Ну, вот люльку опустили. Он сел, они потащили кверху. Поташили кверху, видят – брат, по ремням раз ножом, брат туда в яму обратно. Он упал, там сколько времени пролежал, уж неизвестно. Оны этим девушкам говорят:

– Мы придем домой, вы отцу не говорите, что мы брата тут оставили. Мы будем все вместе жить. А котора евонная, тая богатырю этому, приемьшу ихнему.

После этого девки эти согласились. Этот Иван Царевич там сколько времени пролежал, опомнился и пошел по дороге к этому, где дома стояли. Ну, что ж, пришел, все пусто, нигде ничего нету. Где дома стояли, нету /а дома в кармане/. Ну, что дома, раз ничего нету. Дошел до колодца, в колодце все перемешано, перепутано. Тропинка от этих колодцев в сторону туда, он по этой тропинке отправился. Там долго ли, коротко ли шел, увидал, стоит дом, в конце концов, дом увидал. «Все-таки, – думат, – теперь не пропаду, где-нибудь буду находиться, живой буду». Приходит к этому дому, в этом доме одна старуха слепа ходит, руками шамрат. Вот эта старуха и говорит:

– Фу, фу, фу, на Руси не была, руського духу не слыхала, а тут руський дух ко мне сюда попал.

– Я сын такого-то, – говорит, – царя, был послан за живой водой и молодильными яблоками, и вот поехал, бабушка, по этой дороге и был у Кощея Бессмертного. Спас, – говорит, – трех девиц, и вот братья меня не подняли кверху. Их взяли, а меня не взяли, и я теперь остался здесь.

– Ну, – говорит, – не тужи, миленький. Я, – говорит, – доставлю тебя домой.

– Сделай мне такую милость, я тебя, – говорит, – бабушка, подмоложу, и будешь молодая, и как следует направлю тебе жизнь.

Он затем достал этой живой воды, старухи помазал глаза, у ей глаза стали. Взял молодильных яблок достал, ей помолодил, ну, куда бабка стала.

– Ну, – говорит, – Иван Царевич, будешь там, я тебя доставлю, куда тебе надо, выправлю на землю по-настоящему.

Ну, вот бабка его покормила, повалила его спать, он заснул богатырским сном и спит без пробудушки.

Эта старуха выстала на крыльцо, вышла, свистнула – прилетели все птицы. Она была, эта старуха, повелитель всех птиц. Ну, вот птицы все стали собираться вокруг ней, одной нету.

– Что ее нету, куда она делась, где она пропала?

Вот и тая прилетела потом птица, которая надоть самая большая.

– Ну, где ты пропадаешь, столько времени я тебя дожидаю, твоего ответа.

– Прости, – говорит, – меня, бабушка, вот я была в таком-то месте, в таком-то царстве. Така-то девица родила двух мальчиков, и вот я, – говорит, – пособляла ей воды носить и приготавливать все для пропитомства корабля, все продукты. Она хочет ехать после этих родов, отплыть в плавание. Пойдет в этак-то царство, столько-то времени путешествовать к такому-то царю. Был такого-то царя сын и вот этих мальчиков ей оставил. Она туда, – говорит, – поедет с ним.

– Через сколько времени она там будет у его?

– Не раньше, как через семь лет она будет у его /через семь лет обещалась так/. Ну, вот я была на родинах.

– Ага, она не у всех головы на кол навязала, а все-таки сама навязалась.

А Иван Царевич думает: «Ладно, пускай едут. Я через много время попаду, так неизвестно. Она в дороге, а я в другой».

Вот затем эта старуха этой птице говорит:

– Вот этого человека тебе надо свезти в такое-то место.

– Бабушка, – говорит птица, – это далеко. Нужно нам три чана мяса на дорогу на пропитомство.

– Сколько поры они пролетят? Ну, и этого вот нужно, – говорит, – мне мяса готовить.

И потом старуха говорит:

– Иван Царевич, приготовь мяса.

И он после этого стал охотиться ходить. Стал на охоту ходить и стал зверей убивать. Набил мяса. Долго ли, коротко ли тамотки, а мяса набил три чана. Птица эта потом прилетела опять.

– Ну, вот я теперь готова и понесу, – говорит, – теперь тебя, Иван Царевич, садись.

На эту птицу положили два чана мяса, Иван Царевич сам сел и поехал. С этой птицей полетели. Птица полетит, потом станет оглядываться, он из этих чанов ей по кусочку мяса и бросат. Как она оглянется, так он и бросит. Чан опорожнился, второй начал, потом второй опорожнился. Он спрашивает у ей:

– Что, – говорит, – теперь легче тебе стало?

– Чувствительно, – говорит, – легче.

– А пролетели далеко ли?

– А пролетели – половины не пролетели.

А остался один чан. А старуха эта говорила:

– Иван Царевич, она доставит тебя на место, напиши. Ты не принесешь мне записки, так я с тобой разделаюсь /это птице/. Напиши, здорового или целого она тебя принесет, эта птица, или в каких-нибудь ущербках.

Ну, вот она все оглядывается, он мясо покидывает, чан опорожнился.

– Далеко ли еще лететь?

– Да, – она ему отвечает, – есть лететь не так много, но и не так мало, порядочно.

А мяса и нет больше. Последний чан выкинул прочь. Она опять заглядывалась, хочет есть, ему бросить нечего. Стала ниже, ниже над водой, а летят через море. Ну, вот потом он видит, что она оглядывается, делать нечего, взял у ноги отрезал икру у своей. Ну, ей бросил, она съела, и он держит ножик в руках, спрашивает:

– Далече ли еще лететь?

– Да еще есть лететь.

Ну, он взял ножик направил, надоть у второй отрезать икру.

Она оглянулась. Он вторую икру бросил.

– Еще, – говорят, – далече ли лететь?

– Вы еще не видите земли, – она ему говорит.

– Ну, только есть еще место.

Взял затем еще руку направил, вырезал мускул прочь, ей бросил.

– Ну, что, – говорит, – далече еще лететь?

– Теперь, – говорит, – долетим, сейчас я принесу тебя на берег.

Ну, вот она его принесла на берег, он взял написал старухи, что вот так и так, икры отрезал и мускул, остался так, на произвол судьбы. Он тут долго ли, коротко сидел на этом берегу. Сидеть надо потому, что не может пошевелиться никуда. А письмо старухе отправил.

Там долго ли, коротко она летела к старухи, прилетела, письмо старухи отдала, а старуха письмо прочитала и говорит:

– Ты, курва, у его икры съела и мускул у руки, иди выхаркни ему икры и мускул, он там сидит на берегу, помират.

Ну и вот эта птица сейчас свилась и обратно туда к нему прилетела, икры ему выхаркнула и потом мускул выхаркнула. Он взял живой водой помазал и направился. И пошел попадать, путешествовать. Он пошел

попадать от берега туда в свое царство, к своему отцу. Тут шел да был, да путался, сколько там прошло времени, много ли, мало, этого я не знаю. Ну, все-таки время подобралось.

Братья тоже еще приехали. Только до дому добрались. Он путался тоже и припутался к своему царству. Обдумал: «Что же мне-ка теперь идти к отцу? Они приедут трое или, может, уже приехали. Отец не поверит, что я сын его, теперь столько времени прошло, я изменился, стал такой мужественный, скажет: “Мне-ка не надо этого, у меня есть сын”».

К царству своему подошел, приходит, стоит стара хибара. Живет один старик в хибарки.

– Дедушка, возьми меня, – говорит, – жить, что тебе одному скучно. Возьми меня в товарищи.

Старик его пригласил. Он достал сходил денег, дал старику и говорит:

– Поди, сходи, доставь вина и разного там добра.

Ну, старик затем там ходил в городе.

– Ну, что там хорошего, дедушка, в городе?

– У царя, – говорит, – сыновья приехали, такой там праздник, свадьба у царя, сыновья приехали, с невестами, жениться будут.

– Ну, так, дедушка, – говорит, – теперь знаешь что, тебе работа будет.

– А какая мне работа будет?

– Ты, – говорит, – возьми конопатку, конопать вокруг дому. А придут царевичи тебя нанимать домов работать, им понадобится три дома.

Старик ходит, ходит у дому, поконопачивает. А эти женихи приехали.

– Надо нам, – говорят, – жениться, а невесты замуж не идут: «У нас нету подвенечной одежды, достаньте нам такую, какая у нас там была. Чтобы было через три дня нам сработано такое, какое у нас там было».

Ну, женихи ходили, там тех мастеров искали, кто знает, како у них там платье было, каку им одежду надо сработать, никто там не был, никто не знат. И они сами не знают, жениха. По городу ходили, позади города уж вышли, старик вышел на улицу.

Иван Царевич говорит:

– Ты возьми, кропай свой кафтан, оны будут тебя нанимать.

– Дедушка, не умеешь ли работать портным, не сработаешь ли нам три платья таки, каки там были у наших невест?

А каки – сами не знают, цвету, фасону не дают.

Старик:

– А давай, – говорит, – я возьмусь, сработаю.

– Ну, дедка, сработай. Сколько будет стоить твоя работа?

– А по триста рублей за три платья, – говорит старик.

– Потом, дедушка, сработай нам так, чтоб были готовы к завтраму, а не сработаешь – голова с плеч.

– Идет в избу старичок со слезами, что вот так и так, сам не знает, за что взялся.

– Что ты, дедушка, плачешь? – тут Иван Царевич выбежал.

– Да вот так и так.

– Брось, – говорит, – тужить, все сделаем, только ты дешево взялся по триста рублей за платье, разве это цена, ты меньше трех тысяч не отдавай, а мы все сделаем. Не тужи, – говорит, – спать ложись, а утро мудренее вечера, поутру встанешь, все будет готово, сделаем.

Ну, вот старик спать повалился, а Иван Царевич ночью встал, дома эти раскрыл из яиц, сходил, эти платья ихни вынес, яички завязал, старику направил к утру.

Ну, старик выстал со сна, узелки взял приданого. Ну, вот приходит от царевичей трое.

– Ну, что, дедушка, готовы платья?

– Да готовы, – говорит.

– Которо на каку работал?

– А там оны, – говорит, – разберут и найдут, которой какое.

Вот затем оне платья взяли, деньги старику отдали, старик по тысяче рублей взял за платье с их. Платья взяли, передали им. Они посмотрели, девки, платья.

– О, – говорят, – он здесь есть. Ну, теперь что, надоть нам башмаки теи, которы у нас были там.

Ну, вот этот старику, Иван Царевич, опять говорит:

– Ты, – говорит, – кропай что-нибудь, каки-нибудь сапоги. Им, – говорит, – башмаки потребуются.

Старик в одно время прекрасно кропает. Ну, оне там по магазинам ходили, покупали, а разве знают тамотки, какие им надо.

– Пойдемте к этому старику, – говорят, – опять не сделает ли этот старик.

Старик кропат сидит на улице свои опорки.

– Дедушка, ты умеешь сапожничать?

– Да, умею, какие угодно умею башмаки и что угодно сработать могу.

– Сделай, дедушка, нам такие, какие у невест там были, нам нужно подвенечные башмаки.

– Ладно, возьмусь, – говорит, – сработаю.

– Ну, сработаешь, сколько будет стоить, дак за деньгами не стоим, только сработай. Ну, сработай к утру, завтра чтоб были готовы. А не сработаешь, голова с плеч, – старику опять говорят.

Стариченко призадумался опять, в слезах пошел домой.

Иван Царевич:

– Не плачь, дедушка, – говорит, – а поутру встанешь, будет все готово. Вот что, – говорит, – сходи в город, купи для себя съестного, что тебе требуется, тащи вина, не плачь, веселись. Они, – говорит, – плачут, а мы будем веселиться.

Старик из города принес всех этих продуктов. И вот Иван Царевич напоил старика пьяного. Старик напился, спать повалился. Иван Царевич

взял, раскрыл дома, достал потом оттуда башмаки, щиблеты ихны. Ну, тючки завязал в ихны платки, старику передал.

– На, дедушка, передай им, будет спрашивать, которые какой, ты скажи, оны сами разберутся.

Ну, вот они приходят.

– Ну, что, – говорят, – дедушка, готово?

– Готово, – говорит.

– Которы какой башмаки?

– А там они сами разберутся, найдут всяки свои.

Ну, вот принесли женихи эти башмаки, девушки посмотрели.

– Да, эти башмаки. Есть где-нибудь он, да только как узнать?

– Ну, теперь – эти женихи говорят, – теперь подвенечные платья вам достали, башмаки вам достали, теперь вы можете идти за нас замуж, быть нашими.

Оне говорят:

– Нет, мы вашими быть не можем, сработайте нам дома, какие у нас были там.

Вот загвоздка-то! А оны знают, раз все достали, то и дома будут. Где-нибудь он есть, да найти его трудно.

А тем временем время идет, корабль по морю плывет, тоже подвигается.

Ну вот, скорей сказать, оне там тоже сколько времени проходили, проискали дома работать, ну, никто не берется. Кто знает, каки у них тамотки дома были?

– А пойдете, – говорят, – к старику, не может ли старик сработать.

Тут подумали, ну, разве может старик все платье сработать, щиблеты там ихны, дома сработать, где ему.

– Ну, дедушка, нам не сработаешь ли дома? Три дома в одну ночь, и все, каки там были.

– Да чего, – говорит, – сработаю, – старик отвечает.

– Сколько ты возьмешь за дом?

– По сто тысяч, – говорит.

Иван Царевич ему сказал: «Бери по сто тысяч».

– Дорого, – говорят, – ты, старик, просишь.

– Дорого за дома, дак дешевле работайте сами, – старик им отвечает.

– Ну, ладно, – говорят, – дадим, дедушка, работай только, чтобы к утру были готовы, а не сработаешь к утру – голова с плеч.

Старичок опять закручинился. Пришел домой, Иван Царевич говорит:

– Брось, дедка, кручиниться, спать ложись, а поутру встанешь, все будет готово.

Ну, стариченко повалился спать и спит, а Иван Царевич ночью сходил на царско место, взял дома раскрыл все.

– Ходи, – говорит, – дома поколачивай, какой тебе понравится. Домов, – говорит, – без хозяев никому не отдавай, хозяева придут, и ты деньги получишь с них.

Царь спал, спал, поутру проснулся, глядит, а за окном как жар горит. Вышел на улицу, посмотрел, видит, дома стоят. Вот дак и дома.

– Что это за дома? Это, наверно, не этих моих сыновей-то дома были.

А старик там ходит, сколачивает. Царь затем пришел и старику и говорит:

– Что, – говорит, – ты тут, дед, делаешь?

– Что? Дома работаю вашим сыновьям, ваших сыновей невестам.

– А сколько оне, – говорит, –будут стоить?

– А по сту тысяч каждый дом.

– Да хоть и дороги, – говорит, – а стоят они этих денег. На, – говорит, – деньги и выходи из домов.

– Нет, – говорит, – я из домов не выйду, пока не сдам эти дома кому нужно, – говорит этот старик.

Царь ушел, пришел, деньги отдал, а старик из дому не вышел, сдал сыновьям эти дома, и сыновья дали ему еще денег.

Ну, вот, поутру вставают девушки со сна.

– Ну, наши дома здесь. И Иван Царевич здесь.

Вот стали справлять свадьбу, а девушки замуж не идут, еще все справляют то да друго. Ну, ладно, в конце концов, все-таки стали соглашаться, а эта, которая была Ивана Царевича, та еще все за того не идет. Потом, в концы концов, и тая согласилась тоже за его идти.

Вот три свадьбы начинают играть. Вот только свадьбы начались, в разгаре, вдруг корабль приходит. Вот затем корабль приехал, вдруг с этого корабля раскинули сукно до самого царского дворца. Вот выкинули сукно и кричат:

– Подавай, царь, виноватого, мы твой город весь пожжем, повыколим, по бревнышку повыкатим, не гляди, что девки, а там мужики.

Ну, вот царю делать нечего, царь говорит старшему сыну:

– Вот ты долго ходил, чего ли там не выходил, сходи на кораб, не ты ли виноватый?

Ну, тот оделся и отправился тихошенько, по сукну не смет идти, да идет мимо. А на сукне два мальчика бегают и кричат:

– Маменька, папенька идет.

А она отвецат:

– Нет, – говорит, – это не папенька, это ваш дяденька, папенька ваш его спас от смерти, а он над ним посмеялся.

– Ну, надо его, – говорит, – принять и угостить этого дяденьку как следует.

Он пришел на кораб. Только вступил, оне его повалили, давай задницу стегать. Порку дали, потом говорят:

– Уходи, ты не виноватый.

Стали кричать:

– Подавай, царь, виноватого.

Ну, царь затем второму говорит:

– Ну-ка, ты сходи, не ты ли виноват, долго ходил тоже.

Тот затем сейчас пошел потихошеньку, тоже по сукну не смеет идти по середине, идет по крайчику, а мальчишки бегают:

– Маменька, папенька идет.

Она говорит:

– Нет, это не папенька, это второй ваш дяденька, над вашим папенькой надсмеялся. Надо его принять и угостить, как полагается.

Ну, она его тоже на кораб приняла, привязали на брашпиль, настегали. Тоже приняли хорошо. Тот затем пошел домой. Отцу говорит:

– Не я виноватый.

Тем временем Иван Царевич пришел к царю на конюшню, берет коня, а конюхи кричат:

– Какой-то вор там пришел.

/А вот ещё, забыл, третий сын какой-то был, приемыш, тот просто сбежал от царя, не смел за угощением идти на кораб/.

А Иван Царевич, как взял коня на конюшне, сел на коня верхом, приехал на это сукно и стал сукно наворачивать. Оторвет кому на брюки да кому на пиджак, кому на жилетку.

– Нате, – говорит, – пьяницы, пропивайте, да Ивана Царевича лихом не вспоминайте.

Вот, затем эти там сыновья забегали.

– Маменька, папенькин конь едет.

– Вот это, – говорит, – ваш папенька едет. Ну, надоть его принять и угостить, как следует.

Он на кораб прямо на коне заехал. Дети сейчас коня расседлывать, отца в кают-компанию туда. Кораб от стенки отошел, паруса отдал да и пошел, только молодильны яблоки да живу воду и достал.

Ну, вот кораб отплыл в море, и отправились туда в тое царство, откуда была эта красавица. Приплыли туда в тое царство в ейно, потом сыграли свадьбу, сделали пир на весь мир.

Сказка вся, и остался там жить в том царстве.

ЗАКОЛДОВАННОЕ ЦАРСТВО

Жил-был Ондрон. И вот жил он счастливо и хорошо, управлял своим государством, но детей у него никого не было. Долгое время они просили у бога, чтобы он дал им сына или дочку на ихное утешение. А этих новорожденных детей не было, и дожидаться не могли.

Наконец, все-таки в последнее время ихней жизни родилась у них дочь. Дочь они эту новорожденную назвали Марией. Ну, вот эта Марья стала расти, девушка родилась красива, хороша, так что все соседи стали ей завидовать красотой.

Наконец, эта ейна красота прошла по всему свету, что она очень красива. И вот потом впоследствии времени узнал про ейну красоту чародей Мухомор. Этот чародей приехал к этому царю и стал просить ее в супружество. Превратился молодым, а самому было, быть может, не одна сотня годов.

Этот царь узнал, что он, этот самый чародей-колдун. Ну, так как за такого презренного человека царю отдать дочь не хотелось, этот колдун-чародей сейчас так озлился на царя, что превратил все царство в болото, все царство заколдовал, такой был сильный колдун. А дочь ихну превратил в лягушку.

Заколдовал он на 300 лет это царство. Царевна стала лягушкой болотной. Царство все взялось болотом, а она скачет, квакает по болоту, по своему царству.

Вот тут по соседству с има жил тоже царь, и у этого царя было три сына: Макар, Захар да Иван – были сыновья. Сыновья у царя у этого стали вырастать. Выросли взрослыми, он их выучил, надо ему их стало женить. Раз он и говорит им:

– Ну, вот, дети, нужно вам, время приходит, жениться. Будете править царством. Я вот велю вам сделать по луку /тогда были луки, из луков стреляли/ и по стрелы. И эти стрелочки, – говорит, – будут решать вашу

судьбу. Вы выйдете в чисто поле и стрелите в разные стороны, как стрела у кого куда упадет.

Царь не терял времени, сейчас сделал им по луку, сделал по стрелы и отправил в чистое поле стрелочки пускать – кто какую куда спустит.

Сыновья взяли стрелки и пошли со стрелами в чистое поле. День такой прекрасный, хороший. Вот они занялись этой работой – стрельбой. Выстрелил старший – стрела пала к соседнему королю. А у короля была дочь. Тот, значит, жениться должен у короля этого на дочери. Ну, а второй сын стрелил – опять тут к соседнему царю, тоже у царя была дочь. Тот жениться должен на этой. А младший спустил стрелу, у того стрела никуда не полетела, прямо в куст да тут в соседне болото, где было заколдованное царство.

Вот из этого куста выскочила лягушка и несет стрелку в своих клещах:

– Ква, ква, – говорит, – вот тебе, Иван Царевич, твоя стрелка, попала ко мне-ка в куст, в мою норку.

Он так разгневался:

– Вот, – говорит, – мое счастье! Попала в куст к лягушки моя стрела. Что теперь мне будет? Буду я несчастный человек.

Приходят домой все три брата, к своему отцу и рассказывают, у кого куда пала. Один говорит:

– У меня к такому-то королю.

Другой говорит:

– А у меня к такому-то царю.

К третьему подходит:

– Ну, а ты что же ничего не говоришь? У тебя, – говорит, – куда?

– Совестно, – говорит, – мне-ка сказать, папаша, куда у меня упала стрела. У меня стрела упала в куст к лягушке болотной.

– Ну, – говорит, – это не беда. Это ты счастливый человек, – отец говорит.

– Как же счастливый, когда к лягушке упало?

– Эта лягушка из заколдованного царства. Ты этого не бойся, – сыну говорит, – ничего опасного тут нету.

Ну, братья теперь его стали объедать:

– К скакухе болотной у тебя упала стрела. Скакуху болотну выстрелил.

Этот царь пожил там сколько времени и говорит:

– Ну-ка, дети, сходите к своим женам, каковы они работницы, пускай мне-ка выткут по полотенцу.

Братья его и объедают:

– Мы-то пойдем, один к королевне, другой к царевне, а ты куда пойдешь, Ванька? Надо идти к скакухе в болото, в куст. Что тебе скакуха сделает-то? Да ровным счетом ничего!

Приходит он к своей этой скакухе болотной. Она бежит навстречу:

– Ква, ква, Иван Царевич, чего кручинный, чего печальный?

– Вот, – говорит, – я кручинной, печальной, папаша велел приготовить полотенце, после умывания для утирания. Ты разве сделаешь? – говорит это.

– Ну, Иван Царевич, иди за мной, – говорит.

Вот Иван Царевич идет, она попереди, Иван Царевич вслед. Приходит к большому кусту. Она заквакала, вдруг из этого кусту стал большой дворец. Потом второй раз заквакала и перекувырнулась и сделалась из скакухи болотной прекрасной Марьей Царевной.

Иван царевич посмотрел:

– Тут что-нибудь не то. Тут скакуха, да не тая лягушка, а тут человек.

Затем он ей и спрашивает:

– Почему ты лягушкой болотной, а потом превращаешься в прекрасную женщину?

– А так, – говорит, – Иван Царевич. Вот я была одна дочь у царя, у отца, и на моей красотой позавидовал чародей Мухомор. Но отец узнал, что он чародей и не отдал меня за чародея Мухомора. Этот чародей, – говорит, – рассердился на отца и взял превратил наше царство в топучее болото. И вот до тех пор будет наше царство болотом, а я болотной лягухой, пока меня не

ослободят. Теперь ты ослободишь меня, и я буду по-прежнему прекрасной Марьей Царевной. Пока ты этой моей тайны не говори никому, что я из лягушки превращаюсь в человека.

Вот Иван Царевич тут у ей ел ли, пил ли, того не знаю, и повалился спать. А она стала готовить это полотенце для будущего свекора. Взяла шелку там, разных трав нарубила и вынесла на ветер бросила:

– Нянюшки, мамушки, – говорит, – верные служанушки, как служили батюшке, матушке, так послужите и Марье Царевне, скакухе болотной. Сделайте мне-ка полотенце, чтобы подать моему свекору /такому-то королю или царю, не знаю/, чтобы подать было на стол не совестно.

Тут недолго те сейчас сделали ей полотенце и завернули в бумажку. Иван Царевич поутру встает со сна ранехонько. Она, конечно, его разбудила, как ей долго нельзя было находиться человеком, опять надо было превращаться в стару свою шкуру лягухи болотной.

– Ну, вот, – говорит, – Иван Царевич, возьми этот сверточек и отдай своему папаше от меня в подарок. А про меня так скажи: «Вот подарок от моей будущей жены, от скакухи болотной».

Иван Царевич приходит домой, а братья уже дома. И у братьев тоже принесли подарки. Иван Царевич подал царю и говорит:

– Вот, папенька, мой подарок, от моей будущей жены, – говорит, – вот полотенце, как вы велели сделать.

Царь стал смотреть у старшего, посмотрел полотенце:

– Это полотенце положьте кухаркам на кухню руки вытирать.

А у второго посмотрел:

– Это полотенце, – говорит, – положьте горничным там, где они находятся, тоже руки вытирать.

Потом посмотрел у Ивана Царевича этой скакухи болотной и велел повесить во свою столову, где собираются гости, где царь делает – пусть тое полотенце там.

Недолго время прошло, царь говорит:

– Ну, вот что, дети, пусть ваши жены сделают по ковру на мои диваны.

Они и пошли, эти братья: старший к королевы, второй пошел к царевны, а Иван Царевич пошел к скакухе болотной своей. Где стрела упала, там надо судьбу свою решать.

Приходят, тот невесты своей отдает приказ:

– Такой-то сделать ковер.

Второй тоже говорит царевне:

– Сделай ковер, папенька велел-от.

А Иван Царевич опять к скакухе болотной идет. Тая опять бежит навстречу.

– Ква, ква, Иван Царевич, что для вас нужно, что папенька ваш приказывал сделать? /Ну, уж она, наверно, знает/.

– Папенька велел сделать нашим невестам по ковру на его диваны.

– Ну, ладно, это не служба, а службишка; служба вся будет впереди, – она отвечает ему. – Умойся, утрись – говорит, – да спать ложись, а поутру встанешь, все будет готово.

Иван Царевич умылся и спать повалился опять, а она, как стемнело, сейчас взяла опять приготовила разных трав, что ей надо было для ковра, вынесла на ветер, бросила эти травы и говорит:

– Нянюшки, мамушки, верны служанушки, как служили папеньке и маменьке, так послужите мне, Марье Царевне, скакухе болотной.

Ну, тут это недолго: сейчас моментально ей это сделали нянюшки, мамушки, такой ковер сделали, что лучше не требуется. В бумажку завернули и говорят:

– Вот тебе, Марья Царевна, подарок твоему будущему свекру.

Время прошло там, ей нужно опять превращаться в скакуху болотную из человека. Она разбудила Ивана Царевича и вот говорит:

– Получай, – говорит, – свое задание, ковер моей работы, и передавай папеньке своему и так говори: «Вот, папенька, подарок от моей скакухи болотной».

Иван Царевич взял этот подарок и приходит домой. Братья уже пришли, принесли эти подарки.

Стал царь смотреть эти подарки:

– Старшего сына, – говорит, – ковер – конюхам ноги вытирать, положьте туда, в ноги. А второго сына ковер положьте на кухню – кухаркам ноги вытирать. А ну, что, – говорит, – у Ивана Царевича, от скакухи болотной?

Взял, посмотрел.

– О, да, это, – говорит, – можно положить на тую кушетку, где я сижу.

Вот это все разместили по своему назначению.

В конце концов, он говорит:

– Ну, дети, принесите по пирогу от своих жен, я хочу попробовать ихной стряпни, какие пироги они будут готовить для своего будущего хозяйства.

Ну, и отправились все сыновья опять. Один к королевне, другой – к царевне, а тот к скакухе болотной опять идет, Иван Царевич. Выбегает лягушка болотна, кричит:

– Ква, ква, Иван Царевич, чем могу я тебе услужить?

– Вот мой папа хочет отведать стряпни будущих невесток и вот велел испечь по пирогу.

– Ну, это что, – говорит, – не служба, а службишка, служба вся будет впереди, – она ему ответила.

Пошла к кусту, перекувырнулась – из куста образовался дворец, а она сделалась человеком, прекрасной девицей опять.

– Ну, Иван Царевич, мойся, – говорит, – да утрись, да спать ложись, поутру встанешь, дак все будет готово.

Иван Царевич взял умылся, спать повалился. А она тем временем сейчас взяла это, что надо: муку да воду заболтать. Болтала, наболтала да потом взяла да за окошко и вылила:

– Нянюшки, мамушки, верны служанушки, как служили папеньке, маменьке, так послужите и мне, Марье Царевне, скакухи болотной. Испеките, – говорит, – пирог будущему свекру.

Ну, тут моментально, не через долго время и пирог готов. Завернули в бумажку, подали – только парок встават тепленький, горячий.

Иван Царевич встават со сна поутру, она ему подават:

– Вот мою стряпню, – говорит, – отдай папеньке, скажи: «Возьмите, папаша, от моей будущей жены, скакухи болотной».

Иван Царевич взял и отправился к своему папаше. Приходит домой, а братья пришли уже, готово, поданы на столе пироги.

– Вот, – говорит, – папаша, мой пирог от моей будущей жены, скакухи болотной.

Царь взял пироги, принял, потом рассмотрел.

– Этот пирог, – говорит, – раскрошите, лошадям отдайте, пусть лошади едят, от старшего сына.

И второй пирог отдал:

– Пускай, – говорит, – служанки раскрошат и скоту отдадут: там свиньям и коровам, и те пускай едят.

Потом Ивана Царевича стал смотреть, скакухи болотной пирог. Посмотрел и говорит:

– Ну, этот пирог не совестно и на стол положить.

Вот, ладно, прошло там времени сколько после этого, царю надо сынов женить – свадьбу играть.

– Ну, дети, – говорит, – идите к своим невестам, призовите их, будем свадьбу играть.

А Иван Царевич и подумывает:

– Ну, как теперича моя приедет? Они-то на конях и в каретах приедут, а я-то как привезу? Лягушку болотну в кармане привезти надо.

Приходит Иван Царевич туда, а навстречу бежит скакуха болотна:

– Ква, ква, Иван Царевич, чем могу я вам услужить? Что для вашего папеньки требуется?

– А вот, – говорит, – для моего папеньки, велел привезти невест, будущих жен во дворец, будут свадьбу играть.

– Ну, это, – говорит, – не служба, а службишка, служба еще вся впереди.

Зашла в куст, перекувырнулась, сделалась прежней красавицей Марьей Царевной.

– Ну, Иван царевич, – говорит, – теперь ты здесь отдыхать не будешь, а иди домой и вели папаше забить окна все, чтобы не было свету во дворце. Закричат: «Царь, царство горит!» Царь побежит к дверям, а ты, – говорит, – его удержи, скажи, что не царство горит, это моя жена в коробке едет. И потом, – говорит, – это будет повторяться три раза. Все будут кричать: «Царь, царство горит!» А ты отвечай: «Не царство горит, а моя жена в коробке едет».

Иван Царевич отправился домой, к своему папаше туда. Приходит, а братья еще не приехали, не справились, не успели приехать. Вот потом не через долго время приехали братья, все там по своим залам разошлись, а царь увидал Ивана Царевича:

– А у тебя где жена?

– А у меня, папенька, сама приедет в коробке. А ты забей окна, чтобы не было свету во дворце.

Царю надо послушать сына. Взял приказал забить все окна, чтобы света ни откуда не было видно. Только окна забили у дворца, вдруг закричали:

– Царь, царство горит!

Царь и вскочил, что на самом деле царство горит.

– Это не царство горит, – Иван Царевич отцу говорит, – а это моя жена в коробке едет.

Вдруг опять закричали:

– Царь, царство горит!

Царь опять вскочил, Иван Царевич говорит:

– Нет, не царство горит, моя жена в коробке едет.

Царь опять уселся. Ну, вот в третий раз кричат:

– Царь, царство совсем загорелось!

Царь вскочил на ноги, хотел бежать. Сын опять схватил за руку:

– Нет, садись, – говорит, – папенька, это моя жена в коробке приехала.

Иван Царевич сбегал стретил жену. Царь сам был там. Стоит карета, вся как жар горит, вся самоцветными камнями так и усыпана.

Вот привели Марью Царевну в покои. Ночью она человеком, а днем скакухой болотной.

Тут царь задал пир на весь мир. Иван Царевич говорит:

– Ну, папаша, пир делай, чтоб было дело к ночи, днем она скакухой болотной дак.

Вот царь так и сделал. Пир устроил ночью. Всех королей, всех царей созвали соседних на свадьбу. И тее братья пришли со своими женами. Все красивы, все хороши, а у Ивана Царевича Марья Царевна – скакуха болотна – лучше всех, красивее.

Сели за стол, за столами стали производить угощение. Эта Марья Царевна, скакуха болотна, там из рюмки, из бокала маленько выпьет, а остальное в рукав выливает. И озубки там тоже за рукава спускают туда. А этих братьев жены увидали и тоже за рукава стали выливать и спускать туда свои озубки.

Свекор увидал это, что она делает, и теи делают. И вот старику захотелось потанцевать. Старушего жену пригласил. Как пошли танцевать, у ней из рукава озубки посыпались, полилось все. Вот позор! Посадил тую на место, давай втору. То же повторилось: из рукава льется да куски валяются, озубки.

Ну, вот дело подходит до Ивана Царевича жены этой, до лягухи болотной. Тую пригласил, за рукав взял, пошевелил, оттуда посыпались сады разны, с прудами, на улице сделались, потом птицы разны зараспевали, и

тако сделалось веселье, тако удовольствие у царя, что еще много лучше прежнего, как жил раньше царь.

Кончился у них этот бал, пир. Дело пошло уже к утру, к свету. Все пошли со женами по своим покоем. У Ивана Царевича она опять превратилась в лягушку болотную и ему говорит:

– Ну, Иван Царевич, еще три дня я буду скакухой, а потом буду человеком. Ночью человек, а днем скакуха болотна.

День прошел. Она скакухой болотной была. День ходит скакуха болотна, а невестки как человек.

– Ну, – говорит, – к чертовой матери. Така у меня красавица, а скакухой болотной довольно ей жить.

Взял там ейны шкуры скакушки, все и сожег. Бросил в печку, когда она была этим человеком. Ночь проходит, приходит день, ей понадобилась шкура быть лягухой, а лягухой быть нельзя.

– Ну, Иван Царевич, не умел ты владеть и не хотел обождать день-два всего, теперь не увидишь меня, может быть, вечно. Теперь овладеет мною этот самый чародей Мухомор, который меня заколдовал. А ты, Иван Царевич, останешься здесь и будешь по свету путешествовать, выносишь трой железны лапти, выносишь три железных кафтана, на головы три шляпы пробьет дождем железных и потом три железных посоха о землю исколотишь, тогда только ты можешь меня достать, а, может быть, и тогда не достанешь.

В это время тут чародей ей подхватил на воздух и унес. Только у Ивана Царевича и жена была, не умел владеть дак.

Иван Царевич и закручинился. Ну, что же делать! Как говорила она, придется это все сделать, идти путешествовать по белому свету.

Вот в одно прекрасно время сходил к кузнецам, заказал это все делать: сперва железны лапти, потом железные кафтаны велел сделать, потом три шляпы железных и три палки – посоха тоже железных. Ну, вот ему это все сделали, и он отправился в путь-дорогу.

Долго ли там, коротко путешествовал. Одни лапти износил, и один кафтан тоже износился, палку одну истыкал о землю, и на головы шляпу дождем пробило, стала дырява, тую скинул, надел сменну.

В конце концов, он уже пришел там к бабушке-задворенке. И вот рассказывает ей: вот так и так случилось с ним это дело.

– Ой, ой, ой, миленький, – говорит, – долго тебе-ка путешествовать. Но я тебе помогу, твоему горю. Вот, – говорит, – она теперь у этого чародея Мухомора. Он же и Кощей Бессмертный. А он живет у такого-то моря. На море стоит остров, на острове евоный дворец. И вот в этом дворце Марья Царевна у его. А тебе надо вот что сделать. На море лежит рыба-кит. В этом киту ящик, а в этом ящике утка и в утке яйцо, а в этом яйце смерть Кощей Бессмертного.

Пошел Иван Царевич путешествовать. Ходил там долго ли, коротко ли, по берегу шатался у моря. Наконец, нашел рыбу-кита этого, стал просить, чтобы он выхаркнул оттуда ящик. Ну, этот кит выхаркнул ящик, он взял этот ящик, открыл. Открыл этот ящик, утка из ящика, как будто век не была, вылетела – и фьють, до свидания. Утка эта у его и улетела. Он затем опять пошел по берегу шататься. Что же делать! А сидит у берега коршун.

– А, что, – говорит, – я усталый, голодный, убью-ка этого коршуна и сварю.

Он уже это второ платье износил и лапти, и шляпу, и посох истыкал, остался один кафтан и лапти, и одна шляпа. Ну, вот хочет коршуна убить, а коршун ему и говорит:

– Не бей, Иван Царевич, у меня еще малы дети не выкормлены, дай мне-ка пожить, а я тебе что надо, то и сделаю.

Он оставил этого коршуна. Идет, позабыл, что и делать уж. Сам с собой идет и раздумывается. Он идет по берегу, на берегу лежит щука.

– Ну, вот теперь сварю, съем. Коршуна не удалось убить, а щуку я сварю и съем.

Щука говорит:

– Оставь, Иван Царевич, меня живу в покое, я тебе пригожусь.

Ну, ладно, он взял тую оставил. Все пропадать так. Едва уж ноги переставляет: голодный и холодный.

– Никого, – говорит, – не попадат. Хоть бы зайка попал бы, я бы того не постеснялся, убил бы да и съел.

Вдруг откуда ни возьмись, бежит зайка. Он прицелился, только хочет выстрелить в зайца, а заяц говорит:

– Не бей, Иван Царевич, я тебе пригожусь.

– А давай оставлю, – говорит.

А утка та все летит вверху, чуть-чуть видно. Он подумал-подумал.

– А что, – говорит, – надо бы эту утку убить.

Куды он идет, туды и утка летит, а убить не может. Ну что ж: вверху ружье не возьмет, очень высоко.

– А верно, – говорит, – коршун-то ей может подпустить ко мне, чтоб она села ниже, а я в это время могу ей и убить. Где-ка, – говорит, – этот коршун, которого я не убил, оставил в живых?

Ну, а в это время коршун тут как тут.

– Что, – говорит, – Иван Царевич, тебе угодно? Я твоей беде помогу.

– А мне, – говорит, – надо достать утку, которая тут летает вверху. Я тогда ей убью. Я иначе убить не могу, она летит очень высоко, вверху носится дак.

Коршун, не говоря больше ни слова, взлетел вверху, утку там ударил или не ударил, испугал, она все книзу, книзу и едва над Ивана Царевича головой не стала. Иван Царевич сразу бах, выстрелил, утка пала в море, опять достать никак нельзя, опять несчастье.

Иван Царевич задумался.

– А верно, я спас щуку, не сварил, спехнул ей с сухого берега в воду.

В это время явилась щука:

– Что, Иван Царевич, тебе угодно?

– А мне, – говорит, – надо достать утку, утка плавает в море раненая, никак достать не могу.

Вот сейчас щука, не говоря больше ни слова, повернулась да за уткой. Поймала эту утку и притащила Ивану Царевичу.

– На, Иван Царевич, вот тебе твоя утка.

Иван Царевич взял утку, сейчас моментально разорвал, яйцо из той утки выпало на песок. Выпало на песок да и разбилось. Вот где беда! Еще не легче. Ну, так или иначе, взял сам подумал:

– Ну-ка, я спас где-то зайку, не подстрелил его, не может ли он чем помочь?

Зайка прибежал, лапками всплеснул, и яйцо снова сделалось, как яйцо. Иван Царевич взял яичко, положил в карман и пошел дальше к морю. Пришел к морю к этому, где стоит остров.

Ну, надоть перебраться на этот остров. Как перебраться, не знает.

– Где-то был еще кит, который отдал мне ящик и утку. Не придет ли он ко мне и не послужит ли мне?

Откуда пи возьмись, этот кит пришел.

– Ну, что, Иван Царевич, для вас, – говорит, – угодно?

– А переправить, – говорит, – меня на этот волшебный остров к Кощею Бессмертному.

– Садись, – говорит, – на меня, на кита, я тебя перенесу на этот остров.

Он сел на кита, кит его понес на ту сторону. Кит говорит:

– Ну, иди, Иван Царевич, теперь нету чародея Мухомора. Он чародей Мухомор, он же и Кощей, летает – говорит, – по свету теперь, воюет с другими чародеями. Ты иди прямо к его дворцу, за этой горой его дворец. Там тебя стретит Марья Царевна.

Он приходит к дворцу туда, его стретила Марья Царевна:

– Откуда взялся, – говорит, – ты и как сюда попал?

– Как не попался, а здесь оказался.

– Скоро, – говорит, – прилетит Кощей Бессмертный и он тебя растерзает. Куда, – говорит, – я могу тебя спрятать? А надо куда-нибудь спрятать!

Давай, взяла обернула его булабочкой да воткнула в стену. Ну, только она его обернула в булабочку и ткнула в стену, вдруг прилетает Кощей Бессмертный:

– Фу, фу, фу, – говорит, – я на Руси не бывал, русского духу не слышал. Кто у тебя есть? Говори!

– Никого нету, – говорит. – Есть Иван Царевич, – наконец, говорит.

– Ага, а как он сюда попал? Я его сейчас раздавлю!

Она его отвернет из этой булабочки, а Иван Царевич тут как тут, выскочил.

– Ну, долго, – говорит, – я тебя дожидал, наконец, дождался. Смерть тебе, – говорит, – не бывать тебе, Иван Царевич, на белом свете.

А он ему на место:

– Да нет, – говорит, – мне ли не бывать на свете или тебе. Довольно ты живешь, много людям вреда сделал.

Вынимает из кармана яйцо и перекидывает с руки на руку. Как с руки на руку перекинул, так этого Кощей Бессмертного из угла в угол и бросило.

– А, – говорит злодей, – Иван Царевич, ты достал смерть мою.

Сразу понял Кощей Бессмертный.

Он начал это яичко с руки на руку перекидывать.

– Я тебя помучу, чародей. Как ты людей мучил, так и я тебя помучу, а потом смерти предам.

Ну, там поперекидывал с руки на руку это яичко.

– Ну, ладно, довольно, – говорит, – тут с им канителиться.

Взял приправил в лоб ему этим яйцом, он пал, значит, Кощей Бессмертный, помер.

Марья-царевна к нему в объятия бросилась:

– Ну, спас меня от чародея! Надо нам отсюда уезжать теперь.

Вышли они из дому с Марьей Царевной, и вот он ей говорит:

– Надо этот замок, дом сожечь, чтоб его не было, как и Кощея Бессмертного, так и этого замка.

Она говорит:

– Нужно это сделать, нужно сожечь.

Взяли вышли они из дому, дом этот сожгли и Кощея Бессмертного, Мухомора этого, сожгли. Ну, вот. Сожгли. Остров стал пустой, ничего не осталось на этом острове. И им переехать на ту сторону никак.

– Ну, как же теперь, – говорит, – Марья-царевна, мы переберемся па ту сторону?

– Ну, это уже дело, Иван Царевич, не твое, а мое.

Вынула из кармана волшебный перстень чародея Мухомора, одела ого на палец. В то время выходит два молодца:

– Что угодно, Марья Царевна и Иван Царевич, для вас?

– А для нас то угодно, чтобы нас перенести на ту сторону моря.

Вот, каких-нибудь тут в два счета, сделалась у берега лодка, а в лодке два молодца, перетащили их на другу сторону. Оне переехали на ту сторону, вышли на берег.

Порассказал Иван Царевич Марье Царевне, как путешествовал во время ейного отсутствия, как приходилось странствовать.

– Ну, вот, – говорит, – Иван Царевич, мое царство раскрыто, как чародей убит, Кощей Бессмертный. Мы теперь поедem в мое царство. Ты теперь уж будешь не в отцовском царстве править.

– Это-то, – говорит, – ладно, в твоem царстве жить или в отцовском, да как мы будет туда попадать?

– Ладно, сейчас попадем.

Опять взяла кольцо, перекинула это кольцо с руки на руку, и в это время опять явилось два молодца.

– Что для вас будет угодно, Марья Царевна и Иван Царевич?

– Для нас, – говорит, – нужно ковер-самолет. И перенести меня, – говорит, – в прежнее наше заколдованное царство.

Сейчас они сели на этот ковер-самолет и моментально переехали в это царство к Марье Царевне.

Приехали в царство, там народ уж живет по-старому, все как муравьи в муравейнике, так и кипят по улицам, ожило все. Вот Марья Царевна зашла в свой дворец тогда с Иваном Царевичем, погостили. Потом царя, отца евоного, Ивана Царевича, и братьев созвали, потом сделали пир на весь мир.

Я, говорят, там был, вино пил, по усу текло, а в рот не попало. И жили они до глубокой старости.

ЗОЛОТОЙ МУЖИЧОК

Вот жил-был крестьянин много лет тому назад уж. В каком государстве, то не помним. Вот этот крестьянин посеял хлеб. Посеял хлеб, у его хлеб стал расти, хлеб замечательный – колосья золотые, а солома серебряная. Хлеб стал поспевать, и стали воры воровать.

Вот он говорит своей старухе /детей-то у его не было/:

– Надо, – говорит, – нам караулить вора, а то он у нас все испортит, не столько украдет, сколько притопчет.

Ну, этот старик и старуха бросили, значит, жребий: кому наперед идти караулить. Первой день достался старухе идти, а старик остался дома.

Вот, старуха села караулить, сидела, сидела и уснула. Проснулась, а поле все ихно как в огне горит. Старуха ничего не могла понять и не смела пошевелиться с места, не знат, что и сделалось. Огонь этот утих, и потом стал свет настоящий.

Приходит она домой и рассказывает старику:

– Вот так и так, – говорит, – не знаю, что случилось на нашем поле ночью, горело поле как в огне, а воров я не видала.

Старик пошел проверять ейного караулу. Приходит, а поле пуще прежнего истоптано и колосья порваны. Старик:

– Ну, старуха, худо ты следила, дай я сам пойду.

На вторую ночь собрался сам старик караулить. Сидел да задремал, захотелось спать старику и приуснул немного.

Задремал, вдруг слышит, как шорох будто по пшенице. Он глаза открыл, а прямо перед ним так все и горит. Он перепугался, а потом, наконец, отдумался: «Что со мной?».

Потом осмотрел, обнатурился – видит, будто клубок катается по полю, от него недалеко.

Надо все-таки поймать это, не знат, животное, не знат, что тут есть, какое приведение. Он на цыпочках на него и пополз. Видит, будто как человек, но только весь в огне.

– Дай я подползу к нему ближе.

Подполз к самому, потом поймал его за ногу. Видит, что человек и человек как огненный весь, небольшого росту, а весь как в огне. Вот поймал, скрутил его, потом взял этого человека. Этот человек просится:

– Не передавай, – говорит, – меня на суд, я тебе за это рассчитаюсь, и вечно ты будешь счастливой, старик.

Ну, старик настолько был злой, что взял не принял просьбу этого человека и взял его передал в суд. А суд производил над има там был царь, которому царю был старик подданный.

Царь принял этого старика просьбу, потом взял вора и посадить велел в тюрьму. А старик просит, чтобы наказать этого вора строже за такое похищение. А царь тому и рад, чтобы наказать, это дело цареву, как следует наказать, чтобы вор вперед не ходил. Вот скорее сказать, сидит этот человек в тюрьмы месяц. Царь посадил его в тюрьму и замнул эти запоры крепко, закрыли двери на много замков

Ну, вот, царь замкнул и эти ключи.

– Куда я эти ключи положу?

Управители, царевы вельможи, говорят:

– Ты положи эти ключи на пояс жены, чтобы она их берегла, никому не дала.

А у царя был сын, небольшой мальчишка, годов ему восемь или десять – немного. Вот этот мальчик бегал на улице и потом увидал, там ребята спускают стрелки, и захотелось ему стрелки тоже спускать.

– Папа, – говорит, – сделайте мне-ка стрелку. И я буду тоже спускать как другие дети спускают стрелки.

Царь распоряжение дал сделать сыну стрелку. Сделали сыну стрелочку золотую, иди да стреляй. Мальчишка бегал тут на улице около тюрьмы, эту

стрелочку спускал, спускал да как раз спустит стрелочку в окно этой тюрьмы. Попадет в камеру в тую, где сидит этот самый золотой мужичок. Вот он прибегает к матери, говорит:

– Мама, я стрелочку спустил в тюрьму к тому заключенному, которого посадили в тую камеру.

Мать говорит:

– Ну, одну что там, надо две или три, ты опять спустишь, там затеряешь.

Мать заказала, сходила еще сделать три стрелочки сыну, чтоб было чего пускать. И вот сама ему наказала:

– Если ты стрелочки все утеряешь, то домой не являйся. Отец строгий, стрелочки дорогие, он тебя и меня сказнит.

Цари были досель как попы, шальные.

Он взял эти стрелочки, пошел спускать. Спускал, спускал, и эти все стрелочки спустил опять туда, куда спустил первую. Стрелочек, значит, нету, все переспущаны. Домой идти не смеет, боится, что дают за это наказание. «А пойду, – думает, – к этому заключенному, может, мне удастся получить эти стрелочки, все равно они ему некуда со стрелочками».

Он обнатурился и пошел к этому окну заключенного и стал у его просить:

– Вот, что, – говорит, – отдай ты мне эти стрелочки, я тебе что надо, то и сделаю.

Ну, а заключенному что надоть? Надо то, чтобы как вырваться из неволи да и удрать.

– Вот что, – говорит, – выпусти меня из этой тюрьмы, Иван Царевич, я тогда тебе отдам эти стрелочки.

– Да как мне тебя выпустить, когда ключи у маменьки привязаны у рубашки, мне-ка достать их трудно.

– А ты вот. Я, – говорит, – тебя научу, как достать эти ключи и выпустить меня. Придешь, – говорит, – домой, скажи мамы, что «у меня

головушка болит да живот болит», она тебя возьмет па руки, станет тебя убаюкивать, а ты за это время у ей отвяжи ключи, возьми положи себе в карман и вот придешь отомкнешь меня, выпустишь меня да обратно замкнешь. Обратно замкнешь, – говорит, – потом придешь, мамы положишь ключи так же, как их взял.

Мальчик, долго не думая, сейчас побежал домой. Приходит:

– Мама, головушка болит да животик болит.

Вот мама стала его утешать, взяла его на руки, стала его гладить да баюкать, а он за это время ключиками этими брякал, брякал да взял отвязал их. Отвязал, положил в карман и вышел на улицу. Опять снова прибежал к тюрмы, взял отомкнул ей и освободил этого золотого человечка. Золотой этот человек говорит ему:

– Вот тебе стрелочки, Иван Царевич, а если будешь в каком несчастьи находиться, то вспомни меня, золотого мужичка, и я тебя от всякой беды спасу.

Вот таким образом мужичок ушел, а Иван Царевич снова стал стрелочки пускать. Поспускал стрелочки, потом пришел домой да опять к мамы, где взял ключи, да туда и положил.

Прошло времени порядочно. Приехал царь, потом тут собрались вельможи и тот мужик, которого пшеницу воровал вор. Вот и оне назначили день казни, казнить больших преступников, не только одного этого вора, а всех больших преступников, всех сообща казнить. Вот оне стали этих преступников выводить по очереди, которого первая очередь, того и выводить. Всех этих казнили, потом пришла очередь этому преступнику. Как приходят за этим преступником, отомкнули, а на: там его и нету.

– Вот, так ловко, – говорят, – замки повешаны как следует, а преступника того и нету. Куда он делся?

Сейчас спрашивают эту царицу:

– Куда у тебя вор ушел и как ты смела его выпустить, когда кроме тебя, ни у кого ключей не было.

Оне, все эти судьи тут и царь присудили вместо его казнить ей за то, что она его выпустила. А в это время мальчишка бегал на улице, пришел домой в царски свои палаты, а мать поводят на казнь, голову отсекают прочь. Он как это услышал и говорит:

– Не мама выпустила вора, а я. И выпустил вот по такому делу – из-за этих стрелочек отпустил.

Оне тогда и пристали к нему. Ну, что с ним делать? У царских родов не рубят головы, убивать его нельзя.

– А вот, – говорят, – с ним что сделать: пустить его по свету странствовать, пусть он здесь не живет, а куда знает, туда и идет.

Царь на это согласился тоже, пускай он идет странствовать. Одного сына и того лишиться надоть. Чем убивать – так лучше живого отпустить.

Ну вот, отпустить его путешествовать – надо его справить: дать на дорогу ему с собой и назначить человека при нем тут. Пока тут справляли, за это время мать приготовила ему белье нижнее тут. И потом вышила на рубашке на спине: какой он есть, откуда, за что пошел странствовать, за какое преступление.

Вот они его справила, потом его направили путешествовать и дали ему проводника там с собой в товарищи, чтобы двоим идти было веселее, и в дальнейшей дороге чтоб не обидели его звери там.

Оны пошли с этим путешествовать. Сколько там места шли, брели, долго ли, коротко ли, устали, прилегли отдыхать. Отдохнули и отправились на следующий день опять в путь. А на ходе жарко, воды с собой нету, им стало очень хотеться пить. Вот затем, наконец, они нашли колодец, где можно освежиться и отдохнуть по-хорошему. Вот это проводник-то евонный туда спустился и говорит:

– Ты, Иван Царевич, поддержи меня на веревочке, я напьюсь, потом тебя спущу туда напиться.

Этого проводника туда спустил Иван Царевич на веревке или на поясу, веревки-то, может, и не было. Этот напился, потом Иван Царевич его

вытянул из колодца, и он спустил Ивана Царевича туда тоже попить. Иван Царевич напился тоже там в колодце.

– Тяни, – говорит, – меня из колодца.

А он Ивану Царевичу говорит:

– Нет, я до тех пор тебя не вытяну, пока ты не дашь мне своей одежды и не возьмешь моей.

Скорее сказать, ну что ж, лучше, чем пропадать в колодце, лучше отдать одежду. Ну, согласился:

– Вытянешь, я тебе отдам. А здесь не переодевать в колодце одежи, известно.

Тот его вытащил оттуда из колодца:

– Ну, Иван Царевич, раздевайся, снимай все.

А Иван Царевич думает: «Ну, на кой леший, все равно мне, в какой одеже путешествовать, звери съедят все равно в той одеже иль в этой».

Вот взял передел евонну, был царевич, стал холоп. Ну, а этой рубашку маминой, котору мама ему вышила, он не снимал, нижнего белья-то они не переснимали. Они снова опять пошли путешествовать, так бродить, шататься. В концы концов, перешли оны со своей территории за границу, в чужо государство. Там их потом поймали и доставили тоже царю. Царь их потом спросил: почему они пошли путешествовать, не с намерением ли каким. Оны рассказали, что вот такого-то царя сын. Царь затем:

– Ну, ладно, – говорит, – я вас возьму на службу и буду за вами следить, что не будет ли какого от вас подлогу.

Живут они у царя тамотки сколько времени, это я не знаю точно. Царь одного положил работать в царские покои, а второго отдал на конюшню, в помощь конюхам, лошадей мыть да чистить. Проводник-то евонный у царя в покоях находится, а Иван Царевич – тот конюхам на помощь.

Жили оны сколько времени там, это я уж не знаю, долго ли, коротко ли. А у царя была у этого дочь красавица. И вот этому-то названому царевичу захотелось сделаться царским зятем. Но прежде, чем сделаться зятем, надо

уходить Ивана Царевича – ведь он в конце концов расскажет, что этот не царевич, а ихний слуга. А за это царь может казнить, за эту измену, что он сделал неправильно.

Вот раз выпускают на пастбище быков тамотки таких сердитых. А он, этот, который у царя живет, царевич, говорит:

– Это дайте нашему конюху. Он был у нас подпаском там, пас стада, он может хорошо пасти.

Дали этому самому Царевичу Ивану пасти быков. И царь дал распоряжение, чтобы он сделал из их смирных всех, как один, не были бы чтобы таки ярые, а были бы смирные, один одного слушал бы и повиновались своему пастуху.

Выпустили этих быков, быки пошли на поскотину в поле. Выпустили как из сарая, они как начали рыть землю, и подойти страшно к ним. Ну, далеко ли, близко ли, эти быки разбежались все, которому куда хотелось.

Иван Царевич сел на клочок, сел, залился слезами, сидит да плачет. Долго ли, коротко ли он там сидел, этого я не знаю. Потом, наконец, он вспомнил золотого мужичка.

– Золотой мужичок ведь мне говорил, что «я тебе во всякой беде помогу». Не поможет ли он мне избавиться от этой беды? Где-то, – говорит, – мой друг верный, золотой мужичок, из-за которого я теперь странствую и путешествую, сам не знаю, мучаюсь за что?

Только спомнил этого золотого мужичка, и он тут как тут.

– Ну, что, Иван Царевич, вижу я твое несчастье, – говорит, – я помогу тебе с этим, со скотом. Садись на меня, на золотого мужичка, и закрой глаза.

Вот он сел на золотого мужичка, закрыл глаза, а тот и попер его и притащил к своей сестре старшей.

– Вот, – говорит, – сестра, умей этого гостя принять и угостить, этот меня от смерти избавил.

Тая сейчас приняла, раздела, напоила, накормила, повалила спать.

Иван Царевич недолго тут, моментально /эти быки вымучили так что/, скоро заснул. А тем временем золотой мужичок этих быков всех собрал, всех сделал смиренными, скромными, как будто век бык быка слушал, и не трогали, не бодали, очень сделались ласковы и смиренны.

Иван Царевич почевал тамотки ночку у сестры у этой золотого мужичка. А сестра этого золотого мужичка:

– Вот тебе я, – говорит, – даю подарок, трехгорлый кувшинец, и вот этот кувшинец как повернешь – там откроется музыка, народ будет танцевать, угощение разное. Потом услышит у тебя это царевна, будет у тебя просить его и покупать, а вы ей говорите: «Не продажной, а заветной». Она спросит: «Что за завет?» — «А ваше тело до колен показать и больше ничего».

Ну, вот, приходит этот золотой мужичок, садит Ивана Царевича на себя и попер туда к этим быкам. Туда принес к этим быкам, к этому его табуну. Все быки смиренны, ни один не пошевелится, не побежит по сторонам, как раньше бегали со двора. Быки смиренны, он взял и погнал туда к царю. Пригнал царю, и царь обрадел, что быки все как один обучены и сделаны все смиренны. А этот, который его товарищ, думал, что эти быки его в куски разорвут.

Ну, ладно. Царь затем приказал дать кушанье со своего стола этому конюху на скотный двор. Одним словом, все удовольствия, чтобы было веселее этому конюху. А этих кушаньев взял отдал другим конюхам:

– Натe, – говорит, – товарищи, это употребляйте, это пускай вам, а у меня своего хватит.

И взял достал этот кувшинец, вывернул, повернул его – оттуда из кувшинца выскочили танцоры, музыка поднялась, на столах наставлено чего угодно, чего у тебя душа просит, всякого угощения.

И вот услышали служанки, а потом сказали царевне:

– Вот, царевна, у нашего конюха, у молодого, такая музыка, так нигде на свете нету.

Царевна это от служанок услышала, сама послушала – правильно, такой музыки не то, что нигде не слыхала, да и не слыхать не будет. Скорей сказать, ей захотелось эту музыку купить. Приходит к нему:

– Ну, что, – говорит, – продай ты мне-ка эту музыку.

– А что же, – говорит, – купите мой кувшинец.

– А сколько будет он стоить?

– А вашего тела до колен посмотреть, больше мне, – говорит, – ничего не надо.

Ну что же, она взяла ему, показала по колен тело, взяла у его и унесла. Там сколько времени тешилась, играла, потом и играть у ней эта музыка не стала, спортилась.

Вот этот, который проводник-то, этот холоп, говорит царю:

– Слушайте, у вас есть эти жеребцы необъезженные, можно, – говорит, – заставить нашего конюха, он это сделает все, как быков.

Ну, а царь говорит:

– Есть, – говорит, – ну только ему их не сделать.

– Сделает, – говорит.

Ему только надо сжить его, чтобы не было его на свете.

Вот царь говорит:

– Во что бы то ни стало сделать, ежели не сделаешь, то у тебя голова с плеч.

Ну, он зашелся. Взяли коней этих выпустили, кони понеслись кому куда ближе, потому что дики, может, они в свои места убежали просто. Иван Царевич опять сел на клочок, затужил, затуманился, думат:

– Что тут дальше будет?

И опять вспомнил этого самого золотого мужичка:

– Где-то, – говорит, – мой друг прежний, золотой мужичок, которого я спас от смерти, из-за которого хожу, путешествую?

Только вспомнил, а этот золотой мужичок как будто тут и был. Тут и есть.

– Об чем, – говорит, – Иван Царевич? Вижу я твою беду, но я тебе помогу это все сделать. Садись, – говорит, – на меня, на золотого мужичка и запирай глаза.

Сел Иван Царевич на золотого мужичка, запер глаза, а тот понес его ко второй сестре к своей.

– Ну вот, сестра, – говорит, – этого гостя умеи принять и угостить, он меня от смерти избавил.

Скорей сказать, золотой мужичок ушел собирать жеребцей этих, которы разбежались, сестра сейчас его накормила и повалила спать. Вот пока Иван Царевич спал, за это время золотой мужичок собрал этих самых коней всех, это выучил, вычистил как следует и сделал всех смиренными, как век езжены были.

Является золотой мужичок к Ивану Царевичу. И вот говорит сестра Ивану Царевичу:

– Я дам тебе шестигорлый кувшинец, как повернешь, тут все тебе будет. Будут, – говорит, – музыки будут, танцоры там и танцорки из этого кувшинчика.

Взяла завернула в платочек, подала Ивану Царевичу. Иван Царевич ее поблагодарил, сел на золотого мужичка, и золотой мужичок потащил его к табуну, к жеребцам этим. Приносит золотой мужичок, жеребцы все стоят как вкопаны, ни один не шевельнет хвостом, а раньше что бешены бегали – аж страшно подойти было к ним.

Так Иван Царевич погнал их туда к царю. Пригнал к царю, царь увидел, что идут жеребцы как объезжены, ни один не дрыгает хвостом, а не то что ногами. Ну, царь обрадел, сейчас ему в награду дал угощенья со своего стола, чтобы пастуху веселее было жить у его, за такую работу дак. Да, он еще каждый раз награждал его чином. Он теперь сделал вторым лицом после старшего конюха.

Он это кушанье не принял опять, угощенье царское.

– Нате, товарищи, кушайте, а мне своего хватит.

Взял развернул кувшинец, открыл свою музыку по-прежнему, музыка еще лучше. Угощается Иван Царевич, забавляется, пригласил тут конюхов всех.

– Пейте, товарищи, – говорит, – кушайте за здоровье мое.

Ну, и вот, опять услышали служанки танцы да музыку, приходят и говорят ей:

– Вот, царевна, кувшинец, дак еще лучше того, музыка там у конюха.

– Во что бы то ни стало, надо у его купить эту музыку.

Пришла она к нему и спрашивает:

– Ну, вот, товарищ конюх, продай эту музыку.

– Она, – говорит, – не продажна, а заветна.

– А что, – говорит, – за завет?

– А вашего царского тела по пояс посмотреть.

Так вот затем, она, не говоря ни слова, показала. А он взял кувшинец завернул, ей отдал и остался без музыки.

Живет Иван Царевич там опять сколько времени, конюхом теперь не самым старшим, но не так работать заставляют уж. И этому евонному товарищу, с которым он шел, надоть стереть его с лица земли, чтоб его не было тут, и сватать у царя дочь и сделаться вельможей или будущим царем, как у царя никого детей. Он говорит:

– Я видел, у вас есть табун свиней, диких кабанов. Вы бы взяли сделали их смиренными. Наш бы конюх вычистил их как полагается.

А свиньи еще хуже быков и коней, его могут совсем растерзать, на куски, скорее, чем кони.

Царь говорит:

– Да, есть, да ничего ему не сделать с има.

– Да нет, сделает, – говорит.

А сам думает: «Все равно надо его с лица земли стереть».

Царь, наконец, согласился с Царевичем с этим и призвал Ивана Царевича:

– Вот у меня, – говорит, – есть свиньи. Вот ты возмись их пасти и потом их сделать смиренными, чтобы они были смиреннее овец. А ежели не сделаешь, то голова с плеч.

Иван Царевич опять и закручинился. Свиней выпустили, свиньи взяли, хуже этих всех быков и коней, одна другую грызет да землю роют. Иван Царевич боится и близко подойти, а не то что их гнать, да обучать, да чистить. Опять и сел на клочок, задумался и вспомнил про золотого этого мужичка:

– Где-то был друг, – говорит, – золотой мужичок, за которого я хожу, странствую и мучусь по белому свету.

В это время как тут явился золотой мужичок к ему на помощь, на выручку.

– Ну, Иван Царевич, я, – говорит, – как тут есть перед тобой. Садись на меня, на золотого мужичка, запирай глаза.

Сел Иван Царевич и понес его золотой мужичок к третьей сестры. Приносит его к сестре там младшей и говорит:

– Вот что, сестра, этого гостя умеи принять и умеи угощать, он меня от смерти избавил.

Сестра приняла Ивана Царевича там, напоила, накормила, повалила спать. А тем временем золотой мужичок собрал этих свиней всех, обиходил, вычистил, сделал смиреннее еще овец.

Поутру является золотой мужичок к сестре. А сестра Ивану Царевичу дает подарок – кувшинец девятигорлый, еще в три раза лучше первого.

– И вот, – говорит, – придешь, повернешь этот кувшинец, и там такие музыки, что на всем свете нет, и танцоры, и угощенье и все. И вот, – говорит, – придет царевна, у тебя станет его покупать, этот кувшинец, ну, и ты ей говори: «Не продажный, а заветный». А она спросит: «Что за завет?» А ты ей отвечай: «В ваших покоях ночь проспять».

Завернула этот кувшинец в платок и отдала Ивану Царевичу. Иван Царевич сел на золотого мужичка, запер глаза, тот его притащил к табуну к свиньям. Иван Царевич нагнал их.

– Вот, возьми, Иван Царевич, – золотой мужичок говорит, – возьми, гони их на царский двор.

Погнал Иван Царевич, свиньи пошли одна за другой, как веревочкой выют, ни одна в сторону не бросится. Пригнал царю туда, царь встречает опять Ивана Царевича. А тот думал на самом деле, опять свиньи его растерзают. Остался живой Иван Царевич.

Царь опять дал угощение этому пастуху, кушанья со своего стола велел подать и дал чин старшего конюха, заведующего по всем конюшням.

Вот скорее сказать, он это кушанье принял, отдал другим конюхам. Этот кувшинец открыл – и опять подняла кутерьма, лучше, чем раньше была. Опять служанки услышали, что конюх этот живет хорошо, что така музыка там у конюхов на конном дворе или там в отдельной комнате, уж не с лошадям вместе. Приходя, докладывают царевне служанки, что так и так, такое веселье у пастуха много лучше того, что в тех кувшинчиках было.

Царевна пришла потом сама слушать этого кувшинчика. И спрашивает:

– Ну что, конюх, продаешь кувшинец?

– Нет, – говорит, – не продажный, а заветный.

– А что, – говорит, – за завет?

– На ваших царских покоях, – говорит, – ночь проспать.

– Ну, нет, – говорит, – ты бери деньги, нам туда тебя не надоть такого, пахнет худым воздухом.

– А куда мне-ка с деньгами, мне – говорит, – денег не надоть, я и так сытый, пьяный живу.

В конце концов, она согласилась, все-таки ей надоть принять в покои его, кувшин взять надоть.

Он взял этот кувшинец, отдал ей, пришел на царские покои, выправил первые кувшинцы, которые даны были ей, не играли. Направил музыку со

всех кувшинцев. Играет тут, ли с царевной поугощались. Он повалился тут потом спать на царице покои. Уснул крепким богатырским сном. А у этой рубашки-то у него, у материной, загнулся ворот, так что подописка стала видна, у матери что было написано, кто он есть и откуда из-за чего ходит, странствует. Царевна подошла к нему и нечаянно увидела эту надпись.

– Что за надпись?

Заинтересовалась и прочла, что написано на рубашке. Вот прочитала всю эту рубашку расписную и себе на ус взяла и намотала. А он спит преспокойно, ничего не слышит.

Вот там долго ли, коротко ли спал, потом пробудился. А она не спит, ходит. Он проснулся, увидел, где спит и думает: «Надо скорее уходить прочь». А она ему говорит:

– Вы будете не проводник этого, который у нас себя выдает за Ивана Царевича. Вы сами и есть Иван Царевич, а он ваш проводник.

– А как же вы могли узнать, что я Иван Царевич, а он мой проводник?

– Так что вот, – говорит, – у вас на вашей рубашке написано, кто вы такой и из-за чего вы пошли путешествовать, странствовать. И эта рубашка написана, – говорит, – вашей мамой. Вот ты не холуй, – говорит, – а Иван Царевич, и нужно доложить папы, как ты из Ивана Царевича холуем, холопом назвался.

Ну, конечно, он не стал скрывать, рассказал все как следует: из колодца пили воду, и этот его не вытянул.

– Велел мне, – говорит, – снять мою одежду, а мне-ка одеть евонную и назвать, – говорит, – его Иваном Царевичем, а мне-ка взять евонное, сказать, что я проводник евонный.

Ну, и вот он ей рассказал и потом сам ушел на конный двор туда, где жил.

Она потом доложила папаше своему. Говорит, что «не этот Иван Царевич, который находится в палатах тут, а Иван Царевич тот у вас, который быков пас, да коней, да свиней».

Ну, вот царь призывает того и другого. Царь призвал и спрашивать начал у их. Тот, как старше этот был, данный ему в товарищи, говорит:

– Нет, я – Иван Царевич, а он холуй мой.

Иван Царевич взял снял свою тельну рубашку, которая у матери была расписана, и показал царю.

Царь поверил у конюха Ивана Царевича, а этого Ивана Царевича взяли заключили в тюрьму.

И вот потом, в конце концов, царь приказал его казнить, этого холуя, что зачем сделал неправильно. Ну, а за Ивана Царевича выдал дочь. Потом написали отцу, откуда он был, Иван Царевич, чтобы отец приехал на свадьбу с матерью. И сыграли пир на весь мир. И этот Иван Царевич женился и до сей поры живет там счастливо. Сказка вся, больше врать нельзя.

Сказка вся, больше врать нельзя.

КЛЕВИН НИКИФОР ДМИТРИЕВИЧ

(Запись И. Колесницкой и М. Шнеерсон)

ВАВИЛОНСКОЕ ЦАРСТВО

В некотором царстве, в некотором государстве, именно в том, в котором мы живем, жил-был царь, и царь сдумал клич кликать.

– Кто найдется такой человек, чтобы сходил посмотрел Вавилон-город, есть ли там, кто жив человек или нет, и принесли бы оттуль корону.

Всех царь в своем царстве обошел, никого не мог найти. Вдруг называется солдатик Барсуков.

– Я с тем, – говорит, – схожу, ваше императорское величество, дать мне кораб, и матросов, и капитана под мое распоряжение, три сороковки пороху и восковые руки.

Пала благополучная погода и пошли. Шли сутки, неделю, месяц, второй, приходят к вавилонской пристани, бросают якорь, забирают паруса. Барсуков говорит капитану:

– Спускайте шлюпку, вывозите меня на берег. Если я не вернусь, через три недели, то уходите отсель прочь. Если на вас прилетит какое-нибудь несчастье, зажигайте сороковку пороху.

Отвезли Барсукова на вавилонскую пристань, перекрестился, пошел. Зашел в город, идет по улице, идет по второй. Где-то здание разорено, где пол-домов стоят. Прошел, может, он улиц пятнадцать, нигде никого нет. Стоит церковь, вся в целости. Подходит к церкви, мертвых змеев лежит по колению, захватился за ручку двери, мертвой змей кругом тяне. Он перекрестился и зашел в церковь. Везде в церкви змеи, за одним престолом нет. Взял царскую корону и пошел обратно. Вышел на улицу, идет по улице, стоит целый дом, из этого дому выскакивает ни женщина, ни полженщины и говорит:

– Что вы, Барсуков, ходите, а ко мне не приворотите?

– Сейчас, сейчас, иду, – говорит.

– Вот, Барсуков, мне тебя угощать нечем. А не угодно ли в шашки сыграть?

Сели, сыграли доску, втору, третью. Он ее обыграл, она его обыграла. Потом Барсуков взял в ум, что такое она сказала, кто пешку на пол сронит, с полу не поднимать.

Он моментально с угла спихнул шашку и быстро схватил с полу. Она сидит на змеиных хоботах и змеев оживляет. Видит Барсуков, что попал в худые гости. Поиграл еще немного.

– Мне, – говорит, – надо домой идти.

– Поиграйте, ничего, – говорит, – успеете.

И она стала ногами поскорее шевелить, а он замечает.

– Я, – говорит, – справиться хочу,

– Я тебя не спущу, – говорит, – валяй в угол.

– У нас так на Руси, – говорит, – при женщине не балуют. Вот что, сударыня, – говорит, – отпустите меня за окно, я вам подам руки, будете меня держать.

Она согласилась. Вышел Барсуков за окно, вынул из кармана восковые руки:

– Держите, – говорит.

А сам побежал, колько есть мочи по улице. Она держала, держала, устала держать и говорит:

– Что же, Барсуков, долго-то?

Ответу нету. Поддержала еще недолго. Говорит:

– Что же, Барсуков, долго-то?

Ответу нет. Дернула за руки, увидала, что восковые руки.

– Ну, подлец, – говорит, – не уйдешь, под белый камень не скроешься.

Сейчас справив кучу змеев, с визгом, с криком, с ревом и наказала:

– Его пожрите, а нет, кораб рушите.

Камыш-трава была выше головы. Овернулся Барсуков, видит вдали летит куча змеев. Свалился в камыш-траву и лежит. Туча змеев пролетела мимо его. Пролежал недолго, ответа нет никакого, обратно встал и побежал вперед опять. Когда туча змеев прилетела на кораб, там зажгли сороковку порошу и до одного всех сожгли. Ждала эта мадам, ответа нет никакого и говорит:

– Нет, подлец, не уйдешь; под белый камень не скроисся.

В два раза справила большую тучу змеев. И так же опять наказала:

– Его пожрите, если его найти не можете, то кораб похитите.

Овернулся Барсуков, опять туча змеев летит. Свалился в камыш и лежит. Пролетела туча змеев с визгом, с криком и опять на кораб. Опять там зажгли бочку порошу, опять до одного всех обожгли. Она подождала, ответу нет. Из-за всего города взяла змеев и последнего взяла от церкви. И такой же опять наказ дала:

– Его пожрите, не пожрите, кораб разрушите.

Третий раз туча пролетела мимо его на кораб. Зажгли третью сороковку порошу, последнюю. Капитан говорит:

– Больше у нас обороны нет никакой. Если на нас налетит какая-нибудь невзгода, нам оборониться больше нечем. Приказал:

– Катай якорь, поднимай паруса, и пойдём в свое государство.

Прибежал Барсуков на вавилонскую пристань, корабля уже нет, парус как мушинка вьется, видно. Повопел, повопел, а делать нечего, хлеба, что в брюхе, платья, что на себе. И справился по чистому полю в лес. Дичи ему в лесу было, дикого винограду, хоть опухни, ешь. Шел неделю, шел месяц, шел год. В одно прекрасное утро выходит в чистое поле, в этом поле стоит преогромный большущий дом. Сел на камешок и подумал:

– Кто это живет? Царь ли живет или опять така же нечиста сила? Две смерти не будет, одной не миновать, надо сходить попытать.

Зашел в дом, прошел по залам, везде, нигде никого нет. И стал прибирать себе место. И свалился под печку, где не видно будет. Вдруг идут

по улице – дом шевелится. Пришли в сени – с угла на угол качается, только двери открыли, говорят.

– Фу, фу, фу, Барсуков, подлец, сестру обидел. Злой смерти предаю.

Пришел мужчина. Барсуков потянулся, говорит:

– Такой, сякой, не убивай. Раб и слуга до смерти буду.

Мужчина легче, легче и обошелся.

– Ну, – теперь Барсуков говорит, – я пришел с дороги, надо б покушать и выпить.

– Поди сходи, – говорит, – в заднюю, принеси мою сороковку вина, мне ушатне ведро, себе умеренный стакан.

– Что же, – говорит, – мне одного твоего ушатня ведра не принести, не то что сороковку вина.

– Эй, – говорит.

Сейчас старик вскочил, прибегает, берет сороковку вина, ушатне ведро, в руки чайный стакан и наливает. Наливает себе ушатне ведро, Барсукову умеренный чайный стакан и выпивает все. Вот упились порядочно и разговорились. Он, оказывается, этот старик был борец, выезжал на поединок с врагами.

– Вот что, Барсуков, никто меня не победил на свете, – говорит, – одна беда – правым главой плохо вижу.

Барсуков и говорит:

– Я вылечу, только с тем, чтобы тебя связать, а то больно будет, ты разорвешь меня в куски.

А у этого старика был полный двор коз.

– У меня, – говорит, – есть трои сыромятные гужи, и к стене прикована железная кровать.

Повалился старик на кровать, завязал Барсуков сыромятными гужами, и этот старик закрыл двери крепко-накрепко, все ворота, когда он стал вязать.

Когда завязал, Барсуков ему и говорит:

– Потянись, выстоят ли твои гужи?

Старик и потянулся, гужи в куски разлетелись.

– Нет, не займусь, – говорит, – больно будет, ты меня в куски разорвешь.

– Другие двое там, – говорит, – есть, лучше вяжи двумя.

Взял завязал и говорит, что «потянись опять».

Потянулся, сорвать не мог. Пошел Барсуков по комнатам, нашел кусок свинцу, нашел таку, значит, леечку, разогрел свинец, приходит к старику больному и говорит:

– Открой-ко левый глаз, который у тебя здоровый, смотри, как я буду лечить.

Когда старик открыл, он тогда горячего свинцу в левый глаз ему и налил. Старик закричал, с боли порвал все гужи. Теперь стал на обои глаза не видеть ничего. Барсуков выбежал на двор, к которой козы не подбежит, кажна коза кричит:

– Дедушка, держи, держи!

Старик устал. Бегал, бегал, к которой козы подбежит, тут уж нет, он перебежат к другой. Разгорячился старик и начинает коз через забор кидать всех. Видит Барсуков, что беда, коз остается мало. «Выкидат всех и захватит меня». Видит, большой шерстной козленок. Он свалился ему под брюхо и схватился за шерсть крепко. Козленок кричит:

– Дедушка, держу, держу, держу.

Разгорячился старик, подбегает к этому козленку и перебросил через забор с Барсуковым. Барсукову тошно было, горько, да делать нечего. Стал, почувствовался и говорит:

– Крива собака, я здесь.

Ну, Барсуков, умел как сделать.

– Вот что, Барсуков, пойдешь к царю, снеси ему ножичек подарком от меня.

– Что, крива собака выдумываешь? Возьму и унесу, только отойди, – говорит, – на сто метров.

Старик воткнул в столб ножичек, сам отошел на сто метров. Пришел Барсуков к ножичку, любовался: что золота, что драгоценных камней в этом ножичке! Взять никак не смет рукамы. Видит, что ножик волшебный. Попробовал, захватил одним мизинцем, ножик закричал:

– Дедушка, держу, держу.

Барсуков видит – беда, старик бежит, а никак отцепиться нельзя руки. Спомнил, что у себя не поясу есть нож, взял отрезал полмизинца и говорит:

– На, крива собака, тем и корыстуйся.

Опять сам пошел дальше.

– Ну, – говорит, с той беды сбыл.

Опять шел неделю, месяц, год, может, два, три года, опять выходит в чисто поле. В этом чистом поле стоит еще лучше, большой дом, сел, подумал: «Хто, царь живет, богатырь ли живет, али опять така же неверна сила? Две смерти не будет, одной не миновать, надо сходить попытать».

Зашел в дом, пошел по комнатам, везде чисто, убранство превосходное. На столе кушаний всяких. Поел, попил и стал искать себе места, где укрыться. Опять свалился под печку и лежит. Идут по улице – дом шевелится. Пришли в сени – с угла в угол, открывают двери и кричит:

– Фу, фу, фу, Барсуков,, подлец, сестру обидел, брата разорил, злой смерти предаю.

Пришла женщина, Барсуков стал просить прошенья.

— Такая, сякая, – говорит, – раб и слуга до смерти.

– Ты говорил брату, что раб и слуга до смерти буду.

Женщина тише; тише и обошлась. Барсуков живет год, два, хозяйничат, куда угодно. Женщина в его уверилась, и они стали жить как муж и жена. Она сделалась в положении и родила сына. Куда ни поедет – его оставляют сына нянчить. В одно прекрасно утро кто-то приезжает, на поединок вызывает ее.

– Вот, Барсуков, – говорит, – поеду теперь на два, на три года.

А раньше он у ей спросил еще:

– Можно ли отсель как в Москву попасть?

– Ага, ты уж за Москву заповедывал? – говорит.

– Что ты, у вас здесь лучше царство.

– Да, – говорит, – можно, только есть у меня в саду двенадцать деревьев, из этих двенадцати деревьев только три дерева идут стрет течения.

Когда она уехала, он взял топор и пошел в сад. Срубил девять дерев, ни одно стрет воды не идет. Только остается три.

– Если три, – говорит, – не пойдут, то пропал я навеки.

Три дерева спустил стрет воды, те пошли, и он связал взял плот. И когда он своего сына нянчил, так сын схватит его за бороду, за волосы, так отец караул закричал. Он и говорит:

– Родился, – говорит, – не в отца подлеца, а в мать дуру.

Ну, связал плот, прибежал, значит, в помещение, забрал свои вещи и побежал в сад. Прибежал, сел на плот и поплыл. А она в то время что-то забыла и вернулась домой. Прибежала, ребенок вопит, Барсукова нет. Схватила ребенка на руки, побежала в сад. Прибежала в сад, только чуть на плоту видно, как мужчинка Барсуков плывет. Взяла ребенка за ноги, разорвала его напополам и бросила.

– На вот, тебе часть и мне часть.

Половина ребенка перелетела через плот и только одна капля крови пала на плот. И плот пошел под воду. Он заметил, в котором месте капля крови пала, взял ножичком счистил и очудился поверх воды. Приплыл он на материк, повалился отдыхать. Поотдохнул сутки времени и пошел дальше. В один прекрасный день приходит к большущей горы. На этой горы крык, он вставал три дня и три ночи на эту гору. Когда он там поднялся – увидел, там деретсе лев-зверь и змея. Змея берет, растянет льва, только не может перервать одной жилки. И лев-зверь то же само – не может перервать одной жилки. Когда лев-зверь растянул яд-змею и говорит:

– Барсуков, пособи мне змею победить, я тебя в Москву свезу.

Когда лев-зверь растянул яд-змею, он подошел, чиркнул ножичком, и змея побежена.

– Ну, теперь, – говорит, – Барсуков, меня карауль. Я буду спать двенадцать ночей и двенадцать дней беспробудно.

Прошло двенадцать дней, двенадцать ночей, пробудился лев и говорит:

– Ты, Барсуков, здесь?

– Здесь, – говорит.

– Садись на меня, только с уговором, приедешь в Москву, не говори, что ты ехал на мне, на льве-звере.

Сел Барсуков и поехал на льве-звере.

– Обожди, – говорит, – у меня шапка спала

Не ворочаться стать, пятьсот верст позади.

– Москву видишь? – говорит.

– Вижу.

– Попадешь?

– Попаду, – говорит.

Приходит, как в Ленинград, к Зимнему дворцу, скажем, бывшему, кругом часовые, конвой.

– Доложите, что Барсуков пришел.

Там взяли его на смех.

– Какой черт Барсуков, как тридцать лет его нет?!

Гонят его в три шеи. Он то же пытается говорить.

– Доложите, что Барсуков пришел.

Раз с царской короной пришел, надоть принять.

Вот выходит царь, Барсуков говорит:

– Вот, ваше императорское величество, я вам принес царскую корону.

Ну, царь тогда обрадовался и приказал сделать пир на весь мир. Тут же и Барсуков был. Все на пиру говорят, хвастают: тот тем хвастает, другой другим, третий третьим, а Барсуков все молчит. Приходит к Барсукову царь и говорит:

– Почему ты; Барсуков, молчишь? Тридцать лет твое путешествие, ты должен много хорошего сказать.

– Я ничего не знаю.

– Говори, а то голова с плеч! Как ты шел, как попадал, на чем сюда приехал?

– Я приехал, – говорит, – на льве-звере.

А лев-зверь в маленькой избушке позадь города, стал ее кверху корнем становить, потому что был уговор не говорить. Дошла до царя весть на пир, что какой-то лев-зверь сзади города маленькую избу вверх перевертывает.

– Нет никого виноватого па этом пиру?

Всех обошел – никого не нашли виноватого. Пришел царь к Барсукову.

– Не виноват ли ты в сем?

– Виноват в том, – говорит, – что сказал, что ехал я на льве-звере.

– Ну это ничего, – говорит, – бери две пары лошадей и две сороковки вина и поезжай ко льву-зверю.

Он спросил:

– Почему ты сказал?

– Не я сказал, а хмель во мне.

– Какой черт, скажет, хмель?

– Ты открой пробку у сороковки. Поди, посмотри сюда, в сороковку.

Когда пришел лев к сороковке и наклонился, и увидел там призрак второго льва-зверя в этой сороковке, и давай ее пить. Обсушил ее всю до основания, нет там его.

– Посмотри в другу сороковку.

Он перешел. Пришел лев ко второй, начал пить. Две сороковки выпил, опьянел и пал. Барсуков взял, сковал ему цепями ноги и стал дожидаться, скоро ли проспится лев-зверь. Когда проснулся лев-зверь и видит, что он закован я говорит:

– Ты, Барсуков, заковал меня? Развяжи, – говорит, – во всем прощаю.

НАПЛОТ-МОЛОДЕЦ

Жил-был старик и старуха. У этого старика и старухи был сын. Стали старики советовать, к какому ремеслу его приучить. «Надо хотя приучить его к сапожной мастерской, чтобы он мог шить обувь». Первой раз купили ему на пять рублей кожи. Он все в кусочки разрезал и за окно выбросил. Второй раз купили на десять рублей, он то же самое сделал. Третий раз на пятнадцать купили, он тоже разрезал, за окошко выбросил. Видят они, что пользы мало от сына. Сделали плот, привязали его к плоту и сплывили по течению в море.

Вынесло его на море. У него был нож, веревки перерезал и очутился в воде. Вдали виден парус, плывет корабль. Он к кораблю ближе, корабль к нему ближе. Плыл, плыл к самому кораблю, захватился за борт.

– Не будет ли места, – говорит, – для меня на корабле?

Доложили капитану. Выходит капитан:

– Где ж твое место? – спрашивает.

— Мое место у грот-мачты.

– Ну, заходите, – говорит.

Зашел, сел к мачты. Накормили, напоили его, и он сидит. А на этом корабле плывет Иван Царевич в другое государство жениться на королеве. Прошла ночь, выходит Иван Царевич утром и говорит:

– Фу, какая тишь, да гладь, божья благодать. Был бы меч – стал бы сечь, был бы добрый конь — гулять съездил. Была бы красна девица – ночь проспал.

А Наплот-молодец и говорит:

– Будет меч – некому сечь, будет добрый конь – некому гулять съездить. Будет красная девица, да не с кем спать.

Приказал капитан:

– Возьмите его, ребята, пять человек, бросьте к черту за борт.

Подошли пять человек – не могли пошевелить. Пущай останется, черт с ним.

Опять на второе утро выходит Иван Царевич, то же самое и говорит:

– Фа, кака тишь, да гладь, да божья благодать. Был бы меч – стал бы сечь, был доброй конь – гулять съездил, была бы красна девица – ночь проспал.

А Наплот-молодец и говорит:

– Будет меч – некому сечь, будет конь – некому гулять съездить, будет красна девица – да не с кем спать.

Приказал капитан.

– Возьмите, ребята, десять человек его, бросьте его за борт!

Ноги шевельнуть не могли.

Также на третье утро, таким же прибытом пятнадцать человек взяли, за борт бросить не могли.

– Черт с им, пущай останется на корабле.

Выходит царьской сын из каюты и говорит:

– Побратаемся. Будь ты мне младшим братом.

– Ну, скажите вы мне, куда вы едете?

– Еду в тако-то государство жениться на Анне Прекрасной.

– Ладно, – говорит, – я знаю, только не видать тебе жены, что своих ушей будет. Пострадало от ей человек двадцать, а то, может быть, и более. Ну, не кручинься, все будет в порядке, все сделаем. Я тебе помогу.

Пришли в тако-то государство, значит. Пришли царю сосватали невесту. Честным пирком и за свадебку. Вот пировали ночь, нужно молодым идти на покой. Когда пошли, Наплот-молодец и говорит Ивану Царевичу:

– Вот что, брат, – говорит, – ты повалишься с ей спать, она выкинет на тебя руку, ты чуть только от ей всдыхать сможешь. А ноги не давай ей накинуть. Когда руку накинет, ты тогда ей взмолишь и скажи: “Анна царевна отпустить меня в уборку”. Ты тогда останешься на коридоре, а пойду я с ей спать.

По сказанному, как по писанному. Выходит Иван царевич, остается на колицоре, отправляется Наплот-молодец в спальню. Оне были обои одинаковы на личность. Пришел как ничуть не бывало, ложиться с ей спать. Она накинула на его руку. Он как махнет ейную руку в стены – чуть в стены кулак не влип. Она накинула ногу и таким же побытом нога отлетела тоже в стену. Полежал немного и говорит:

– Пойти, сходить в уборную.

Приходит в коридор и говорит:

– Иван Царевич, иди, больше этого не будет.

А сам не предупредил, что не говори, что «был не я, а Наплот-царевич».

Когда пришел, лег, она и говорит:

– Что ты, Иван Царевич, такой горячий пришел? Смотри – кулак своротил, ногу ушиб!

– Что ты, что ты, – говорит, – ничего этого не было, я ничего не делал.

– А кто же был это?

– Это, – говорит, – мой младший брат, Наплот-молодец.

– Ага, хорошо, – говорит, – завтра с ним поведеаюсь.

Пришло утро, Иван Царевич ничего не сказал Наплоту-молодцу. Утром вызывает Анна царевна Наплота-молодца прокатиться по городу. А Наплот-молодец ничего про это дело не знат, что сказал Иван Царевич про него. Безо всякой задней мысли садятся в экипаж, поехали. А она в то время поезжала, взяла под платье саблю, так что ему незаметно. Прокатилась по улицы, по второй по городу. Приказала кучеру воротить вправо, выезжать за город.

Выехали за город далеконько, выхватила из-под юбки саблю, отрубила ему по колен ноги. Приказала кучеру вывалить прочь его из экипажа. Сама вернулась обратно в город. Он остался стонуть, реветь. Приехала домой, Ивана Царевича заставила коз пасти.

А Наплот-молодец стонул, ревел целые сутки. Вдруг на этот крик приходит мужчина слепой.

– Чего ты, – говорит, – здесь кричишь и стонешь?

– А как мне не стонуть, – говорит, – когда у меня по колен отрубили ноги?

– Забирай свои ноги, – говорит, – с собой и садись на меня! В каком направлении есть изба – правь, командуй мной, и я привезу тебя к этой избе. Там у нас есть третий компаньон еще безрукий.

Вот пришли к избы и сидят, разговаривают:

– В таком-то государстве сделал царь клич: сидит царевна за двенадцатью венцами; кто прыгнет туда, достанет, за того замуж отдают.

Вот слепой и говорит:

– Что, ребята, не поедem туда-ка мы?

– Но, на ком поехать? – говорят, – коня у нас нет.

– За коня отвечать буду я, – говорит слепой. – А седоком будет Наплот-молодец. Как только я скоцую, бери царевну к нам наверх и унесем ее сюда, будет нам наместо хозяйки.

Сели и поехали – только пыль столбом летит. Приезжают в город – там царей, богатырей, витязей и тому подобное – города больше. Подъезжают к толпе, Наплот-молодец и кричит:

– Давай дорогу!

Овернулись все, рассмеялись:

– На слепом безногой едет – не давай дороги.

Рассердился Наплот-молодец, вынял плетку, ожег публику. Вдруг раздался, разбежался слепой, скоцил за двенадцать венцев, схватил царевну, и понесли. Имай хоть так, имай хоть так – и след простыл. Принесли в свою избушку и стали жить и поживать. Царевна стала им за хозяйку убираться.

В один прекрасный день стали замечать, что царевна заводится хуже и хуже. Стали промеж себя толковать, драться безногой, безрукой и слепой. Стали спрашивать у Настасьи-царевны:

– Чего ты заводишься хуже и хуже, или скучаешь по дому?

– Нет, я по дому не скучаю. Ко мне каждую ночь прилетат лесная ведьма, заставляет искать в головы, а сама сосет мою грудь.

– Ну, ладно, не печалься, это мы все устроим.

Она только не боялась одного слепого, что он не видит ничего, эта ведьма.

– Вот как ты, слепой, тебя не боится, ты оставайся в комнаты.

А Наплот-молодец выбирается из дому за окошко. А безрукий повалился спать. Вот Наплот-молодец и говорит слепому:

– Когда она прилетит, заставит в головы искать и будет сосать грудь, в то же время она уснет. Ты аккуратно через окошко подай ейны косы, а я ее удержу. Тогда мы с ей расправимся.

По сказанному, по писанному так и сделали. Выходит Наплот-молодец за окошко и садится там, слепой ходит по комнаты, безрукий спит. Вдруг в полночь прилетат ведьма:

– Ищи в головы и давай вашу грудь.

Царевна ищет в головы, достает грудь. Сосет, значит. И ведьма крепко уснула. Тут слепой подал за окошко косы Наплоту-молодцу и в то же время крикнул:

– Держи, брат!

Тут соскоцил безрукой и сел на ведьму. Ну, в то время, пока безногий держал, подошел слепой, по-настоящему захватил за косы ведьму, пришел Наплот-молодец и начал эту ведьму драть железными прутьями.

– Что вам от меня надоть, то и сделаю. Только отпустите меня на волю.

Когда запоезжали, взяли убили маленьку птичку и сели все трое на ее, она понесла, и помахали. Несла, несла, спустила к озеру и говорит:

– Тут птичку мертву спустили.

Но птичка ничуть не пошевелилась.

– Врешь, ведьма! – давай ее опять драть.

– Садитесь, донесу сейчас.

Летела, летела и спустились опять.

– Тут, – говорит.

Спустили птичку, птичка спорхнулась, полетела. Наплот-молодец и говорит слепому:

– Пойдем, товарищ, мои глаза мертвой водой, потом живой вспырнем, а я буду держать ведьму.

Помыл мертвой водой, спрыснул живой, съел молодое яблоко и сделался прекрасный молодец. Ну, пришел опять и говорит:

– Теперь подьте, обои лечитесь, я один с ей справлюсь.

Мертвой водой один руки, другой ноги мыл. Ноги прирослись, живой спрыснул, сделали<сь> живые. По молодому яблоку съели – сделались прекрасные молодцы. Садятся на ведьму и говорят:

– Неси нас обратно, где жили.

Когда принесла их обратно ведьма к царевны, они взяли разложили костер и сожгли эту ведьму на огне, а золу раскидали но воздуху. Теперь говорят:

– Кому остаться с Настасьей Царевною, а кому куда идти?

Наплот-молодец говорит:

– Я пойду за свои долги рассчитываться!

Безрукий говорит то же самое.

Ну, а слепой говорит:

— Ну, а мне жениться оает, значит, на Настасье Царевне.

Вот и пошел Наплот-молодец, где пасет Иван Царевич коз. Приходит, у Ивана Царевича шапка чугуна одета, и глаз не видать, и головы поднять не может. Обошел кругом стада, встречается Ивану Царевичу навстречу и говорит:

– Бог помощь, Иван Царевич, что ты такой чудак? Разве Иваны Царевичи коз пасут?

И прошел мимо. Обошел кругом стада, опять встречается с Иваном Царевичем:

– Бог помощь, Иван Царевич, что за такая невежа заставила Ивана Царевича коз пасти?

Третий раз обошел, то же само говорит:

– Наплот-молодец, ты? – говорит.

– Да, – говорит, – я. – Признался, наконец.

– Снимай свою пастушную одежду, я погоню свиной², а ты одевайся в мою.

– Что ты, – говорит, – пригонишь сполна свиной, затопят баню, распарят тебя насмерть!

– Не беспокойся. Снимай одежду, я приказываю. Одевай мою, ступай, сзади я погоню.

Пригоняет в полдень свиной домой, свиной ни одна не идут в ворота, всех переимал, только осталось двадцать десятков живых. Побежала няня с водоносом за водой.

– Постой, – говорит, – Анна Царевна надает тебе.

Он и той пинка дал, сразу за речку пролетела.

Приказала топить баню, а он на пастушьё место забрался на нары (там нары были) и слушат. Есть не дают ничего, лежит голодом.

Баня стопилась, приходит Анна Царевна.

– Ступай в баню.

– Сейчас иду, поди сама-то.

Второй раз приходит:

– Ступай в баню.

– Иди, иди, я-то иду, – говорит.

Она ушла, он встал, пошел в баню. Она в бани.

– Раздевайся! – приказывает она ему.

– Раздевайся, раздевайся, уж я-то разденусь, – говорит.

Она только разделась, он схватил железный прут и начал ее драть. Бьет, приговаривает:

– Умей Ивана Царевича почитать, да умей у Наплота-молодца и ноги сечь!

² В тексте ранее Иван-царевич пасет коз (А. Л.).

И потом она смолилась ему:

– Отпусти, – говорит, – буду Ивану Царевичу ноги мыть и воду пить.

Больше никаких проказ навеку делать не буду.

С того времени стали жить-поживать и добра наживать. И лучше Анны Царевны во всем свете не было.

ВАСИЛИССА ПРЕМУДРАЯ

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был купец. У этого купца не было никого детей. И он плыл на своем корабле за границу. И в один прекрасный день плывет по морю, попутный ветер несет хорошо, вдруг корабль остановился. Не зная, почему. Бинки никакой нет, ничего, не зная, почему корабль не идет. Вдруг из моря выходит царь морской и говорит:

– Цего, купец, дома не знаешь, отдаешь – пойдёт корабль, не отдашь – не пойдёт.

Думал-подумал.

– Все я знаю по хозяйству. Жена есть, детей никого нет.

А сам не знал, что жена осталась в положении.

– Отдам, – говорит.

Только сказал, что отдам, корабль полетел, что стрела. Приплывает домой, встречает жена и маленький мальчик. Спрашивает жену:

– Чей это мальчик?

Жена отвечает, что «это наш сын».

Когда сказала, что наш сын, сильно он опечалился, подумал, что, значит, царю морскому посулил сына. И не говорит ничего с женой. Жена его заметила, что сильно суровый стал.

– Чего, – говорит, – ты такой невеселый? Скажи, об чем печалишься.

– Вот так и так. Пошел я по морю, остановился. Корабль среди моря выходит. Из моря царь морской и говорит: «Чего не знаешь – отдашь, пойдёт корабль». Я не знал, что ты осталась в положении и посулил сына.

Мальчик бегал по улице, спускал стрелу и спустил бабушке-задворенке в окно, и сломал стекло. Бабушка и говорит:

– О, ты, посулешь.

Мальчик прибежал домой и говорит:

– Тятенька и маменька, кому меня посулили ли, я туда пойду.

Жалко было расставаться с сыном, но пришлось. Напекли подорожников, и он отправился в сине море. Идет в синее море, вдруг плывет двенадцать лебедей. Эти двенадцать лебедей выходят на берег, махнули крыльями по берегу, сделались двенадцать красных девиц, раздевши платья и начинают купаться. Он подкрался из-за кустика, взял у одной девицы белье. Покупались девицы, взяли оделись, овернулись в лебедей и улетели. А двенадцатая ищет своего белья и говорит:

– Если старый старичок – будь мне батюшкой, если старая старушка – будь мне матушкой, если молодой молодец – будь мне суженым.

Тут он из-за кустика вышел, отдал белье. Настасья Премудрая и говорит:

– Ой, Иван – купеческий сын, давно дожидат наш батюшка. Ну, пойдём к морю.

Щелкнула по морю железной тросточкой, сделалась железная дорога, и спустились в глубину моря. Приходят в сине море, ко своему отцу Настасья Премудрая, накормила, напоила Ивана купеческого сына и спать уложила,

– Утро мудро, день добыточен, богу молись да спать ложись, а утром пойдешь к моему отцу на доклад.

Стал утром, попил чайку, показала Настасья Премудрая, где дворец стоит морского царя, он и пошел туда. Приходит, сидит царь морской на троне и говорит:

– Долго Ивана купеческого сына я дожидал, ну, наконец, дождался. Вот, – говорит, – сделайте воздушный хрустальный дворец, чтобы лучше в мире не было.

Пришел Иван купеческий сын, запечалился, к Настасье Премудрой.

– Что запечалился, – говорит, – Иван купеческий сын?

– Дал твой папенька сделать воздушный хрустальный дворец, чтобы лучше его на свете не было.

– Богу молись, – говорит, – да спать ложись.

Только он уснул, она вышла на крыльцо, крикнула по-звериному, крикнула по-змеиному. Набежали слуги.

– Что угодно, Настасья Премудрая?

– Сделать воздушной хрустальной дворец к утру, чтобы лучше на свете не было.

Утром будит его:

– Вставай, Иван купеческий сын, постукивай, только гляди – ничего не сломай.

Приходит царь морской, говорит:

– Сработал, Иван купеческий сын?

Отвечает, что сработал.

– Завтра приходи, другую службу дам. Сделать воздушный хрустальный кораб, чтобы лучше его в мире не было.

Опять запечалился Иван купеческий сын. Пришел к Настасье Премудрой.

– Что запечалился, Иван купеческий сын?

– Да вот, так и так, твой папенька дал воздушный кораб сделать, чтобы к утру был готовый.

– Это не служба, а службишка. Служба будет вся впереди.

Накормила, напоила, спать повалила. Вышла на крыльцо, крикнула по-звериному, свистнула по-змеиному. Слуги набежали:

– Чего угодно, Настасья Премудрая?

– Сделайте воздушный хрустальной кораб, чтобы лучше на свете не было.

Утром будит.

– Встань, постукивай, побрякивай, только ничего не сломай.

Приходит царь морской и говорит:

– Сработал, Иван купеческий сын?

– Сработал, – говорит.

– Завтра приходи, дам третью службу. Стоит за двенадцатью дверями жеребец и на двенадцати цепях, и приведут двенадцать богатырей, и обучить жеребца, объездить.

<Сказка обрывается>.

ПОЙДИ И НЕ БОЙСЯ

Жил-был старичок. У него был сын. Стали его ремеслу учить какому-нибудь. Он никакого ремесла не хотел делать. Пошел воровать, его в арестанску посадили.

– Худо, – говорит, – ремесло это. А пойду, – говорит, – к царю денег просить.

В другой комнате сидит царская дочь и говорит:

– Татенька, пойду я за этого мужичка замуж.

А он ей другое слово говорит:

– В чем пригодилась, в том и ступай.

Сейчас собрались и повенчались недолго, раз, два, и готово дело. Не было у него своего дома, она купила небольшой домик, и стали жить-поживать. Прошла неделя, прошла вторая, она зачинает приниматься за ремесло. Взяла вышила полотенце; утром напоила мужа чаем.

– Сходи на базар, – говорит, – продай это полотенце.

Он пошел на базар, кругом трактира целый день проходил. Этот трактирщик заметил, что мужчина целый день ходит.

– Что, молодец, – говорит, – тебе купить или украсть?

– Не украсть и не купить, а есть вещь продать.

– Покажи, покажи, – говорит, – что берешь? Сто рублей берешь или слово берешь? Первое слово: «Поди и не бойся».

Возвратился домой, жена его не спрашивает, за что продал или как. Ничего не спрашивает. На второе утро наготовила второе полотенце.

– Поди, – говорит, – сходи, продай на рынок опять.

Он кругом этого самого трактира опять целый день ходит. Целовальник выходит и говорит:

– Украсть или купить, человек?

– Не украсть и не купить, есть вещь продать.

– Покажи, покажи, – говорит, – двести рублей берёшь или слово берёшь? Второе слово: «Суди и не обсуди».

Пришел домой, жена отчету не спрашивает. Поели и легли спать. На третье утро приготовили третье полотенце, опять посылат его продать.

– Сходи, продай на рынок.

Кругом самого трактира опять того же ходит. Целовальник выходит и говорит:

– Что украсть или купить что?

– Не украсть и не купить, есть вещь продать.

– Кажи-ко, кажи, – говорит. – Триста рублей берёшь или слово берёшь?

За слово: «Замахнись, а не ударь, вздыни, а не спусти».

Отошел от трактира и раздумался:

– Что я за дурак, жена нажила семьсот рублей деньги, а я ни копейки не взял.

В то время пришел в тот город флот тридцать кораблей. На этом флоте умер матрос, и было место поступить матросом. Он пришел и заявляет капитану:

— Нет ли места поступить матросом?

Капитан говорит:

– Есть.

Нанялся, пала благополучная поветерь, флот пошел в море. Шел сутки, неделю, месяц, второй, вдруг среди моря стали все корабли. Фордовинь тянет, паруса рвет, корабли не шевелятся ни с места. Вдруг капитан стал отзывать команду.

– Нет ли такого желающего человека, чтобы скочить в море?

Всех обыскал, никто не нашлись, из бывшей команды, новопоступающий говорит:

– Я, – говорит, – скачу, только с тем условием, если вернусь обратно, какой на меня корабль глядит, такой я и возьму.

Капитан говорит:

– Ладно.

Сделали условие, капитан подписался и все матросы. Взял документ в карман, влетел на реленгу и скочил в море. Только скочил в море – корабли до одного все вышли. Вдруг ему подвернулась в море дорога, он по этой дороге пошел. Шел близко ль, далеко, низко ль, высоко, скоро сказка сказывается, тихо дело делается, по-своему справляется, будет завтра после обеда, когда поедим теплого, мягкого хлеба. Вдруг перед ним образовался серебряный дворец. Подошел к этому дворцу, сидят два старичка, выпивают шампанское и промеж себя спорят. Самы спорят и говорят:

– Ладно, царского зятя дождемся, он нам все рассудит.

Он подумал: «Не меня ли это дожидают оне?». Открыл дверь, вдруг старики заплескали в ладоши.

– Ага, – говорят, – три года дожидались, все-таки дождались.

Стали старики, подпернули стул.

– Садись, садись.

Поднесли стакан, другой водки, так что говорить ему было много веселее.

– Вот что, царской зять, рассуди, – говорят, – что на Руси у нас всего дороже: булат-железо или золото?

Он и вспомнил: «Что мне трактирщик сказал: суди, а не обсуди».

Немного подумал и говорит старикам:

– Да, – говорит, – у нас на Руси золото очень дорогое, а при военном действии, – говорит, – булат-железо дороже того.

Старики заплескали в ладони.

– Ха, ха, – говорят, – это правда и есть. Ну, вот мы знаем, что когда скакать заводили в море, то сделан у вас договор, чтобы получать кораб, какой на вас глядит. Но не бери передовых, которы красивы и ходки и все новые, бери самой последний, котора хуже нет и старше. И вот мы даем тебе подарок, шкатулочку, с кем угодно бейся об заклад, только покажи одну шкатулочку. А в шкатулочке не показывай, что там есть.

Отвезли его на железную плиту эти старички. Вдруг видят, идет флот тридцать кораблей. Корабли к нему ближе, он к кораблям ближе, корабли подошли к самой железной плиты, он выскочил на корабли.

– Здравствуйте, вот и я приехал. – Сейчас говорит капитану: – Ну, давай мне кораб, какой на меня глядит.

– Выбирай, какой те надоть.

– Вот мне, – говорит, – самый последний.

– Что ты, – говорит, – за твою услугу такой ли кораб надо, вот впереди новеньки, хорошеньки, ходкие.

– Ну, нет, – говорит, – мне самый задний, и дать мне капитана, матросов, чтобы приплыть домой.

Сейчас пошел флот двадцать девять кораблей, а на тридцатом пошел отдельно царевич. Приплывает в како-то государство, король созывает пир и приглашает моряков на угощение. Пошли на угощение с двадцати девяти кораблей, набирает всяких заморских подарков, понес королю подарок. С одного корабля царевич не знает, что нести. Взял достал подарену шкатулочку, открыл ее, вдруг у него в каюте все раззеяло /рассветилось/, такая редкость.

Взял рассмотрел и увидел, что драгоценные камни. Взял, вынул один камешок и завязал в беленький носовой платочек, и понес. Хорош, значит, подарок. Когда пришли к королю на пир, двадцать девять кораблей, капитан принес целый тюк самых дорогих заморских парчей. А с одного корабля принес царевич носовой беленький платочек и что-то там в нем завернуто. Королю невтерпеж стало.

– Надо сходить посмотреть, что привезли, какие подарки, посмотреть, – говорит, – что с двадцати девяти кораблей принесли. Да, – говорит, – хорошие штуки, а что этот принес беленький носовой платок, разве у меня нет их?

Взял развернул платочек и сам очумел, все в комнате рассияло.

– Фу, какая редкость, – говорит.

Прибежал, взял, где сидят гости, садится сам за стол, сажает один кораб, рядом себя, а у которого двадцать девять сажает рядом, у которого один кораб. Стали есть, пить, веселиться. У которого двадцать девять кораблей, тот и говорит королю:

– Вот что, ваше королевское величество, так мы сейчас подвыпили, и я осмеливаюсь вам сказать: неужели я принес меньше подарков с двадцати девяти кораблей, чем он принес с одного?

– Да, я думаю, что меньше.

– Неужели на двадцати девяти кораблях меньше капитала, чем у его на одном?

– Я этого не знаю.

Царевич говорит, что, «конечно, меньше».

Пошел у их спор.

– Поскольку меньше, – говорит, – то добьемся о заклад, сделаем оценку на кораблях, у которого будет больше. Если у меня на двадцати девяти кораблях будет больше, то я у тебя отбираю кораб обратно, и голова твоя с плеч. А если у тебя на одном корабле будет больше, то я тебе отдаю мои двадцать девять кораблей, и моя голова с плеч.

Подписали договор, король подписался. Король назначил оценщиков оценивать на кораблях, на каких кораблях будет больше суммы. Когда оценщики поехали и говорят:

– Пойдем, оценим на двадцати девяти кораблях, а на одном недолго.

Оценщики оценивали, должно быть, несколько сот миллиардов на двадцати девяти кораблях. А когда поезжали оценщики, тогда царевич дал ключик и написал записку своему штурману: «Достань из ящика такую-то коробочку и покажи, пускай ее оценивают, а в ей не показывай, что есть».

Когда оценщики приехали на один кораб и говорят:

– Ну, этот мы недолго оценим.

Подает штурману записку, штурман прочитал, вскрывает сундук, достават оттуда коробочку, полагают на стол.

– Нате, – говорит, – обценивайте.

Они с того боку поглядят на коробочку, с другого, с третьего, с четвертого, никак цены применить не могут, сколько стоит одна эта коробочка. А в коробочки не знают, что и есть. И не молчи оценить этой коробочки, сколько она стоит, какую сумму. С тем и приехали к королю на обед. Вот и говорят обценщики:

– На двадцати девяти кораблях обценили на столько-то миллиардов сот. Когда приехали на один корабль, нам штурман подал коробочку, положил на стол. Говорит: «обценивайте». Мы не могли ума применить, сколько стоит одна коробочка, а в коробочки не знаем, что и есть.

Тогда король и говорит:

– Вот вы и проиграли двадцать девять кораблей хозяину.

Отобрал царевич двадцать девять кораблей, стало у него тридцать сейчас, но головы рубить не стал, помиловал. Команду матросов взял полностью всех доплыть до своего государства. Пала благополучная поветерь. Пошли в свой порт, к своей жене. И вот, когда поезжал, не знал, что жена осталась в положении. Скоро, скажем, приплывает в свое государство к тестю-батюшку. Приплыли в ночное время и отдал приказ царевич:

– Когда пристанем к стенке, с тридцати кораблей со всех по три выстрела залп.

По-сказанному, как по-писанному, так все исполнено. Приехали к стенке, и вдруг залп с тридцати кораблей три раза. Тесть-батюшка испугался, что вот неприятель пришел, а тут ничто не готово. Подняли такую суматоху, пошла работа самосильно. Приготавливаются к военному действию. Он пошел на берег, отдал приказ: «Утром часов в одиннадцать с тридцати кораблей по моему прибытию чтобы был три раза дан залп, с кем бы то я ни был, и до моего домишку расстелены были самые дорогие парчи, от дому до кораблей.

Время было ночью. Вышел на берег, вдруг идет калека оборванной – рваной. Говорит калеке:

– Снимай свое платье, одевай мое.

– Что ты, доброй человек, смеешься?

– Какой смех? Говорю: снимай, одевай моей и все.

Калека снял свое лохмотье, он снял свое чистое платье. Оделись, распростились и пошли в разные стороны.

Вот пошел он к своей жене. Приходит к двери – дверь закрыта. Горит огонь, окна были не очень высокие. Он постучался в окно тихонько. Прибегает хозяйка к окошку и говорит:

– Кто там?

– Нельзя ли, хозяйюшка, ночевать прохожему?

– Нет, нельзя, – отвечает.

А сама и раздумалась.

– А где-то мой бедный муж, может, также где-нибудь странствует.

– А, дедушка, поди, поди, ночуй.

Пришел в комнату, она скипятила самовар, напоила его чаем, накормила, чем было. Вдруг из другой комнаты несет большую пуховую перину.

– Дедушка, ложись отдыхай.

– Благодарю, я на мягких перинах не привык спать. Вот мне, старику, на печку забраться, потеплее.

А у его под своим лохмотьем имеется шашка. Повалились спать, хозяйка тоже попила, поела, спать повалилась на кровати, а огонь остался гореть полный. Он лежит на печке и думат: «Сама спать повалилась, а огонь нисколько не убавила». И подумал он, что она живет с другим мужем. На печке лежит и не спится. Часы пробили полночь. Вдруг слышит по улице идет две ступни. Хозяйка скочила, открыла дверь, заходит два бравых молодца. А хозяйка повалилась на кровать спать. Поели, попили, убавили огня, ложатся один по ту сторону матери, другой по другу, а он-то не знает, что сынова его.

Вот подренили огонь, старику не спится. Слышит, все уснули. Он спускается с печки, достават из-под лохмотья шашку и замахнулся. Вдруг

вспомнил он слово, что сказал трахтирщик: «замахнись, а не ударь, сдыни, а не спусти». Когда он вспомнил это слово, взял шашку, пихнул обратно в ножни и повалился на печку, заснул крепким сном. Когда проснулся, то у хозяйки уж самовар кипит и все приготовлено: разная закуска, и эти два молодца вставают, умываются и говорят:

– Маменька, с добрым утром.

Он тут себя захватил за бороду: «Неужели таки у меня сыновья?».

Хозяйка говорит:

– Дедушка, вставай, спускайся, иди с нами закусывать, чай кушать.

– Ладно, спасибо, не худо бы попить чаю, подзакушу и пойду.

Сели, пьют и разговаривают. Сыновья и говорят матери:

– Вот, маменька, пришел ночью какой-то неприятель на тридцати кораблях. У дедушки не было ничего готово, вот мы и бегали до полуночи, все приготавливали.

Когда тот разговор кончился, хозяйка и говорит:

– Дедушка, разрешите вас спросить, какой ты, откулешный? Ты вот путешествовал, так не слыхал ли чего про моего мужа, охота узнать.

– Когда я, – говорит, – был юным, было у меня ремесло. Пошел воровать, меня в арестанску посадили. /А хозяйка в глаза глядит/. Отсидел срок, меня выпустили. Мне это ремесло не понравилось, стал искать второе и придумал к царю идти, денег просить. В другой половине сидит царская дочь и говорит: «Папенька, за этого мужичка я пойду замуж». А он говорит: «В чем пригодилась, в том и ступай».

Тут оне один одного узнали, поздоровались, с детьми обнялись. Послал сына позвать тестя-батюшку на привальные. Вот приходит тесть-батюшка, подвыпили, позакусили и пошли на корабли смотреть, с чем пришел зять. В то время парчи расстеляны были от самого дома и до кораблей. Пошли по этим коврам они к кораблям. Только чуть успеют пройти, сзади шпана прибегает, кусок парчи отрежет, в кабак, да в кабак. И пока до кораблей шли, эти все шпана шла да резала. И царю стало жалко.

– Что вы, ребята, нельзя так делать.

А зять отвечает:

– Брось, папаша, на наш век будет.

Только приходят к кораблям, с тридцати кораблей по три выстрела – залпа. Осмотрели все корабли, походили, полюбовались. Сделал царь пир на весь мир, и я там был, вино-пиво пил, по усам текло, а в рот не попало.

ПРИВАЛОВ ЕГОР САФРОНОВИЧ

(Запись Е. Ленсу и Л. Хайкиной)

ПРО НЕСТЕРА

Жил-был Нестер. У него было ребят шестеро, сам седьмой, жена восьма. Жил бедно, одним словом.

Вот и думает, не знает, как семью прокормить. Вот поел к соседу, просить совету:

– Ежели мне пойти воровать?

Вот сосед и говорит:

– Если ты украдешь, будут тебя спрашивать, ты говори одно: “Не брал, конечно”.

Вот пришел домой:

– А, пойду, – говорит, – к помещику воровать, к богатому человеку.

Вот подкрался к нему, к кулаку или там к кладовой, набрал, пришел домой и поживает себе. Вот раз и услышал, что ищут воров. «Ну, что, – думат, – попал я. Попал, не попал, а все-таки я пойду, – говорит, – в тюрьму».

Приходит к нему /богачу/ и поддается на ночь. Тот пустил его:

– Ладно, – говорит, – дома не убудет.

А не знает, что он вор. Вот этот самый богач езжает в город коров продавать /коров много у помещику/. А этот самый Нестер и говорит:

– Пожалуйста, – говорит, – подожди до утра, у меня есть долженник близко, на днях рассчитать меня должен, расчет, – говорит, – выдать. Если долго не отдаст, то отдаст коровушку.

Вот до вечера прожили, повалились спать, а Нестер не спит. Помещик заснул, а Нестер не спит и пошел во двор и взял у него корову. Взял корову, в лес увел да там к лесине привязал и пришел, спать увалился. Поутру барин стал со сна, и он стал. Барин и говорит своей жене:

– Грей самовар, я в город пойду.

А Нестер его и просит.

– Вот что, – говорит, – барин, он мне дал корову, у меня, – говорит, – корова в лесах, пожалуйста, – говорит, – барин, мне недосуг, дак продайте мою корову /а корова помещика/.

Барин говорит:

– Ну что ж, ладно.

Нестер и пошел в лес за коровой и приводит. Привел, барин и смотрит на корову.

– Эта корова все равно, как наша Буренушка.

А Нестер и говорит:

– Что вы, барин, ведь корова на корову походит, как человек на человека, так и корова на корову.

Ну, барин и поехал, корову продал, свою продал и Нестерову продал /а обои свои/. Из города приехал, Нестеру деньги отдал, Нестер поблагодарил и домой пошел.

Вот пожил дома и говорит:

– Обокрал я, – говорит, – барина, а теперь обокраду царя. Пойду к царю воровать.

Ну, вот и отправился. Пошел, идет по дороге, вдруг встречается ему сусед Клим.

– Куда, – говорит, – сусед, пошел?

– Да, – говорит, – задумал нехорошее дело, да придется идти.

– Ну, как, – говорит, – нехорошее дело?

– Да, – говорит, – воровать.

– Ну, дак вот, пойдем вместе.

Подошли недалеко, видят стоит человек. Оглядели, а стоит Наум /тоже с той деревни/.

Ну, и спрашивают:

– Куда, Наум, пошел?

– Да куда, какое дело. Вот, – говорит, – задумал воровать: вынесет ли, нет, – говорит, – не знаю.

– Ну, дак пойдем, – говорит, – вместе. Мы тоже пошли воровать.

Подошли к городу, стало уже темнеть.

– Ну, – говорит, – ребята, теперь пойдем к царю воровать.

– Что ты, – говорят.

– Ничего, – говорит, – ребята, идите за мной, не бойтесь.

Вот они подошли; и два часовых стоят у вороты. Ну, что делать? Попасть, так никак нельзя. Они отошли и нашли соломы. Он взял в солому завернулся совсем, его завязали, и катится по панели. Вот часовой и смотрит.

– Вот, – говорит, – солому ветром, видно, несет.

Ну, вот один и говорит:

– Да, – говорит, – завтра мы подберем, сегодня не стоит.

Они отошли прочь от воров, а Нестер взял, развернулся прочь из соломы, да потихоньку, потихоньку и загнался во двор, но часовые не заметили. Нестер ходил по двору и нашел там старое како-то генеральско платье. Переоделся в это платье и вышел на крыльцо. Ну, и говорит:

– Ну что, часовые, – говорит, – не замерзли?

А те и говорят:

– Холодно, ваше высокородие.

– Воров нет? – говорит. /А вор на крыльце/.

– Нет, – говорят, – ваше благородие.

– Ну, так идите спать ложитесь, раз холодно да нет воров.

Часовые ушли, спать повалились. А Нестер в это время крикнул товарищей, да и пошли шарить, где что попало, и набрали порядочно. Вот вынесли все на улицу, давай делить. Нестер и говорит им:

– Ну, ребята, – говорит, – мне нужно две доли, а вам по одной, потому что я лучше вас, – говорит, – воровал.

А товарищи не соглашаются.

– Нет, – говорят, – тебе так много. Давай, – говорят, – унесем домой, так там разделим.

Он говорит:

– Нет, вы обманете меня. Я так не поверю. А вот что, – говорит, – вы, здесь по стойте, под окошком, а я к императору схожу.

Ну, вот и приходит, забрался он к императору в спальню, а этот император любил слушать сказки /не он ли послал вас?/. А там у него сказочник сидел и заспал, и император спит /обои спят/. Нестер берет этого сказочника, завязывает ему рот, чтоб он кричать не мог, и запихал его в мешок, да на гвоздь и повесил мешок, сам садится, где этот сидел сказочник. Садится на то место и сидит. Император пробудился.

– Ну, – говорит, – как долго спал, под сказку-то и заснул.

Нестер-то и сидит. Вот Нестер и начинает.

– Вот, – говорит, – жил-был вор Нестер, обокрал, – говорит, – барина одного и у барина корову обокрал, барину отдал, барин продал и деньги Нестеру отдал. /А царь сидит, слушает/. Ну, – говорит, – пожил дома, захотелось ему опять идти воровать. А товарищи, чуть живы сидят под окошком: «Бяда, – говорят, – пришла». Так вот, – говорит, – захотелось ему императора обворовать. И обокрал он императора. Я слышал, из кладовых что-то украдено. /А в ту ночь, так император еще не знает, что украдено/. Дак вот, – говорит, – ваше императорское величество, их, – говорит, – было трое: Нестер, Клим и третий Наум. Дак вот, – говорит, – рассудите, ваше императорское величество. Один был главный вор /а те слушают под окошком, а он говорит громче, чтоб те слышали/. Я думаю, ваше императорское величество, тому человеку, кто у них был главный вор, надо две доли.

Император и говорит:

– Да как же, как же, тому надо две доли.

Император и заснул. В это время Нестер вышел на улицу.

– Ну что, ребята, вы слышали, что император говорит? Мне ведь две доли.

– Да, – говорят, – слышали, тебе две доли.

Поутру со сна встали, у государя покража сделалась, давай вора искать.

– Где же, – говорят, – сказочник?

А сказочник в мешку на гвоздуд повешан висит и все. Вот развязали его и спрашивают:

– Ты каким манером в мешок попал?

– Не знаю, – говорит, – какой человек пришел, мне рот завязал да и забил в мешок.

Вот император и спрашивает:

– Ты, – говорит, – сказывал мне сказку про Нестера?

– Нет, – говорит, – я не сказывал, я только слышал в мешку.

Вот тогда император схватился:

– А, – говорит, – это видно Нестер и был.

Вот и начали искать этого самого Нестера. Вот привели его к государю.

Государь и спрашивает:

– Как вас зовут?

– Меня, – говорит, – зовут Нестер.

– Вы сказку сказывали?

– Я, – говорит.

– И вы, – говорит, – обокрали меня?

– Я, – говорит, – ваше императорское величество.

– Так как же вы ко мне во двор попали?

– Я, – говорит, – в соломы прикатился, потом, – говорит – во двор попал.

А вот, – говорит, – как во двор попал, так тогда уже дело мое было. На дворе, – говорит, – я нашел офицерско платье, переоделся, да и ваших часовых спать послал. Вот потом уже воровать начали у вас, кладову чистить. А к вам, – говорит, – в комнату попал, сказочника в мешок запихал. И потом вот начал вам сказку рассказывать свою, про себя.

– Ну, – говорит, – Нестер, когда ты такой ловкий, и хорошо наживать умеешь, то, – говорит, – я тебя сейчас поставлю генералом и награжу тебя за это. И будешь ты жить в моем дворце.

Взял его наградил царь, поставил его начальником да не осудил его, небось, на каторгу.

– Ну, вот и будешь, – говорит, – у меня жить да казну копить.

Так Нестер и к месту попал.

НИКИТИНА АННА СЕМЕНОВНА

(Запись Е. Ленсу и Л. Хайкиной)

РАК РАКОВИЧ

Ловил старик рыбу в море. Попала ему рыбка – рак. Дед да баба называли его, Рака Раковича, вместо сына. Вот и вырос большой и стал бабке-старухе говорить:

– Старуха, – говорит, – поди к царю, сватайся на дочери.

Вот старушонка шубенку надела и пошла под окошко, пищит:

– Пора, царь, вставать, пора дочку замуж отдавать за моего сынка Рака Раковича. Не отдашь – дак я повыколю, головнями повыкачу /уж так рак наказывал/.

Ну, услышал царь старухин писк и говорит:

– Приведите-ка старуху.

Стал царь спрашивать:

– Что тебе надо, старуха?

– Да вот, есть у меня сын Рак Ракович. Послал меня свататься на твоей дочери.

Он скаже:

– Пусть службу сослужит: пусть в ночь выкопат канал.

Ну, пришла старуха к Раку, все рассказала. Рак сказал:

– Ну-ка, молись да спать ложись, все будет.

Наутру царь встал: канал готовый. Няньки да мамки, да верны служанки ему построили, канал готовый. Старуха второй раз приходит, пищит:

– Пора, царь, встать, пора дочь отдавать замуж за Рака Раковича. Ну, дак не отдашь – дак я опять тебя повыколю да повыкачу.

Старуху созвали опять к царю.

– Ну, пусть сослужит службу: состроит через канал хрустальный мост от церковного крыльца до царского дворца.

Наутро царь встал – опять все готово. Няньки да мамки, да верны служанки опять все сделали.

– Ладно, – скажет, – сыграем свадьбу.

Пошли к венцу. Рака Раковича на серебряном блюде понесли. Народ все смеются, что вот беда: царевна вышла за Рака Раковича. Вот несколько времени жила, к матери в гости пошла, а мать и спрашивает:

– Как ты с мужем-то живешь? Ведь он рак.

А она скажет:

– Мамушка, он днем-то рак, а ночью он скинет кожуху, так такой мóлодец, краше-то и нет. /Мать то и обрадывает/.

Мать говорит:

– Ты бы ночью сожгла его кожуху, как он спать повалится.

Она так и сделала: сожгла кожуху. А он нюхает, что тако?

– Да я, – говорит, – тряпку сожгала, так и пахнет.

Наутро встал и стал спрашивать:

– Где мои кожухи? – он говорит, – ну, как сожгла кожуху, больше тебе вечно меня не видеть.

Пришла к матери, начала мать кое ругать, кое вопеть:

– Научила вот!

Вот она сковала трои лапти железные.

– Я, – говорит, – весь свет обойду, тут его найду /даром что рак/.

Три просверы железны сковала грызть, три посоха железных и пошла в дорогу, куда глаза глядят. Затым шла, шла, долго ли, коротко ли – избушка на курьих ножках, на веретенных пятках /как по-прежнему ребятам говорили/.

– Избушка, избушка, повернись ко мне воротцем, а туды лицом.

Пришла в избушку – сидит баба-яга, костяная нога, морда глиняна, тятки через грядку виснут, языком печь пашет, а губами горшки вынимает.

– Фу, фу, на Руси не бывала, руського духу не видала. Откуда, девушка, пришла? Ох, я дура, не кормила, не поила, стала выпрашивать.

Накормила, напоила, спать повалила да и стала выпрашивать:

– Куда идешь, куда путь держишь?

– А я, – говорит, – иду искать своего мужа Рака Раковича. Я кожуху сожгла, да он улетел. Мне нужно его найти.

Старуха (баба-яга) говорит:

– Он мой племянник. Только он меня редко, редко посещает, в год раз.

Поезжай к другой тетки, тая больше знает.

У девицы, котора идет, лапти потрепались, просвири да посох поиздержались /она все просвиры есть, дак, ведь хлеба нет/. Поспала, наутро тетушка дала клубок:

– Куда клубок покатиться, ты туда и пойдешь.

Вот она опять шла, шла, долго ли, коротко ли. Опять избушка стоит на курьих ножках, на веретенных пятках. /Не знаю, лучше ли, хуже примет друга старуха/.

– Фу, фу, фу, на Руси не бывала, руського духу не видала.

Баба-яга сперва выпрашивает:

– Откуда, девушка, пришла?

Потом накормила, напоила да стала еще выпрашивать. Она говорит, тая жёнка, что «иду ищу мужа Рака Раковича». Уж вторы лапти истоптала, второй посох издержала, вторы просвиры изгрызла. Тетка говорит:

– Ко мне раз в месяц приходит.

Наутру лапти, просвиры все переменяла. Тетка клубок дала. Опять пошла. Шла опять, долго ли, коротко ли, опять клубок к избушке прикатил. Стоит избушка на курьих ножках, на веретянных пятках. Ну, затем опять тетка говорит:

– Фу, фу, фу, на Руси не бывала, руського духу не видала. Ну, девушка, чего пришла?

Она опять сказала, что «ищу мужа Рака Раковича».

– А он ко мне, – говорит, – в неделю раз приезжает, часто прилетает. Ну, ладно, поживи.

Ну, вот, жила-то, жила, сколько времени, а Рак летит.

Тетка – что делать? – овернула ее /девушку/ булавкой, в стенку воткнула. Рак прилетел и спросил:

– Тетка, откуда у тебя русский дух?

– Да пóлно, дитятко, – говорит, – ты налетаешься да нахватаешься, а сам на Руси был, у меня никого нету.

Потом стал к тетке неловко приступать:

– У тебя, – говорит, мол, – жена есть. Подавай, откуль хошь, да жену подавай.

Ну, вот. Тогда тетка вынула булавочку, да очутилась девушка. Поцеловал он ее и раком не стал /Поцелуи за все избавляют людей/. Ну, не знаю, оны ушли к родителям своим. Оны стали жать да добра наживать.

Сказка вся.

СОПУНОВА АННА ТИМОФЕЕВНА

(Запись Е. Ленсу и Л. Хайкиной)

КАК ЗА ЛЕШЕГО ЗАМУЖ ВЫДАЛИ

Жил мужик да жонка. У их было три дочери. Оны жили небогато. Он уж стал пожитой, нужный старичок. Возил из лесу бревна. Ну, вот он бревна возил, и одно бревно пало на дровни, и не мог он дровни вытянуть: лесина с сучьями. Потом идет леший и говорит:

– Что ты делаешь?

– Да, вот – говорит, – папа лесина на дровни, не могу вытянуть.

– Да, вижу, плохо у тебя дело. Дай-ка, – говорит, – дедушка, я тебе помогу, а только есть ли чем рассчитаться?

Он говорит:

– Да рассчитаться, я человек бедный, нужный и у меня капитала нет.

А он говорит:

– Да я у тебя капиталу не прошу, у меня своего достаточно. Цто-нибудь нет ли у тебя другого рассчитаться? Нет ли у тебя дочки какой замуж за меня?

– Да, есть три дочки.

Он говорит:

– То мне натъ, – говорит.

Он говорит /старик/:

– Да я има распорядиться не могу. Хорошо они пожелают /это все в лесах они рассуждают/.

Потом старик и говорит:

– Пойдем к нам.

Ну, вот они и поехали, бревно навалили и поехали. Ну, вот приехали. Коня распрягли, бревно свалили и заходят в избу. Старик поднес скамейку к

порогу и посадил его в порогу /как леший, так в большой угол не сажают/. Согрели самовар, старик сел чай пить всей семьей. Да где разговор с дочерьми? За чаем да за обедом, когда вкупи вси. Когда сели чай пить, отец дочерям и говорит:

– Ну, вот, – говорит, – доцьки, котора из трех меня пожалет, выручит из беды, за него замуж пойдет? А то он меня куды хошь заберет.

Старша дочь ответила и говорит:

– Лучше я в море утоплюсь, чем за него замуж пойду.

А средняя сказала:

– Лучше я девкой ребенка рожу, а за эту беду за уж не пойду.

Отец насилу не отдает. А младена молчит, ничего не говорит, на отца поглядит, да на него поглядит. Потом за тым вышла из-за стола, да стала перед отцом на колени, да и говорит:

– Ну, я пойду за него замуж.

А старши сестры и расхохотались, вот скажут:

– Ты за эку беду замуж походишь, он, сказывают, леший.

А она говорит:

– Дело не ваше, за кого хочу, за того и пойду.

И потом вышла в другу комнату. Потом этот леший и спросил:

– Куда же, – говорит, – она ушла?

А мать ответила, что она в другой комнате. А он говорит:

– Нельзя ли мне туда сходить?

Мать говорит:

– Можно.

Он пошел, поговорил и дал ей с именным клеймом перстень и потом дал ей денег и сказал:

– Приготовляйся за меня замуж /ну, уж как жили бедно, так нужно много приготовляться/. Через месяц я приеду с родней.

Он и ушел от ней прочь. И эти состри стали над ей смеяться, что полюбила жениха нехудого, лешего. Она им ничего не говорит в ответ /что

ей говорить?/. Потом позвала мать и хрестну и стали закупать товар, и стала приготавливаться, и потом стала дожидать в таки-то цисла жениха с родней. Пришло то время, что жениху надо приехать. И видят, что едет жених на десяти конях. Впереди конь, сзади два, а жених на трех и ленточками лошади повязаны. Приезжает он к ихнему двору, родня выходит из саней, сестры забегали и говорят:

– Вот за какого жениха замуж итти, а глупа сестра за лешего идет.

Ямщики да кучера приходят в избу да и говорят:

– Нельзя ли, хозяин с хозяйюшкой, чайку попить?

Но они сказали, что можно, стали самовар греть /мать-то знает, что женихи приехали/. Сестры бегают, самовар греют. Потом женихи пришли в избу, разделись, расклали столы, вся свадьба и села за столы. Вся родня села за столы и стали угощаться. И стали спрашивать, что «много ли у вас есть дочек» /ведь не станут спрашивать сразу, что ведите невесту/. А сестры-то не знают. Мать ответила, что три. Ну, они спросили, что где же третья-то у вас? А сестры ответили впереди матери, что сидит в комнаты, не выходит, как за лешего замуж выходит /это при всей компании/. Ну, родня только усмехнулась. Ну, жоних и говорит:

– Ну-ко, созовите-ко ей сюда посмотреть.

Ну, вот сестры пошли звать.

– Поди-ко посмотри, какой-то жених едет, куда-то женится. Вот за экого выйти, – говорит старша.

– Да вот как бы за экого выйти, – говорит средня.

А младша говорит:

– А мне и леший живет.

И потом на сестрин зов она не пошла. Потом пошла мать звать и хрестна ейня. Ну, вот, и потом она перенаделась в хорошее платье и одела обручальное кольцо и пошла к ему в избу. Вот пришла в избу и со всема поздоровалась и потом стала со женихом здороваться. Жених стал на ноги и

берет ейну праву руку, и когда взял ейну праву руку и целует ее в губы и называет ее женой. И в тоже самое время эти сестры заплакали.

Одна говорит:

– Кабы знала, я бы пошла за такого жениха.

Друга говорит:

– Кабы я знала, я бы пошла.

И все в петли и сунулись /задавились/. Потом свадьбу без сестер провели, и он ее увез домой. А он был не леший, а купецкий сын.

ОТДАЙ, ЧЕГО ДОМА НЕ ЗНАЕШЬ

Был-жил мужик да жонка. У их детей никого не было. Они желали себе дитенка. Муж жоны и говорит:

– Уйду я прочь.

И ушел работать на чужую сторону. Вот он ушел и не знал, что жона осталась в положении. Жона родила сына, и ему не писала, что родила сына. Он пробыл на чужой стороны три года и вздумал пойти домой. Много ли, мало ли он шел лесом, захотелось ему напиться. Видит, что колодец большой, питье хорошее и ковшечек на колодце есть, кто идет, тот пьет. Ну, вот он стал пить. Только наклонился стал пить, вдруг Кошей Бессмертный у его захватил и спрашивает его:

– Чего дома не знаешь?

А он отвечает:

– Все я дома знаю.

А он отвечает:

– Нет, – говорит, – не все знаешь дома.

Он подумал, подумал:

– Все, – говорит, – дома знаю.

– Нет, – говорит Кошей, – не все, а чего дома не знаешь, то мне посули.

Когда он ему посулил, Кошей Бессмертный ему и сказал, что «у тебя родился дома сын». Кошей его отпустил, и он пошел домой. Вот приходит он домой и видит, что на самом деле есть сын. Ну, он жоны не говорит все, что он Кощею посулил. И потом жили несколько годов и вырастили сына до семнадцати годов. И он вышел на улицу, и стали баловать и сломали стекло у старушки, и стала его старушка ругать:

– Эй, ты, – говорит, – посуленыш Кощея Бессмертного

Он пришел с улицы и спрашивает у отца:

– Что, – говорит, – папа, я за посуленыш Кощея Бессмертного?

Тожно отец сказал ему и жены своей, что «я в тако-то время посулил его Кощею Бессмертному». Тогда он сказал:

– Пеки подорожники и справляй меня. Я пойду к Кощею Бессмертному.

И пошел, справился в дорогу. И приходит к этому колодцу да и глядит в колодец.

Выходит Кощей Бессмертный:

– Вот в таком-то место большой реки, там наше жительство, я давно тебя дожидал.

Вот он и пошел. Приходит к большой реки и видит, в реки куплется тридцать лебедей, а то все дочери Кощея Бессмертного. И вот он увидел платье. И у одной ухоронил платье, чтобы ей не уйти. А сам спрятался. И вот оны все вышли и все наделись, только одной не хватает белья. То была сама младша дочь его, Настасья царевна. И вот она стала искать свое белье. И сказала, что «кто это белье мне отдаст, тому я пригожусь и за того замуж пойду. Он вышел и подал ей белье. Она наделась и повела его к отцю, к Кощею Бессмертному. Привела к Кощею Бессмертному и оставила его там. Кощей Бессмертный дал ему фатеру жить одному и говорит:

– Живи один, я даю тебе работу.

Вот задават ему работу, что через эту реку сработать ему хрустальный мост и наставить золотых столбиков и на каждом столбике чтобы по птичке пели. Когда ушел Кощей Бессмертный из его комнаты, он запечалился. Потом в ночно время приходит и ему Настасья царевна и колотится:

– Пусти меня в комнату.

Вот он ей пустил в комнату, она ему и говорит:

– Ну, каку тебе работу дал Кощей Бессмертный?

– Вот, – говорит, – через эту реку намостить хрустальный мост. Ножа, – говорит, – в руках не бывало, а не то, что топор да молоток.

Потом она ему и сказала:

– Выходи, – говорит, – утром возьми молоток в руки и пощелкивай молотком. Он к тебе придет спрашивать, – и сама ушла прочь от его.

Он утром встал, поглядел в окно, видит, что мост замощен, взял молоток в руки, что мост замощен. По мосту ходит, постукиват. Идет потом Кощей Бессмертный:

– Что, – говорит, – Иванушко, купеческий сын, что, – говорит, – сработал мост, замостил?

Да, – говорит, – замостил.

– Ладно, – говорит, – ну, на завтрашне утром сработай мне корабь, чтоб по земле ходил и по воздуху летал.

Ну, вот Иванушко, купеческий сын опять пришел и запечалился, спать стал ложиться печальный. Ночью пришла опять Настасья царевна и спрашивает:

– Каку тебе Кощей Бессмертный заказал работу?

– Да вот, – говорит, – опять мне велел сработать корабь и такой, чтоб по воды ходил и по земле и по воздуху летал. Ну, она ему и говорит:

– Ну, ладно, будет корापь. Утром вставай и ходи на корапи и молоточком и пощелкивай. Он придет у тебя спрашивать.

И сама опять ушла от его. Утром он встават и видит, что корापь под окном стоит, и берет молоточек, идет на корапь и постукиват. Приходит Кощей Бессмертный и спрашивает у него:

– Что, Иванушка, купеческий сын, сработал?

А он отвечает:

– Да сработал.

– Это, – говорит, – не ты сработал, а сработала тебе Настасья царевна. И вот, – говорит, – я тебе таку работу завтра даю: я выставлю все тридцать дочерей и можь ты, – говорит, – узнать, котора Настасья царевна. И вот узнаешь – тожно я поверю, что ты корापь сработал.

Ну, вот он опять и ушел отдыхать. Пришел в комнату и запечалился. Приходит опять к ему Настасья царевна и спрашивает:

– Каку тебе дал работу Кощей Бессмертный?

А он и отвечает:

– Да вот, – говорит, – выставит он все тридцать дочерей, и велел узнать, какая Настасья царевна.

Ну, вот она ему и говорит:

– Когда он выставит всех, ты пойдешь смотреть, и раз пройдешь и другой пройдешь – не узнаешь. А мне нельзя ни глазом моргнуть, ни бровью повести, а будет у глазу маленькая мушинка. Как ты меня тыкнешь, так она и пропадет. И ничего больше не будет у меня. Тожно будешь жив.

И ушла она от его. Он со сна стал и оправляется. Приходит к Кощею Бессмертному, а Кощей и выставляет своих дочерей. Выставил всех дочерей в ряд и отправил его:

– Можешь ли, – говорит, – узнать, котора Настасья царевна?

Он раз обошел, второй обошел. В третий пошел, потихоньку идет и смотрит, и вдруг у Настасьи царевны очудилась мушинка. Он за тем скорехонько и тыкнул ее, и эта мушинка и пропала. Вот Кошей и говорит:

– Умел угадать.

Потом Кощй Бессмертный ему и говорит:

– Теперь можешь Настасьей царевной владеть, только даю еще одну работу. Вот, – говорит, – сегодняшнюю ночь сработай тридцать три пары сапогов. Вот он сидит опять и печалится. Ночью приходит к ему Настасья царевна:

– Каку тебе Кощей Бессмертный работу дал?

– Да, вот, – говорит, – велел тридцать три пары сапогов сшить.

Она и говорит:

– Уедем, не будем жить.

Клали молоточки в угол, так делали, что молоточки постукивают в углу. Сами сели на коней и уехали в дорогу. Кощей Бессмертный послал других прислуг чай пить, слышит, что молоточки поколачивают, постукивают, а там никто не откликается, двери все позаколочены, позакоючены. Потом Кощей Бессмертный догадался:

– Ах, – говорит, – это оны уехали.

А царевна, когда уехала, так плюнула. Когда Кощей Бессмертный спрашивает, ее слюнки отвечают:

– Идем, сейчас, идем.

Кощей догадался и сказал:

– Уже они уехали.

И послал догнать их. Ну, вот, Настасья царевна и говорит:

– Ох, Иванушка, купеческий сын, приклони голову к земле, послушай ушком, не едет ли за нами погоня.

Он припал ушком и говорит:

– Ох, – говорит, – едет, едет, да и близко едет.

Ну, потом она коня свернула рекой, его свернула мостом, а сама уткой плавает. Вслед наехали, видят, нигде никого нету, только река да утка. И вернулись обратно. Приехали, Кощею Бессмертному и говорят:

– Не могли нигде найти, приехали: река, мост и утка плавает.

А Кощей Бессмертный и говорит:

– А оны тут и есть.

И опять отправил их догонять. И они опять ехали. А она и говорит:

– Иванушка, купеческий сын, припади ушком к земле, не едет ли за нами погоня?

А он и говорит:

– О, едет, да едет близко.

Коня свернула церковью, сама свернулась свецой, а и Иванушка свернула старым сторожем, старым старичком. Вот, когда приезжают и спрашивают у этого старичка:

– Дедушка, не видал ли проезжающих?

А он и говорит:

– Нет, несколько лет живу, а не видал проезжающих.

Но тыи вернулись обратно, а Настасья царевна с Иванушкой, купеческим сыном и поехали. Когда они вернулись обратно и говорят, что только церковь да сторож, да свец. А Кощей Бессмертный и говорит:

– А тут-то они и были. Ну, – говорит, – я сам поеду.

И поехал. А она опять и заставляет:

– Иванушка, купеческий сын, приклони ушко к земли, послушай-ка, не едет ли за нами погоня?

А он припал ушком я земли и говорит:

– Ой, Настасья царевна, едет, едет погоня близко, да едет сам Кощей Бессмертный.

Она за тым и говорит:

– Оверну я коня рекой, а тебя лесом, а себя в воды камешком. Не возьмет он меня со дна /он гнался не за им, а за дочерью/.

Ехал Кощей Бессмертный, ехал. Приехал к реки, к этому лесу и говорит:

– Не надь мне лесу, не надь мне воды, а не достать мне дочери /а река-то, верно, глубока/.

И потом он воротился обратно.

Потом она вышла из воды, и обернула она Ивана, купецкого сына лесом, а себя оставила камешком, а коня водой.

– Вернется, – говорит, – Кощей, еще нас заберет. Дак я покуда буду камешком лежать.

Он и пошел пешой к отцу, к матери. А она ему и оказала, что «через столько-то времени приходи за мной, а я обернусь цветиком, ты и сорви этот цветик». Он ушел домой, к отцю и к матери пришел и позабыл, что она есть. Она лежала несколько времени камешком, вышла из воды и стала у дорожки цветиком и обжидат она его, когда придет и вырвет этот цветик. А он вот не пришел и цветика этого не вырвал. А она ожидала, скучно ей стало время проводить. Шел потом мужик пожитой и вырвал этот цветик. Вырвал этот цветик и принес к себе в дом и клал его на окошко и любовался над этим цветиком. А он жил один себе, не было у его семьи никакой; сам пецку топил, сам стряпал. Потом раз случилось, что спит, выстал со сна – пецка вытоплена, стряпка настряпана, никого нет, а цветик на окошке стоит и цветет. И вот несколько раз так случалось. И стал он замечать. Не стал

ночами спать, стал замечать, что «кто у меня ходит, печьку топит». И потом он укараулил: видит, что этот цветик обернется девушкой, стряпает, печьку топит, а потом обернется цветиком. Вот он ее схватил:

– Живи, – говорит, – у меня девицей, не овертывайся цветиком.

И стал спрашивать, что «откуль ты взялась?».

Потом он пошел в город работать, оставил ей хозяйничать. Он двое суток там проработал в городе и приходит домой. Ей и говорит:

– Вот свадьба в городе заводится.

– А какая? – говорит.

– А вот, – говорит, – Иванушка, купеческий сын.

А она и говорит:

– Это мой жених, я его ждала цветиком, а он и не пришел, верно, меня забыл.

И потом она просит у этого хозяина белой муки:

– Я, – говорит, – состряпаю пирог, а ты снеси. И пусть он его на тот стол положит, где молодые сидят.

Вот она сготовила пирог и ему дала, и сама пошла с ним. Сама осталась в сенях, а он пошел в комнату и подал пирог жениху и велел разрезать на три куска. Принял жених пирог и разрезал на три куска. И вышла из пирога птица, и птица заговорила на столе челоуецким языком:

– Когда был в беды у Кощей Бессмертного, тогда помнил ты Настасью царевну, а когда вышел из беды, позабыл ты Настасью царевну.

Он как услышал у птицы эти слоил и вышел из-за стола и вышел в сени, и у самого слезы покатались из глаз. И увидал здесь Настасью царевну и начал ее целовать. И повел ее своей женой.

КАК МУЖИК НА ТОМ СВЕТЕ БЫЛ

Бывало, за выпивкой да сговаривалось две купца про свое богатство: кабы это все богатство да сложить в одно место. Вот бы было капиталу колько. А другой отвечает ему:

– Этого богатства можно сложить в одно место, у тебя, – говорит, – есть сын, а у меня дочка.

Потом кончили они этот разговор. И сын стал расти и дочка стала расти. И потом женил сына на его дочке. Эк они жили несколько лет, не больше, чем два года, и пошел он в море. И ходит там несколько месяцев в море. Пала погода, буря. И погиб ихний корабль. И вси утонули, только один хозяин вышел из воды. Лодку-то снесло с корабля, и он попал в лодку без весел, и эту лодку носило по морю, и он попал на пустой остров. Вышел когда он на остров и стал искать кругом себя спичек /а спички были в кожаном месте, дак не промокли/ и зажгал огня. И сидит у огня и думает, что «мне это питаться нечем». И думал с голоду помереть.

Ну, потом ночью время пошел он на куйпогу, и там выбросало мертвого зверя. И он подобрал и принес к своему огню и покушал его. И потом он днем пошел на конькору и стал копать гнилу. Оттого что ему без дела скучно. И стал он

<Сказка обрывается>.

ЗАКОЛДОВАННОЕ ЦАРСТВО

АА № 402 и 400А. Сюда присоединены отдельные мотивы из сюжетов № 560 /Волшебное кольцо/, № 302 /Смерть Кашея/ и № 554 /Благодарные животные/. Сравн. также с № 425 /Сюжет Амура и Психеи, откуда в нашу сказку <попали> трои железных сапог/. Варианты русских сказок очень разнятся между собой. Обычно сказка начинается эпизодом спуска стрел царевичами. Мотив сватовства Мухомора, превращения им царства в болото и царевны в лягушку во всех других вариантах отсутствует. Объяснение причин превращения царевны в лягушку встречается лишь в сказке из сборника Афанасьева № 269, где Кашей-отец царевны превращает ее в лягушку, завидуя ее уму. Наличие завязки, объясняющей превращение царевны в лягушку, придает нашей сказке большую полноту по сравнению с другими вариантами. Интересно отметить здесь, что царь заранее знает о том, что лягушка – заколдованная царевна. Возможно, что все начало сказки восходит к какому-то книжному источнику /сказитель грамотный, много читал/, на что указывают и имена героев /Ондрон, Мухомор/, и то, что здесь фигурирует чародей. Слово это сказитель также воспринимает как имя, например, он говорит: «Царь узнал, что он, этот самый чародей, – колдун» и дальше: «Этот колдун чародей». Но интересно, что книжный образ чародея Мухомора переосмысливается сказителем, ибо в дальнейшем оказывается, что это никто иной как Кашей Бессмертный. Наша сказка отличается полнотой сюжета и подробной разработанностью эпизодов, которые логически связаны между собой. Особенно подробно разработаны смерть Кашея, возвращение Ивана Царевича и Марьи царевны после его смерти и др.

ЗОЛОТОЙ МУЖИЧОК

АА 502

Этот сюжет распространен в мировом фольклоре. Русские варианты очень рознятся между собой; особенно их завязка. Часто с данным сюжетом соединяются мотивы из других сказок /напр., мотив борьбы со змеем АА300 присоединяется к данному сюжету в сказке № 124 из сборника Афанасьева, № 131 из сборника Смирнова и в др./. В нашей сказке нет никаких добавочных мотивов; все эпизоды в ней строго мотивированы, детали подробно разработаны. Так, сказитель рассказывает о том, что проводник был спущен в колодец «на веревке или на поясу, веревки, может, и не было. Мотив опознания царевича по рубашке, на которой мать вышила его имя, нигде не встречается. Здесь он очень логически разработан: сказитель вначале указывает, что вышито имя царевича было именно на нижней рубашке, а менялся он с дядькой только верхней одеждой. В мотив покупки царевной кувшинчиков вводит сказитель добавочную мотивировку: царевна выражает желание купить второй и третий кувшинец не только потому, что они лучше первого, но и потому, что первый, а затем второй испортились.

БАРСУКОВ

Записано от Филатова М. Ф.

Сходный сюжет отмечен в указателе Андреева под названием «Борма Ярыжка», № 485.

Близкие по сюжету сказки представлены в сборнике Зеленина «Пермские сказки» – «Федор Барсуков и Вавилонское царство» (№ 13) и в сборнике Ончукова: «Вавилон город» (№ 182), «Князь Барсуков» (№ 282). Сюжет этих сказок имеет источником древнерусскую повесть «О падении Вавилонского царства». Обычно в указанных выше вариантах этой сказки, герой отправляется в город Вавилон на поиски короны, добывает ее, побеждает змей, посланных в погоню, ослепляет одноглазого великана, помогает льву, который доставляет его домой и показывает льву силу хмеля. В сказке Филатова мотив – поиски короны – заменен обычным сказочным мотивом – поиски царской дочери. Редко встречается в сказке волшебная пляска туловища без головы, которая имеет магическое действие, вызывает змей.

ЗЕРКАЛЬЦЕ О ДВЕНАДЦАТИ ВИНТИКАХ

Записано от Филатова М. В.

Сюжет сказки соответствует сюжету по указателю Андреева 560 – «Волшебное кольцо» в соединении с сюжетом № 518 – «Обманутые лешие». В сборнике Афанасьева «Русские народные сказки» есть сказка «Про перстень о двенадцати винтиках» /№ 112/. По содержанию близка к данной сказке. В сказке, помещенной в сборнике Афанасьева, и в других вариантах этой сказки герою всегда помогают возвращать похищенный перстень или другой чудесный предмет кошка и собака, а перстень он получает от девушки – змеи в награду за спасение из огня. В сказке Филатова «чудесное зеркальце» герой получает от черта, и черт помогает ему вернуть зеркальце. Своеобразным является также описание службы Ивана-солдата матросом на корабле и путешествие его по морю.

НИКИФОРОВО ЧУДО

Записано от Филатова М. В.

В этой сказке объединены несколько вполне самостоятельных сюжетов. Вначале рассказывается о том, как в одну ночь был развязан невод, в другую ночь чудесным образом связан. Далее следует рассказ о превращении молодца злой женой в кобеля и в утку. В конце рассказ о Никифоровом чуде. Старичок в лесу съедает сыновей Никифора, и потом они оказываются живы, когда Никифор попадает домой. Соответствующих сюжетов в указателе АА нет, за исключением одного – превращение молодца в кобеля. В указателе АА сюжет № 449А – «Царская собака» – близок данному.

В сборнике Ончукова «Северные сказки» в № 247 «Жена-колдунья» жена превращает мужа в собаку, а после он превращает ее в кобылу; но в этой сказке нет соединения этого сюжета с другими, как в сказке Филатова.

ПОПОВСКИЙ ЖЕРЕБЕНОК

Записано от председателя колхоза д. Вирьма Мартынова Петра Ивановича.

Мартынов рассказывает только анекдотические сказки, больше всего антипоповские. Соответствующего сюжета в указателе Андреева нет. Близок сюжет № 1744 в отделе анекдотов – «Мужик на исповеди». Мужик сознается в любовной связи с дочерью попа и угрожает ему. В сказке Мартынова мужичок сознается на исповеди в краже жеребенка и потом всенародно осмеивает попа.

ПОП, ДЬЯКОН И ПОНОМАРЬ

Записано от Филатова М. В. в д. Вирьма.

Сюжет сказки отмечен в указателе АА № 1748: жена приглашает в гости попа, дьякона и пономаря, сажает их в бочку, муж вывозит их на базар.

ИВАНУШКА ДУРАК

Сказки про Иванушку дурака записаны от Поповой Фатимы в д. Вирьма. Попова – колхозница, активистка, 23 года, заведующая избой-читальней и руководительница хорового кружка.

В указателе АА в отделе анекдотов указаны следующие сюжеты, которые соответствуют сюжетам сказок Поповой:

1. № 1631 «Дурак делает покупки»
2. № 1685 «Дурак домовничает».
3. № 1696 «Набитый дурак».

Сказки имеют много различных вариантов. Наиболее редкий сюжет одной сказки: Иванушка продает быка дереву, убивает дьячка, братья закапывают барана туда, где был закопан дьячок, и выручают Иванушку.

НАПЛОТ ЦАРЕВИЧ

АА 519

Сюжет «Безногий к слепой богатыри» связан с немецким сказанием о нибелунгах, на что впервые указал Афанасьев, а затем Кирпичников /«Поэмы Ломбардского цикла». М., 1873/. Часто он сочетается с основными мотивами сюжета № 530А /Невеста на двенадцатом венце/.

Наш сюжет отличается от прочих своим началом. Обычно исходным мотивом сказки является женитьба царевича на Царь-девице, герой из низкого звания помогает ему жениться. История Наплота, расправа с ним родителей, встречается лишь в сказке № 177 из сб. Ончукова «Северные сказки», хотя мотивировка этой расправы там несколько иная: родители испугались сына, который утром родился, а вечером пошел, и решили сбить его с рук. Имя героя там Прапльв. Интересно совпадение героя-царевича с героем в нашей сказке и Ончукова: «Кабы мне лук, я стрелять бы, кабы мне мечь, я бы сець, кабы была красна девка, я бы спать». Аналогичного диалога в других вариантах этого сюжета нет. Совпадение этой детали, а также всего начала нашей сказки со сказкой Ончукова, записанной на Карельском острове около Выгозера, дает возможность предположить, что эти особенности являются спецификой северных вариантов этого сюжета.

В сказке Ончукова и нашей отразились черты приморского быта, что особенно ярко выступает в сказке Клевина, где подробно разработан эпизод плавания героя на плоту. К числу особенностей нашей сказки относится опущение мотива, задач, которые задает Царь-девица сватающемуся за нее царевичу. В остальном наш вариант ничем не отличается от других сказок на сюжет «Безногого и слепого богатыря».

ПРО ИВАНУШКА ПАСТУШКА

Сюжет представляет собой контаминацию ряда традиционных сказочных мотивов.

1. Первый мотив: герой отправляется искать работы и нанимается пастухом к царю, – широко распространен в ряде сюжетов /«Медный лоб» АА 502, где иногда нанимается к Бабе Яге и др./.

2. Затем следует троекратно повторяющийся мотив борьбы героя с мужичком о ноготок, борода с локоток. В том виде, как он разработан Бахилевым, мотив этот в русской сказочной традиции не встречается /появление мужичка из сгустившегося над полем тумана, борьба с героем за то, что он пасет скот не на своих лугах и т. д./. Борьба героя с мужичком с ноготок, борода с локоток обычно вплетается в сюжет «О трех царствах» АА 301АВ, где дается в иной связи мужичок.

3. Третий мотив, также повторяющийся троекратно /встреча героя с богатырями, дом, наполненный сокровищами, сватовство героя и помощь богатырей/, является центральным мотивом сюжета «Волшебное кольцо» АА 560. Однако сам чудесный предмет /волшебное кольцо/, при помощи которого герой обычно вызывает молодцов, в сказке Бахилева отсутствует, заменяясь в одном случае чудесными гусями, в остальных же случаях Иванушка Пастушок вызывает богатырей без помощи чудесных предметов.

«Вышел на улицу, крикнул по-звериному, свистнул по-змеиному: “Ну, вы, – говорит, – мои подчиненные, три богатыря, живо сюда!”». Первая часть сюжета «Волшебное кольцо» (покупка животных), как и последняя его часть (помощь животных герою после его женитьбы) в сказке Бахилева отсутствуют.

4. Последняя часть заменяется присоединенным сказителем сюжетом о «Победителе змея» АА 300А, который также несколько изменен. Обычно герой борется со змеем, освобождая царскую дочь, обреченную на съедение, к затем женится да освобожденной девушке. В сказке Бахилева герой борется

со змеем, защищая свою жену от царя нечистой силы, кроме того, здесь герой отправляется «на войну» со змеем вместе со своими помощниками-богатырями, в то время как обычно во всех вариантах сюжета «Победитель змея» мы встречаемся с единоборством.

Сложный сюжет сказки «Про Иванушка Пастушка» не является исключением в репертуаре Н. А. Бахилева, почти все записанные от него сказки представляют собой такого рода контаминации.

ПРО КОРОЛЯ СУЛТАНА

В этой сказке – сложная контаминация ряда сюжетов: АА 313А /«Василиса Премудрая»/ и № 518 /«Обманутые лешие»/; сравн. так же № 873 /морев подкопа/ и № 592 /«Чудесная скрипка»/. В таком состоянии и переработке эти мотивы нигде не встречаются. Наиболее близка нашей сказка № 7 из сборника бр. Соколовых. Сюжет же таков: Федька-слуга, который за отказ рассказать сон был заключен в темницу и выпущен из нее одной девицей, помогает царю жениться на Елене Прекрасной. С ним вместе на выручку царя отправляется одиннадцать молодцев, похожих на него. На пути он обманул леших так же, как и в нашей сказке, и с помощью полученных волшебных предметов выполнил задачи Елены Прекрасной /последняя задача – достать три волоса с головы дедушки Елены – морского царя/. Елена Прекрасная, узнав о помощи, оказанной царю Федькой, хочет отомстить последнему, но не может его отличить от одиннадцати других слуг царя. Вернувшись в свое царство, царь забыл Федьку. Здесь интересны три момента: мотив двенадцати одинаковых молодцев, среди которых Елена должна угадать Федьку, то что дедушка Елены – морской царь и, наконец, то, что царь, вернувшись, забывает Федьку-слугу. Все эти три момента в какой-то степени напоминают сказку о Василисе Премудрой, которая, во-первых, является дочерью морского царя, во-вторых, герой должен узнать ее среди одиннадцати таких же, как и она девиц и, в-третьих, герой забывает ее, вернувшись домой. Связь с сюжетом Василисы Премудрой еще ярче выступает в нашей сказке, где в одном месте сказитель отца царевны, колдуна называет «водяник», где царь должен среди двенадцати девиц узнать ту, на которой хочет жениться /и узнает ее благодаря мухе/. Мотив забвения помощника здесь также налицо; герой говорит царю: «Но вы, я думаю, забудете нас». Сближает нашу сказку с сюжетом Василисы Премудрой еще и мотив гибели царя-колдуна в реке /в ряде вариантов сказки о Василисе Премудрой водяной царь гибнет в огненной реке, так как она перерубает

полотенце, по которому, как по мосту он шел через реку; в нашей сказке также перерубается мост/. Таким образом, сказка № 7 из сборника бр. Соколовых и в еще большей степени наша сказка стоят в какой-то связи со сказкой о Василисе Премудрой. Но связь эта весьма отдаленная, ибо здесь перед нами какое-то сложное и органическое переплетение различных сюжетов, например, ряда мотивов из сюжета сказки № 16 /Сборник «Из разных мест Сибири/: подземный ход для свиданий влюбленных и именной перстень, по которому узнают героя. Итак, здесь перед нами – необычайно сложная контаминация.

ПОП И СЕНЬКА-РАБОТНИК

Записана от Бахилева, д. Сум-Посад.

Сюжет в указателе Андреева № 1539 – «Шут». Близкие варианты сказки ... в сборниках Афанасьева «Русские народные сказки» (223), Садовн[икова] (32), Ончукова (131), Соколовых (5, 87, 104). Азадовский «Сказки Верхнел[енского] края», «Сказка про Перфила» имеет сходный сюжет: герой продает плетку, оживляющую людей, лошадь, приносящую деньги. В сказке Бахилева присоединяется рассказ с том, как Сенька живет у попа в работниках и обманывает попа, покупает плохую лошадь, отрубает ей голову и заставляет попа вытаскивать лошадь из болота.

ВАСИЛИСА ПРЕМУДРАЯ

АА 313А

Сюжет этот распространен в европейском фольклоре. Обработан был Жуковским в «Сказке о царе Берендее» /по конспективной записи Пушкина/. Русские варианты более или менее однообразны, рознится лишь начало сказки. В ряде вариантов завязкой служит эпизод с Орлом-царевичем /Афанасьев № 125а, в и другие/. Наша сказка начинается с мотива остановки кораблей среди моря, что, очевидно, является характерной чертой северных вариантов. В сборнике Ончукова сказки на данный сюжет №№ 153, 128 начинаются так же с эпизода остановки кораблей среда моря.

ПОЙДИ И НЕ БОЙСЯ

АА 910В «Три слова». Муж, по совету жены, продает ее изделия за три совета /ср. АА 677 «В подводном царства». Герой велит опустить себя с корабля на дно моря, где получает золото, разрешив спор морского царя с царицей: «что дороже – железо или золото» и АА 677* «Садко»/.

Схема сюжета сказки Клевина совпадает довольно точно почти со всеми указанными вариантами, за исключением Садовникова, № 87. Варьируются главным образом советы, данные герою. Содержание последнего совета: «Сдыни, а не опусти» – сохраняется во всех вариантах. Большинство вариантов записано на Севере.

Ончуков – 4 варианта, Соколовы. Место действия в них – подводное царство Причина спуска героя – остановка кораблей. Сказка Афанасьева № ..., записанная: в Центральной части России, сходна с ними. Существенно отличается сюжет сб. № 87. Действие происходит на земле. Герой, продав предметы, встречает смерть, попадает в дом к старику и его молодой жене, изобличает убийцу мужа, возвращается к жене. Таким образом, сказка Клевина принадлежит к северной группе вариантов.

В Сум-Посаде сюжет очень популярен. Записан вариант от Привалова, ряд сказителей упоминали его в своем репертуаре. Детальная реалистическая разработка конца сказки (возвращение героя домой, первый вечер у жены, в других вариантах не встречается) должна быть отнесена за счет таланта самого Клевина.

ЖАР-ПТИЦА

Сказка эта соединяет два распространенных и очень близких между собой сюжета /АА № 502 «Медный лоб» и № 532 «Незнайка»/.

В основном сказка идет по сюжету «Медного лба», но мотив соперничества царевича с женихом-лакеем, который слабо развит в сказках «Медного лба», здесь также обострен, как и в сказках сюжета «Незнайки» /издевки царевича над кривым лакеем, лакей все время хочет погубить царевича/.

Особенно близка к Приваловской сказке сказка см. № 181.

Мотив пастьбы царевичем стада, которое все увеличивается благодаря помощи чудесного помощника, встречается в сказке О. № 112. Образ жар-птицы как чудесного помощника встречается в сказке см. № 303.

О НЕСТЕРЕ

Сказка входит в распространенный сюжет «Ловкого вора» /АА № 1525/. Ближе всего к ск<аз>ке Привалова находится сказка Аф. № 219 /Наум идет воровать, встречает трех мужиков и берет их с собой; на двор к себе он вкатывается в соломе. Спор из-за краденного Наум идет разрешать к судье и рассказывает ему сказку о себе под именем Наума/. Мотив бедности и большой семьи у ловкого вора /семеро детей/ встречается в сказке Ск. № 86. Мотив бедности, толкающей героя на воровство, есть в сказке Аф. № 219А /сын вынужден кормить отца с матерью воровством/.

Сказка Привалова отличается углублением сюжета. В большинстве опубликованных сказок герой является ловким вором не по своей инициативе /Ск. № 31 – барин сам просит у него украсть различные предметы. Ск. № 25 Барин задает задачи украсть жеребца, быка и др./; или воровство вообще ничем не обоснованно /Аф. № 219/ и внимание сказки направлено на факты ловкой покражи.

У Привалова: 1 воровство причинно-обусловлено – Нестер им кормит семью, 2 /весь сюжет сосредоточен на изображении удачи и ловкости Нестера, сказку движет не случай, а инициатива и удаль героя. Сюжет расширен тем, что Нестер обворовывает двоих /барина и царя/.

ПРО ИВАНА СОСНОВЦА

Типичная, благодаря введению чудесных помощников-силачей /перекатывающего горы, переносящего лес/ АА № 301В, редакция сюжета о трех царствах – АА № 301А.

От всех сказок этого типа данная отличается мотивом происхождения главного героя из соснового пня. Подобный мотив происхождения героя из чурбана, находим: А. № 108, 111 /изд. /, а в сказке А. № 142 даже – также из соснового чурбана.

Отличие сказки Привалова состоит в том, что здесь старик специально приносит из леса сосновый пень, который должен заменить сына.

В сказке же А. № 142 появление сына из чурбана, положенного сохнуть па печь, является неожиданностью.

Близкой данной сказке является сказка Коргуева, помещенная в сборнике «Беломорские сказки» под ред. Нечаева почти под тем же названием «Иван Соснович». Очевидно здесь играет роль территориальная близость бытования сказки.

Но сказка Привалова имеет свои отличия:

1. Иван Сосновец в нашей сказке в противоположность сказке Коргуева обжорлив и непокорен родителям.

2. В сказке Привалова герой встречает не трех /как у Коргуева/, а четырех девиц, одна из которых оказывается царевной и в результате достается Ивану Сосновцу.

Наличие четырех девиц соответствует четырем мужским персонажам сказки, поэтому у Привалова закономерным является отсутствие дальнейших препятствий и обстоятельств, вызванных ими, а именно:

Отсутствуют чудесные мотивы борьбы героя со змеем.

Мотив Кашеевой смерти, спасающая Ивана Сосновца птица.

Как и в сказке Коргуева у Привалова нет традиционных трех яичек, в которые девицы свертывают свои дома, но один раз встречается чудесный мотив свертывания дома в платок.

ПОДИ ТУДА, НЕ ЗНАЮ КУДА...

Сюжет сказки соответствует № 465А в указателе АА, сюжет распространенный. Наиболее близка данной сказке сказка Коргуева, помещенная в сборнике под ред. Нечаева «Беломорские сказки» «Ондрей-стрелец».

В отличие от многих сказок данного типа у Привалова, как и у Коргуева, героиней является чудесное существо женщина-птица, превращающаяся не в горлицу, как обычно, а в соколицу. Как и в сказке Коргуева, активность героини здесь большая, чем в других сказках данного типа.

Близость сказки Привалова к сказке Коргуева доходит до сходства отдельных оборотов, но у Привалова сокращены реалистические описания и меньшая, чем в сказке Коргуева активность брата Разума /= Сват Наум у Коргуева/.

ПРО ПОПА

Сказка относится к группе анекдотических. А. 182, 513 – указано два варианта. Сд. 44 далек от сказки Нетужилова. Поп читает вятчанам о их глупости, они остаются довольны проповедью. Онч. 63 – вариант чрезвычайно близок приведенному нами. Та же схема сюжета, тот же текст первой песни попа: «Из-за острова-то, острова Кондострова». Но конец сказки несколько сокращен, отсутствует угроза попадьи архиерею, отчего становится непонятным безразличное отношение архиерея к службе попа. Близость вариантов может быть объяснена территориальной близостью мест записи обоих вариантов. С. Вирьма на берегу Онежского залива, где записывал Ончуков, находится в 20 км. от Сум-Посада, где произведена запись от Нетужилова.

БРАТ И СЕСТРА

Сюжет распространен в русской сказочной традиции. АА 403 – «Подмененная невеста» указано четыре варианта. Большинство из них отличаются от нашей сказки. Обычно нянюшка царевны /Ар. 147, см. 32/ превращает ее по пути к жениху или после свадьбы в утицу, в щуку и проч., сама становится невестой или женой. Утица приходит к брату в тюрьму, сжиганье крыльев /Ар. 147/ и освобождение девушки от чар.

У Рохмистовой разработаю отлично от др. вариантов: брат хвастает красотой своей сестры на пиру у царя, вопреки просьбы сестры не говорить о ней, /в др. вариантах Ар. 147 – царь влюбляется по портрету, см. 32 – брат укачивает сестру, суля ей в женихи Зарю Царевича/.

Вопреки предупреждениям сестры брат берет в лодку Бабу Ягу, которая утопила сестру во время сна брата /превращение в птицу, рыбу отсутствует/. Ср. см. 101 – образ женщины утопленницы. Сюжет чрезвычайно распространен в Поморье. Нами записано несколько вариантов, главным образом от женщин /Никитина, Пашина и др./ Сюжетная схема «Зари Царевича» Никитиной отличается от сказки Рохмистовой, см. комментарий № ... Прекрасно разработан Е. В. Рохмистовой образ сестры, выходящей из воды на цепи, который и сказке обычно дается традиционными чертами:

«Идет красавица, в затылке месяц, во лбу соньце, по бокам мелкие частые звезды, один след золотой, другой серебряный». Рохмистова разрабатывает традиционную форму.

ГОРОХОВАЯ ДОРОЖКА

Сюжет «Жених-разбойник» АА 955В. Аналогичный сюжет использован Пушкиным для его баллады «Жених» /заимствованный им из немецкого сборника /бр. Гримм № 40/.

Сказка Рохмистовой мало отличается от др. русских вариантов. В некоторых вариантах начало разработано иначе: разбойники нападают на дом отца девушки /10.13/, девушка, защищаясь убивает одного из них /Аз. 20/, затем сватовство. У Рохмистовой это отсутствует, начинается со сватовства.

Сюжет чрезвычайно распространен в обследованном районе, записано три варианта в Сум-Посаде, кроме того, несколько сказителей называли его при сообщении своего репертуара. Исполнительницы преимущественно женщины. Во всех записанных в Сум-Посаде вариантах – «гороховая дорожка», но объяснения названия сказители дать не могли /ср. См. № 344 «Жемчужная дорожка»/.

ПРО ИВАНА ДУРАКА

АА № 530 А и В /?/

Среди русских сказок – это один из наиболее популярных сюжетов, варианты его в русской сказочной традиции сравнительно однообразны. Наша сказка утратила ряд характерных для этого сюжета мотивов, в частности – мотив получения коня как награды – за посещение ночью могилы отца. Появление коня в нашей сказке не мотивировано, а от обычного эпизода превращения дурака в прекрасного молодца благодаря влезанию в одно ушко коня и вылезанию из другого сохранился лишь следующий рудимент: «Утром Иванушка со сна встал и пошел в поле. В одно ушко сунулся – ..., а в друго ушко сунулся – снарядился». О каком ушке здесь идет речь – неясно, так как конь еще не появился. Здесь мотив влезания и вылезания из ушка коня превратился в простую формулу. Интересно отметить, что в сказке Бахилева № ... этот мотив так же утратил свой смысл и, как и в данной сказке, фигурирует как бессодержательная формула. Отсутствует также в нашей сказке типичный для данного сюжета мотив добывания дураком диковинок /свинка золотая щетинка и др./, которое следует обычно за свадьбой. Упущение указанных мотивов неслучайно, т. к. все внимание Рохмистовой при рассказывании данной сказки направлено было на один момент, который является не центральным в ее сказке, а именно – на прославление ничтожного с виду и высмеиваемого дурака и на уличение презирающих его братьев. Сам по себе сюжет сказки сказительницу интересует лишь постольку, поскольку он подчеркивает торжество дурака. В этом плане интересно отметить следующую деталь. Обычно в сказках данного типа братья являются лишь свидетелями того, как дурак трижды пытается доскакать до царевны, что достигается им лишь на третий раз. Здесь же первые два раза скачут неудачно старшие братья, дурак же сразу достигает цели, что подчеркивает его ловкость, с одной стороны, и преимущество перед братьями – с другой. Таким образом, самый сюжет

нашей сказки подчеркивает мотив торжества дурака над умными братьями. Необычайно ярко разработаны в нашей сказке диалоги, что усугублялось при устной передаче выразительными интонациями и т. д. Причем диалог в сказке является как двигателем действия, так и средством характеристики персонажей. Именно из диалога узнаем мы об отношении братьев к дураку. Благодаря художественной передаче данная сказка, несмотря на сравнительную с другими вариантами краткость и слабую разработку сюжета, является одной из лучших сказок в репертуаре Рохмистовой.

ЗОЛОТАЯ РЫБКА

АА № 555

Сюжет этот примыкает не к русской сказочной традиции, т. к. в русских вариантах фигурирует не рыбка, а дерево, птичка, коток – золотой лобок и т. д., старик же и старуха в виде возмездия превращаются в медведей. Исключение составляет сказка Афанасьева № 75 и Карнаухова № 107. К ним примыкает и наша сказка. Эти три варианта данного сюжета, выпадающие из русской традиции, восходят к сказке Пушкина о рыбаке и рыбке, источником которой послужила сказка № 19 из сборника братьев Гримм /см. Азадовский «Источники сказок Пушкина»/. На происхождение нашей сказки от пушкинской указывает ряд выражений, как, например: «дурачина ты, простофиля», «смилуйся, государыня рыбка» и др. Отличается же наша сказка от пушкинской, во-первых, опущением картин постепенного нарастания бури на море, во-вторых, сокращением мотива корыта, которое заменяет в нашей сказке старику и старухе избу. Далее: Рохмистова подробнее, чем Пушкин разработала показ психологического состояния старика при передаче рыбке последнего требования старухи. «Ну, старик приходит к морю. Печальный сел старик у моря, поплакал, поплакал, попечалился. “Домой идти не смею – старуху боюсь, и у рыбки просить не смею ничего больше”. И попросил. Скинул шапку, поклонился в море: “Смилуйся, государыня рыбка, нету от старухи покою”». Однако черт сходства с пушкинской сказкой больше, нежели отличия. Это особенно интересно потому, что сказка наша не является простым пересказом пушкинской, т. к., по словам сказительницы /которая сама неграмотна/, она слышала ее в молодости от неграмотных старух. Т. о. здесь пушкинская сказка уже прочно вошла в фольклорную традицию, она вполне ассимилирована народом, что свидетельствует о ее близости фольклору, как со стороны стиля, так и со стороны содержания.

ВОЛК И ЛИСА

АА 15. Сюжет широко распространен в русской сказочной традиции. Варианты мало отличаются друг от друга. В ряде сказок он дается в сочетании с двумя дополнительными мотивами: 1/ волк строит лубяную избушку, лиса ледяную, весной лиса просит волка впустить ее «на крылечко», «в сенцы», проникает в дом. Следует полностью сюжет, переданный Рохмистовой. И 2/ лиса крадет с воза рыбу, встретив волка, посылает его удить в прорубь /Ар. 10, 11, 13, 311 – волк заменен зайцем/.

КУРИЦА

АА № 1, № 2, № 20А и С, № 21

Данная сказка представляет собой контаминацию нескольких мотивов: звери в яме, волк и лиса и др. Последний мотив, один из наиболее распространенных среди животной сказки, редко выступает самостоятельно, соединяясь обычно с другими мотивами /напр., с «Избушкой ледяной и лубяной» АА № 43 и др./. В таком соединении, как в нашей сказке, этот мотив не встречается. Мотив ложной тревоги, вызванной курицей, встречается лишь в сборнике Ончукова /сказка № 216/ в соединении с мотивом «Звери в яме». Очевидно, этот мотив известен лишь на Севере /сказка Ончукова записана в б. Олонецкой губернии/.

СТАРУХА И ЗВЕРИ

АА № 158 и № 160I /?/

Большой частью эти сюжеты переплетаются с другими мотивами, и варианты сказок сильно разнятся между собой. Ближе всех к нашей сказке примыкает сказка № 127 из сборника Ончукова «Северные сказки», с которой совпадают припевки старухи. Обычно в сюжете № 158 фигурирует не старуха, а лиса, и припевки ее разработаны по-иному.

ПРО ПОПА

Варианты: Азадовский «Русская сказка» т. II, № 24, «Русские заветные сказки» № XIX /«Суд о коровах»/, Соколовы «Сказки и песни Белозерского края» XVII /пересказ по памяти/. Вариант Аксаментова ближе к сказке Нетужилова, но есть и отличие. У первого мужик прибыл в город на суд, останавливается ночевать у архиерея и случайно слышит его разговор с игуменьей, который помогает ему одержать верх над попом. В сказке Нетужилова решение дела в пользу мужика – не следствие благоприятного для мужика стечения обстоятельств, а результат хитрости мужика, который намеренно подслушивает разговор архиерея и т. о., придя на другой день позднее попа, все же одерживает над ним победу.

ПРО ЗАРЮ ЦАРЕВИЧА

Сказка идея по сюжету «Подмененной невесты» /АА № 403/. Сюжет редкий. По своему началу сказка Никитиной совпадает со сказкой «Афинист князь», См. № 101/. Как и у Никитиной, здесь укачивание сестры братом, приводится песенка, описание чудесной красоты царевны. «Заплачет – посыплется из глаз жемчуг, когда засмеется – изо рту посыплется золото» - как видно, образ красавицы царевны у Никитиной дан богаче и тоньше.

По концу сказка Никитиной приближается к сказке «Зарий царевич и Елена царевна», См. № 32.

КАК БРАТ СЕСТРЕ РУКИ ОТРУБИЛ

Сюжет относится к сюжету «Безручки» АА № 706. В схеме своей сказка следует обычному сюжету. Но разработка сказки отличается исключительной реалистичностью. Очевидно, под этим влиянием все чудесные моменты сведены на «нет». Так, например:

1/ обычно сын Безручки родится руки по локоть в серебре, ноги по колено в золоте – у Сопуновой ребенок чудесен тем, что в три месяца свободно бегает и рассказывает сказку о судьбе матери;

2/ момент исцеления Безручки у Сопуновой также очень прост: ей послышалось, что кто-то сказал, чтобы она опустила руки и ноги в озеро, и они у нее вырастут.

Вся сказка погружена в быт, и быт именно приморского селения: упоминание о привозном хлебе /родители ходили сами в лавку за хлебом/, двухэтажная старинная изба, в которой встречается Безручка с мужем.

ОТДАЙ, ЧЕГО ДОМА НЕ ЗНАЕШЬ

Сюжет очень распространен /АА № 313/. Сказка Сопуновой относится к варианту, где отсутствует завязка с птицей, дарящей отцу героя ящик. Сказка Сопуновой начинается с того, что водяной хватает за бороду человека, наклонившегося напиться. Сказка строго следует обычному сюжету до того момента, где герой забывает свою невесту. Здесь у Сопуновой вплетен сюжет самостоятельной сказки /АА № 407 «Девушка-цветок»/, почти не встречающийся в русском фольклоре. Момент этот с девушкой-цветком рассказан Сопуновой очень поэтично и украшает собой эту сказку.

ТРИ ИМЕНИ

Сюжет сказки очень распространен, АА № 301 «Три царства». Сказка Сопуновой просится к более редкому варианту. Обычно пропадают сестры-царевны или мать-царица, и их ищут их братья или сыновья. В данном случае царевен ищут сыновья бедняка-крестьянина, одновременно с ними родившиеся. Момент с крестными, поясняющий происхождение имен, не встречается в сказочной традиции.

Специфичен мотив со стариком, у которого герой пасет стадо. В сказках этого сюжета он не встречается, но он очень распространен вообще в сказках Сорокского района. Ближе всего сказка Сопуновой находится к сказке Аф., № 80 /близки и имена: Зорька, Вечорка и Полуночка/.

КОЛЕЖМА

СОПУНОВА

КАК ТРИ СЫНА ОТЦА КОРМИЛИ

Сказка-анекдот.

Основой сюжета являются след.: Старик-отец проучает своих сыновей, плохо относящихся к нему.

В конце сказки особо подчеркнута жадность попа.

В указателе АА ничего близкого к данной сказке не находим.

Данная сказка не находит себе аналогий в русской сказочной традиции, хотя в ней есть ряд традиционных сказочных мотивов.

1/ Герой завлекает золото в кирпичи. Встречаем этот мотив в сборнике Смирнова «Великорусские сказки» – № 351, в сборнике Зеленина «Великорусские сказки Пермской губ.» – № 29 и в сюжете «Купленной жены» АА № 887.

2/ Мотив советов: не ночевать, где муж стар, а жена молода и т. д. Встречаем подобные же советы в сказке № 87 в сборнике Садовникова «Сказки и предания Самарского края».

Но в сказке Сопуновой нет данной <фразы>: «приди, возьми в руки, подыми да не опусти». Этот совет используется обычно героем в момент, когда он видит около своей жены молодца, думает, что это ее любовник, хочет убить ее, но вспоминает данный ему совет. У Сопуновой убийству мешает пришедшая просить милостыню нищенка. Конец сказки обычный: выясняется, что молодец – сын героя. Но интересна деталь в конце: жена отказывается признать в герое мужа, тогда призывают «суседов» и узнают его по родимому пятну на ноге.

Очень реалистично дана картина пребывания героя на острове после гибели корабля во время бури.

Особо отличительными мотивами данной сказки является наличие в ней мотивов, не встречающихся в русской сказочной традиции: 1/ после смерти жены, по существующему в том краю, куда прибыл герой, закону, муж должен следовать за женой в могилу. Для живого человека в могилу спускают пищу. Когда съестные припасы истощаются, встретившийся герою под землей мужик советует ему снять крышку гроба жены и захватить у нее межамянный перст – тогда в роду умрет какой-либо человек и в могилу спустят пищу для живого.

Мотив следования живого за мертвым встречается среди античных мифов /миф об Орфее/. А мотив, когда в случае притрагивания пальца мертвого умрет кто-либо в роду, напоминает нам табу при родových отношениях.

ЧУДЕСНАЯ ПТИЦА

Распространенный сюжет сказки, в указателе АА соответствует № 567.

Зачином сказки является сюжет «Двух доль» /АА № 735/, как, напр., и в сказке № 9 из сборника М. К. Азадовского «Сказки Верхнеленского края». Но там счастье бедного брата олицетворяется в образе сгорбленного старика, который дает бедному брату заржавленную копеечку, на которую он покупает утку, несущую золотые яйца.

В нашей же сказке нет подобного образа счастья. А бедный брат на вопрос «Где есть счастье?» слышит совет из овина: пойти под мост /там спрятано его счастье/, ударить рябиновым досучком и вызвать его спящее счастье, сказав: «полно, счастье, спать, а мне, бедному, гору горевать». После произнесения бедным братом этих слов выплывает утка, в которой, следовательно, непосредственно и олицетворяется счастье бедного брата.

Далее действие развивается обычно для сказок этого типа. Отличительные черты нашей сказки идут лишь за счет отдельных подробностей:

1/ обычно чудесную утку находят на охоте или при ловле рыбы. В сказке Егорова утка появляется из овина.

2/ В сказке Егорова интересна мотивировка возвращения мужа домой: он вернулся, т. к. Корабль настиг шторм.

3/ Любопытен психологический штрих в конце сказки Егорова, братья разыскали няню, спасшую их от смерти, узнали от нее и остальную историю и взяли ее с собой вместе с отцом.

КУПЛЕННАЯ ЖЕНА

Несмотря на название, сказка почти не имеет отношения к сюжету «Купленной жены» – АА № 887, очевидно, название механически перенесено сказителем из другой сказки, так как мотив покупки жены здесь вообще отсутствует.

Сходство с традиционным сюжетом «Купленной жены» имеется лишь в зачине сказки: промотавшийся купеческий сын с дядей в чужестранное государство.

Но даже все связанное с этим зачином в сказке Егорова повернуто по сравнению с обычным сюжетом «Купленной жены» иначе:

1/ Герой – купеческий сын не покупает себе жену, а похищает ее /королевская дочь/.

Причем у Егорова этот мотив вырастает в авантюрно-новеллистический: купеческий сын заказывает столяру громадный ящик, напоминающий «маленькую квартирку». В ночь отплытия дяди купеческого сына, по уговору, из башни, в которой помещается королевская дочь /помещается она в башне из предосторожности, так как ей было предсказано, что с ней случится что-то неладное/, спускается она по полотенцам в этот ящик. Ящик помещают на палубу корабля, который едет на родину купеческого сына.

2/ Купеческий сын в сказке Егорова не покупает что-либо в чужестранном государстве, как это бывает обычно в сюжете «Купленной жены», а сам привозит для продажи товар.

В сказке Егорова таким товаром является соль, которую в чужестранном государстве не знают. Подобный мотив встречаем в указателе АА за № 1651.

Дальнейшее развитие сюжета сказки вообще не имеет никакого отношения к сюжету «Купленной жены».

Имеющийся в сказке Егорова мотив клеветнического письма, благодаря которому муж – купеческий сын приезжает домой и бьет свою жену, встречаем в сказке № 60 из сборника Зеленина «Великорусские сказки Вятской губернии». Конец этой сказки тоже имеет некоторое сходство с нашей.

Но совершенно аналогичное развитие сюжета с приезда мужа и наказания им жены до самого конца сказки /исключая некоторые незначительные подробности/ встречаем в сказке № 10, помещенной в большом сборнике сказок «Живая старина» XX /1912/, вып. 11 – 1V. Указание на данную сказку находим в указателе АА за № 881.

АЛИ-БАБА И СОРОК РАЗБОЙНИКОВ

В указателе АА находим под № 676. Сказка заимствована из «Тысячи и одной ночи» /см. т. XI, стр. 51–128 «История о Али-бабе и сорока разбойниках, умерщвленных одной невольницей»/.

Развитие сюжета в сказке Скворцовой обычно, отличают сказку лишь следующие моменты:

1/ богатый брат, желая выпытать у бедного, каким образом разбогател, приглашает его к себе, угощает вином, благодаря чему бедный брат проговаривается.

2/ Бедный брат, найдя труп богатого брата, перерезанного пополам, относит его к слепому сапожнику, который очень искусно сшивает труп, но бандиты находят слепого сапожника и последний указывает им дом бедного брата /бандит несет сапожника на «колодках»/.

СОЛОМОН

Записано от Валдаева М. Ф. в деревне Пертозеро. Валдаев по национальности карел, в д. Пертозеро был когда-то скит, и все население старообрядцы.

В сказке Валдаева о Соломоне объединены два сюжета: 1. Соломон и его неверная жена /указатель АА № 905/ и 2. сын царя и сын кузнеца /указатель АА № 920/.

В сборнике Ончукова «Северные сказки» сказка 46 «Сын Давыда – Соломон» развертывает второй сюжет – подмена детей царя и кузнеца, мудрость царского сына, суды Соломона. В сказке Валдаева Соломон оправдывает мужика-бедняка, оторвавшего хвост у лошади, высуживает у ветра муку для бедной старушки. В вариантах сказки этих мотивов нет.

МОРСКАЯ ЦАРЕВНА

Записана от Валдаева.

Сюжет, близкий к сюжету данной сказки, отмечен в указателе АА № 725 – «Нерассказанный сон». В сборнике Афанасьева «Русские народные сказки» сказка № 138 «Птичий язык» – имеет сходное содержание с содержанием данной сказки. Герой из разговора птиц узнает о своей судьбе. Сказка Валдаева имеет некоторое своеобразие: герой учится птичьему языку у морской царевны, помогает царскому сыну жениться на этой морской царевне и спасается от нее, превращается в животных.

ДВЕНАДЦАТЬ ДИКИХ ЛЕБЕДЕЙ

Основа сказки, порядок и развитие мотивов заимствованы сказительницей из сказки Андерсена «Дикие лебеди».

Сама А. С. говорила о том, что вычитала эту сказку из книги. За исключением начального эпизода /превращение злой мачехой царевичей в лебедей/ находим подобную схему сказки в указателе АА за № 451.

Отличие сказки Никитиной от сказки Андерсена заключается в уменьшении описательных элементов /главным образом природы/ и отсутствии некоторых подробностей сказки Андерсена, как, например: у Никитиной после омовения в воде, наполненной жабами, Лиза становится страшной. У Андерсена же это не дает никаких результатов, и мачеха прибегает к ... Элизы соком грецкого ореха /интересно, что сказительница упрощает и имя: вместо «Элиза», как у Андерсена, она говорит «Лиза»/.

Затем у Никитиной мысль исцеления братьев дает не фея, а встретившаяся женщина. В сказке Никитиной отсутствует персонаж злого архиепископа.

Очевидно, сказительница упускала непонятные ей в сказке Андерсена элементы.

ИВАН ЦАРЕВИЧ

Записано от Плеханова Григория, д. Пертозеро, 12 лет, ученик пятого класса. Сказку слышал от бабушки.

В указателе АА отмечен сюжет № 425А «Амур и Психея». Девушка отдана чудовищу, которое превращается ночью в красавца. Она хочет взглянуть на него, муж исчезает, она ищет его. В сказке «Иван Царевич» герой бегаёт днём в виде волка, ночью превращается в человека. Девушка роняет искру, и он исчезает.

Сказка, совершенна сходная по содержанию, была записана в Карелии и помещена в сборнике Ончукова «Северные сказки», № 178.

АЛЕША ПОПОВИЧ

АА 300. Сказочный мотив борьбы героя со змеем, освобождение царской дочери обычно сплетается с мотивом:

1. Поездки братьев за живой водой или молодильными яблоками. Герой, возвращаясь от царевны, 2. Попадает в подземное царство, где происходит единоборство со змеем. В сказке Клевина первый мотив отсутствует. Сюжет героя-змееборца чрезвычайно распространен на Севере. См. публикацию А. И. Никифорова. «Советский фольклор», 4–5 /15 вариантов/. Из них вполне идентичны сказке Клевина № 10 и № 11. Как и у Клевина, здесь сын является помехой матери и ее любовнику, конь предостерегает героя /Иванушку/ от грозящей ему опасности, они бегут, герой сражается со змеем, спасая царевен, и женится на одной из них. Оба варианта записаны на Севере: № 10 Северный край, Карногорский район, № 11 КАССР, Заонежье. Имени Алеши Поповича нет ни в одном из указанных вариантов. По всей вероятности, оно проникло в сказку Клевина из былин об Алеше и Тугарине /«Сказка об Алеше и Тугарине» АА 650III – пересказ былины, именно потому, что, как и в былине, здесь речь идет о борьбе со змеем и победе над ним героя, хотя причины борьбы в сказке и былины различны/.

П. Я. НИКОНОВ

Петр Яковлевич Никонов родился в 1888 году /51 год/ в дер. Сухонаволоцкая. Дед его был судовладельцем, но когда яков Никонов был еще мальчиком, суда его сгорели в море, и отец сказителя, а затем и он сам, с ранних лет принуждены были работать по найму. Петр Яковлевич ходил на судах в «Норвегу», куда судовладельцы, по рассказам сказителя, отвозили хлеб, вместо которого по баснословно дешевой цене закупалась рыба и потом втридорога продавалась местным жителям. Судовладельцы очень напивались на этой торговле. Условия работы матросов были чрезвычайно тяжелыми. Петр Яковлевич рассказывает, что он, получая 80 руб. в год и имея большую семью, всегда был должен своему хозяину. А работать приходилось сверх сил, т. к. судовладелец нанимал очень небольшое количество матросов, и они лишь с трудом управлялись со всей работой. Однажды после нескольких бессонных ночей Петр Яковлевич полез на мачту и, упав с нее, тяжело разбился. Медицинская помощь ему была оказана лишь много времени спустя, и Петр Яковлевич на всю жизнь остался инвалидом. Он страдает головными болями и, несмотря на свое крепкое сложение и сравнительно нестарый возраст он не может работать. В настоящее время Петр Яковлевич служит сторожем в колхозной лавке. Он живет с женой и двумя сыновьями, которые учатся в школе. Петр Яковлевич хочет, чтобы они окончили полную среднюю школу и «прошли все науки».

Большую часть своих сказок Петр Яковлевич знает от отца, память о котором как о замечательном сказителе сохранилась до сих пор. «Вот был бы жив Яков Никонов, он бы вам нарасказал сказок столько, что и не увезти бы было» – отвечали многие на наш вопрос о том, кто знает в Сухом сказки. «Он такие долгие сказки знал: заведет сказку на несколько ночей, так и спать не захочешь».

Сказки Петра Яковлевича также отличаются занимательностью и сложностью сюжета. К сожалению, нам удалось записать от него только

четыре сказки /все они волшебные/, т. к. в нашем распоряжении было очень мало времени, а Петр Яковлевич больше одной сказки в день рассказывать не мог: он уставал, у него начинала болеть голова, а рассказывать сказки плохо, небрежно он не хотел. В этом поддерживала Петра Яковлевича и его жена, которая с любовью и гордостью говорила о сказках мужа /«Он иной раз такую сказку сказывает, что обо всем забудешь, только бы слушала»/. Жена говорила ему ни раз: «Ты только не торопись, хорошо сказывай. Вот ты как ночью ходить будешь у лавки, так ты вспомни сказки-то, чтоб потом получше рассказать». И действительно, Петр Яковлевич необычайно внимательно, подробно сказывал свои сказки, обдумывая каждое выражение, заменяя неудачное слово другим, стараясь ничего не пропустить и не сказать лишнего. Ему было приятно сознание, что сказки его пойдут в книжку, что их будут все читать, и он хотел, чтобы в книжке его сказки были лучше всех. Однажды соседка, присутствовавшая при рассказывании одной из сказок, спросила Петра Яковлевича: «Куда же эти сказки пойдут?» – «Известно – в книжку!» не без гордости ответил сказитель. Эта любовь к сказке, желание рассказать ее как можно лучше отразились на сказках Никонова. Они рассказаны прекрасным языком, ярким и образным. Действие в них строго мотивировано, детали разработаны тщательно и подробно. Никаких лишних эпизодов и подробностей нет в его сказках, все направлено на развитие какой-то определенной интриги, и вместе с тем ни одна деталь не упущена. Так, в сказке № ..., где обычно поездка героя за молодильными яблоками и живой водой служит лишь предлогом для нанизывания ряда приключений, в которых эти волшебные предметы не играют роли, у Никонова мы видим иную картину: живая вода и молодильные яблоки во время его походов дважды пригодились ему – для омоложения старушки, которая за это оказывает ему услугу, и для излечения своих ног. И в конце сказки сказитель не забывает, ради чего отправился герой странствовать, замечая: «только молодильны яблоки да живу воду и достал». В отношении стройности композиционных сказок Никонова характерна сказка № ... «Заколдованное

царство». Большой частью сказочная композиция представляет собой цепь событий, из которых одно вытекает из другого, но последнее звено цепи связано с первым лишь именем главного героя. Здесь же композиция представляет собою замкнутый круг, ибо конец сказки связан с ее началом: сказка начинается с рассказа о том, что Мухомор заколдовал царство царя Ондрона, кончается же сказка рассказом о том, что царство освободилось от чар со смертью Мухомора /Кашея/.

Действие в сказках Никонова строго мотивировано. Так, обычно в сказках на сюжет о трех царствах не обоснованы причины того, что спасший царевен герой не является сразу к царю, чтобы обличить хотевших погубить его братьев, а сперва выполняет заказы царевен, которые они дают женихам. Здесь же это мотивировано следующими соображениями героя: «Отец не поверит, что я сын, теперь столько времени прошло, я изменился, стал такой мужественный, скажет: “Мне-ка не надо этого, у меня есть сын”». Число примеров мотивировки действия можно бы и умножить.

В сказках Никонова сохранена сказочная обрядность. Так, имеются в них зачины, концовки /«сказка вся, больше врать нельзя» или «сделали пир на весь мир, я, говорят, там был, мед пил»/. Встречаются зачастую и формулы, как типичные для сказок вообще /«умойся, утрись да спать ложись», «долго ли ехал, коротко ли», «нянюшки, мамушки, верны служанушки, как служили батюшке и матушке...»/, так и типичные лишь для данной сказки /«корми коня не досыта, пои коня не допьяна» или «фу, невежа, навалилась в моем доме жить, моего скота бить» и т. д./. Соблюден закон повторов: так, повторяется диалог Золотого Мужичка с сестрами, слова Сам с локоть, борода с локоть, диалог девицы с братьями и героем /сказка № .../ и др.

Сохранена и троичность в сказках: три брата, три сестры у Золотого Мужичка, три волшебные предмета, которые получает герой от Бабы Яги /сказка № .../, три зверя-помощника в сказке № ... /коршун, щука и заяц/ и т. д.

Совершенно в духе классической волшебной сказки разработан образ Бабы Яги в сказке № ...: «в чистом поле стоит избушка на турьих ножках, на веретяных пятках, стоит да повертывается. Он говорит: “Избушка, избушка, стойся на месте, дай мне, молодцу, зайти и выйти”. Ну вот, эта избушка остоялась, он вошел. Сидит в избушке Баба-Яга, костяная нога, печку топит, руками шелковый ковер шьет, носом в жаратке уголья ворочает, а языком пол подметает» и т. д. Сказитель любит употреблять поговорки /«одна голова не бедна, а бедна, так одна»/, рифмованные выражения /«туда много ходцов и мало выходцев. Там, говорят, есть сорок колышков, и на каждом колышке по головушке»/ и др.

Язык сказок Никонова образный, выразительный; с помощью ярких сравнений двумя-тремя словами он умеет нарисовать целую картину. Вот несколько примеров: дикие свиньи «одна другую грызут да землю роют», а после усмирения «свиньи пошли одна за одной, как веревочку выют, ни одна в сторону ни бросится» /сказка № .../. Или: «Пирог готов. Завернули в бумажку, только парок встават, тепленький, горячий» /сказка № .../. Или еще: «Он Ивана Царевича тряхнул как снопа овсяного, легонький показался для него», «Старуха слепая ходит, руками шамрат» и т. д., и т. д.

Встречаются в языке Никонова и книжные выражения, как, например: «моментально», «замок», «рыцари», «со своей территории за границу» и др. Это связано с общим влиянием, которое оказала книга на сказки Никонова. Он грамотен и любит читать. Первая сказка, которую он сам рассказал, – лубочная сказка «Францель Венециан». Имена в других его сказках также перекликаются с лубочной литературой: Ондрон, Прабеюс и др.

В сказках Никонова наряду с волшебной тематикой и обрядностью отражен ряд черт реального быта, герои его – простые люди. Так, например, Иван Царевич в сказке № ... в начале рассказа напоминает простого деревенского мальчика: «А у царя был сын, небольшой мальчик, годов ему восемь или десять – немного. Вот этот мальчик бегал по улице и потом увидал, там ребята спускают стрелки, а захотелось ему тоже спускать». И

ниже: «Мальчик, долго не думая, сейчас побежал домой. Приходит: “Вот, мама, головушка болит да животик болит”. Вот мама стала его утешать, взяла его на руки, стала его гладить да байкать, а он за это время ключиками брякал, брякал да взял связал их».

Таким образом, в волшебные сказки Никонова проникает изображение реальной жизни, простых человеческих отношений. Часто показывает сказитель и психологическое состояние героев. Например, в сказке № ...: «Иван Царевич опять сел на клочок, затужил, задумался». Или в сказке № ...: «Идет, позабыл, что и делать уж. Сам с собой идет и раздумывается... Щука говорит: “Оставь меня, Иван Царевич, живу, в покое, я тебе пригожусь”. Ну, ладно. Он взял оставил. “Не пропадать так!” Едва уж ноги переставляет, голодный и холодный».

Никонов старается придать максимальную занимательность своим сказкам. Отсюда контаминация нескольких сюжетов, осложнение основной интриги неожиданными обстоятельствами и прочее. Ряд эпизодов сказки, наиболее напряженных, сказитель подробно разрабатывает, замедляет, заставляя при этом слушателей опасаться за исход событий, затем неожиданно приводит героя к благополучному концу. Так, в сказке № ... герой летит на птице, причем каждый раз, когда она оглядывается, он должен давать ей мяса из чанов, иначе она его не донесет до места назначения. «Чан опорожнился, второй начал. Потом второй опорожнился. Он спрашивает у ей: “Что, – говорит, – теперь легче стало? – Чувствительно, – говорит, – легче. – А пролетели далеко ли? – А пролетели – половины не пролетели”. А остался один чан... Ну вот, она все оглядывается, он мясо покидывает, покидывает, чан опорожнился. “Далеко ли еще лететь? – Да, – она ему отвечает, – есть лететь не так много, но и не так мало, порядочно. – А мяса нет больше, последний чан выкинул прочь”. Она опять заоглядывалась, хочет исть, ему бросить нечего. Стала ниже, ниже над водой. А летят через море» и т. д. Такой подробной разработки этого эпизода в других вариантах нет. Таким образом, в лице Никонова мы видим искусного рассказчика.

Целый ряд черт, характерных для сказок Никонова, свойственен промысловой сказке вообще и не являются его индивидуальной особенностью. Такова композиция его сказок, мотивировка, разработка деталей, контаминация нескольких сюжетов, упор на занимательность сказки и т. д.; то же можно сказать и о языке сказок, в котором выражены книжные обороты, что связано с общей культурностью сказителей, и который вместе с тем украшен большим числом поговорок, рифмованных выражений и т. д. Все это придает сказке особую яркость, выразительность, что наряду с занимательным сюжетом дает возможность сказителю всецело овладеть вниманием слушателя, увлечь его своим красочным сюжетом.

М. В. ФИЛАТОВ

Михаил Владимирович, уроженец деревни Вирьма, ему 45 лет. С малых лет ходил в море ловить треску на ботах в качестве матроса; был на военной службе. Сказки свои слышал на промысле и от отца, который, по его словам, был известным сказителем. В настоящее время работает лесником, рассказывает сказки охотникам, которые часто заходят к нему в лесную избушку. Филатов славится среди односельчан как хороший сказочник. Брат его, работающий продавцом в лавке, также знает сказки, но преимущественно анекдотического содержания.

Михаил Владимирович охотно согласился рассказать нам свои сказки. Рассказывает он спокойно, медленно, повторяет в случае надобности уже рассказанное место в тех же выражениях. Все сказки его волшебные, со сложным сюжетом, с разработанной сказочной обрядностью. Традиционное сказочное содержание Филатов заполняет обычными местными чертами, связанными с морской службой /например, в сказке № .../. Филатов принадлежит к тому же типу сказочников, что и Никонов, Клевин и др.

П. И. МАРТЫНОВ

Петр Иванович – председатель колхоза в дер. Вирьма, приехал сюда из Нюхчи, где также был председателем колхоза. Родился он в 1905 году /34 года/, грамотный. В Вирьме Петр Иванович славится как знаток коротких анекдотических сказок, рассказывает их в свободное время и во время отдыха на колхозных работах. Он охотно согласился рассказать нам сказки. Запись происходила в избе-читальне; собралось много молодежи, и в течение нескольких часов не прекращался веселый смех. Петр Иванович – человек очень жизнерадостный, любит шутку, острое словцо. Речь его пересыпана остротами и постоянно вызывает смех окружающих. Нам не удалось записать всех сказок от Мартынова. Знает их он очень много, причем главным образом – сказки о попах. Рассказывает Петр Иванович необычайно живо, передавая интонации и мимику, подражая голосу персонажей.

Ф. В. ПОПОВА

Фатима Васильевна – местная активистка, заведующая избой-читальней, организатор хорового кружка в Вирьме. Ей 26 лет, она грамотная, любит читать. Знает много сказок, все они – анекдотические, причем героем их всегда является Иван-дурак. Сказки рассказывает и теперь подругам и ребятам.

ГРИША ПЛЕХАНОВ

Гриша Плеханов, двенадцатилетний мальчик, ученик 5 класса, живет в дер. Пертозеро. Он присутствовал при записывании сказок от одной старушки и сам предложил рассказать сказки, которых он очень много знает. Гриша слышал сказки от бабушки, рассказывает сам их ребятам в школе на переменках и вечерами. Ребятишки очень любят его сказки, да и сам Гриша с удовольствием их рассказывает; рассказывает он спокойно, не торопясь, серьезно и внимательно. Сказки он знает главным образом волшебные.

Н. А. БАХИЛЕВ

Николай Александрович Бахилев родился в 1877 году /62 года/ в Сумском Посаде. Работал он лесником. В мировую войну был на фронте. Со времени организации в Сум-Посаде колхоза вступил в него, до 1930 года работал лесником, затем перешел на инвалидность. Николай Александрович грамотный, много читал, и часть своих сказок берет из книг, другие же слышал в лесных избушках. Мы записали от него 7 сказок: 3 новеллистических и 4 волшебные.

Сказки Бахилева, с сложным контаминированным сюжетом, подробной разработкой деталей, мотивированностью событий и др. чертами принадлежат к числу промысловых сказок. Однако сказочная обрядность, употреблении поговорок и рифмованных выражений, которые так богато насыщают сказки Клевина и Никонова, у Бахилева занимают сравнительно меньшее место, хотя в небольшом количестве и у него встречаются формулы и поговорки /«не хвастай в поле едучи, а хвастай из поля идучи», «из ноздрей пламя скацет, из ушей дым идет» и др./. Строго соблюдает Бахилев законы троичности /три старичка сам с нокоть, борода с локоть; в не помещенной в настоящем сборнике сказке – три чертенка, с которыми сражается герой и др./, причем одинаковые эпизоды сказитель повторяет с соблюдением всех подробностей /так, Иван пастушок трижды пасет коров, и все связанные с этим события и детали каждый раз точно повторяются/.

В этом отношении Бахилев отличается от Клевина, который как раз наоборот стремится к максимальной динамичности рассказа. У Бахилева же действие часто растянуто за счет подробных повторений.

Сказки Бахилева представляют интерес главным образом со стороны сюжета, так как в них переплетаются книжные и фольклорные мотивы, причем в таком сочетании они нигде не встречаются /см. комментарии к сказкам Бахилева и соответствующее место статьи/.

Н. Д. КЛЕВИН

Никифор Дмитриевич родился в 1883 году /56 лет/ в Сумском Посаде. В молодости он ходил на промысел, был на военной службе, в мировую войну попал в плен и четыре года прожил в Германии. В настоящее время работает сторожем на сплаве, все лето живет один в лесной избушке у реки, запруженной лесом, сынишка приносит ему еду, иногда к нему заходят рабочие со сплава поболтать, послушать его сказки.

Сказки Никифор Дмитриевич слышал и от промышленников, и на военной службе, таким образом, в его репертуаре сохранились и промысловые, и солдатские сказки /к числу последних относится «Вавилонское царство», где герой – солдат Барсуков/. Мы записали от Клевина пять сказок /все они волшебные, других он не знает/. Для нас свои сказки Никифор Дмитриевич специально готовил; о нашем приходе его за несколько дней предупредил сынишка, и он приготовил нам три сказки. Когда мы попросили его еще рассказать, он отказался, сказав: «Я на сегодня больше не приготовил». Подготовка Клевина к сказыванию сказок отразилась на них: ровный, красочный язык, спокойный, медленный тон рассказа, продуманность каждой детали – все это явилось следствием любовного и серьезного отношения сказителя к сказке. /То же мы наблюдали и у Никонова/. Свои сказки Клевин обильно украшает поговорками, меткими, яркими выражениями, как, например: «Повопел, повопел, а делать нечего. Хлеба –што в брюхе, платья – што на себе» или «Вдруг идут по улице – дом шевелится, пришли в сени – с угла на угол». Поговорки: «Две смерти не будет, одной не миновать» и др.

Отличительной чертой сказок Клевина является большая по сравнению с другими сказками динамичность их композиции. У Клевина часто применяется один прием, которого мы не встречали в других сказках. Так, когда один из персонажей дает наставления другому, рассказывая подробно, как он должен будет поступить в таком-то случае, сказитель не повторяет

рассказа о том, как он поступил, а прямо от наставления переходит к описанию тех событий, которые следуют после выполненного наставления. Так, в сказке № ... царь советует герою: «Бери две пары лошадей и две сороковки вина и поезжай ко льву-зверю. Он спросит: “Почему ты сказал?”. Ты говори: “Не я сказал, а хмель во мне”. – “Какой, черт, – скажет, – хмель?”. Ты открой пробку у сороковки: “Поди, посмотри сюда в сороковку”. Когда пришел лев к сороковке и наклонился, и увидел там призрак второго льва-зверя, и давай ее пить». Это является не результатом забывчивости, а особым приемом, к которому Клевин прибегает и в других сказках. Сказки Никифора Дмитриевича, несмотря на их специфику, принадлежат к типу промысловых, как и сказки Никонова.

М. Ф. ВАЛДАЕВ

Максим Фомич родился в 1863 году. Знает главным образом волшебные сказки. Рассказывает их очень охотно. Исчерпать репертуар Валдаева нам не удалось, т. к. запись производилась при случайной встрече с ним во время нашего однодневного пребывания в дер. Пертозеро. Сказки его, из которых здесь публикуются две («Соломон» и «Морская царевна»), рассказаны довольно схематично, но представляют интерес с сюжетной стороны: их сюжеты принадлежат к числу малораспространенных в русской традиции.

М. О. НЕТУЖИЛОВ

Михаил Онуфриевич Нетужиллов родился в 1877 году /62 года/ в Сумском Посаде. Сын небогатых родителей, он с ранних лет работал по найму, ходил на рыбный промысел, где, по его словам, выучился рассказывать сказки. Когда на ловлю сельдей собирались промышленники из разных деревень, разбросанных по побережью Белого моря, в ожидании похода сельди они рассказывали друг другу сказки, среди которых были длинные волшебные сказки с увлекательным авантурным содержанием и сказки короткие, новеллистические, приближающиеся к анекдоту. В этих сказках иногда звучала безобидная, подчас фривольная шутка, но чаще они насыщены были социально-заостренным сатирическим содержанием.

Михаил Онуфриевич знаток именно такого рода сказок, что связано с его веселым характером, любовью к шутке, к острому словцу, а также с ненавистью к старым порядкам, к социальным антагонистам народа дореволюционной России.

Особенно резко звучит антипоповская тема в сказках Нетужилова. Так, в сказке № ... ярко обрисован образ жадного попа-обманщика, развратного архиерея, которым противопоставлен хитрый и ловкий мужик-бедняк. «Не горюй, старушка /говорит он жене/, не на такого парня напал, коровы будут наши. Довольно обманывать. Мы его, долговолоса, обделаем!». Таким образом, мужичок добивается коров не столько из желания разбогатеть, сколько для того, чтобы проучить попа-обманщика. «Знаешь, попы обманывать любили прежде», – замечает при этом сказитель. Поповские коровы, которых в конце концов получил хитрый мужичок – «которые свои нарощены, а уж которые, может, и у крестьян нахватаны».

В другой сказке № ... сказитель издевается над церковной службой: «А то в одном приходе тоже был поп неграмотный и псаломщик неграмотный. Служили они, можно сказать, так, и миряне в конце концов поняли, что это так, какое-то дурачество».

Нам удалось лишь с трудом получить сказки от Михаила Онуфриевича. В первый раз он нас встретил очень сурово. Он приехал усталый с «поскотины» и наотрез отказался рассказывать сказки, так как ничего он не знает да и времени у него нет. Однако, когда мы выразили желание пойти на пастбище, Михаил Онуфриевич оживился, т. к. наш упорный интерес к его сказкам польстил самолюбию сказителя. «Приходите завтра на поскотину, – сказал он, лукаво подмигнув, – я вам такие сказки загну, каких вы и не слышали».

На другой день мы пришли на пастбище, расположенное на берегу моря у леса. Коровы, облепленные комарами, щипали, невдалеке выгоревшую на солнце траву. Михаил Онуфриевич ожидал нас, стоя опершись на разбитую лодку. На лицо его спускался накомарник, он смотрел сурово и неприветливо. Поздоровавшись с Нетужиловым, мы сказали: «Вот, Михаил Онуфриевич, мы пришли к вам за сказками». «Вижу, что пришли», – ответил он угрюмо, не глядя на нас.

После Михаил Онуфриевич рассказывал о себе: «Я пока не разойдусь, так из меня слова колом не вышибишь, а уж если разойдусь, то только держись!». Несколько времени мы сидели молча. Михаил Онуфриевич докурил папиросу, не говоря ни слова, сел рядом с нами и, казалось, нехотя стал рассказывать сказку.

Сперва он говорил медленно, спокойно, но затем, постепенно оживляясь, начал жестикулировать, изображать в лицах рассказ, передавая интонации и мимику действующих лиц. Рассказывая сказку про Силу-зверя, он вскакивал с места, изображая зверей, показывая, как лев душит медведя, голосом, подражая рычанию льва. В сказке № ... он пел песни, имитируя церковную службу, за попа – басом, растягивая слова, за дьячка – высоким голосом, скороговоркой. Но, рассказывая свои сказки необычайно живо и выразительно, Михаил Онуфриевич вместе с тем сохранял серьезный тон, ни разу не улыбнувшись в самых комических местах рассказа.

Когда мы записали сказки Михаила Онуфриевича, он утратил свою прежнюю суровость, много рассказывал нам о своей жизни, особенно о последних годах. Он очень доволен своей работой в колхозе и работает хорошо, его дважды премировали, один раз – поездкой в дом отдыха.

В сказках Нетужилова выразилось отношение его не только к старой, но и к новой жизни. «Тогда грамоты мужиков не учила /говорит он в сказке № .../. Это теперь, знаешь, благодаря советской власти учить стали. А раньше народ был темный.

Мы записали от Нетужилова только шесть сказок, четыре из них – короткие анекдотические сказки, большей частью заостренные социально, пятая сказка – животная и шестая – эротическая, как выразился сказитель, «некультурная». Таких «некультурных» сказок очень много в его репертуаре, часто они сочетаются с социальными мотивами. Сюжеты сказок Нетужилова принадлежат к числу малораспространенных. Так, сказка № ... записана лишь в Вирьме Ончуковым. Длинных волшебных сказок Нетужилов не знает, являясь мастером короткого анекдота и новеллистической сказки.

Е. В. РОХМИСТОВА

Ефимья Васильевна Рохмистова родилась в Сумском Посаде в 1876 году /63 года/ в бедной семье. С девяти лет она служила в няньках, затем по найму плела сети. В настоящее время живет на пособие вдвоем с мужем. Дети ее работают в Беломорске.

Ефимья Васильевна слышала и рассказывала сказки, когда жила в няньках и плела сети. Репертуар ее чрезвычайно разнообразен. Мы записали от нее девять волшебных сказок, четыре новеллистических, пять животных и одну легенду. Такое разнообразие репертуара не характерно для сказителей-промышленников, среди которых намечается некоторая специализация: одни сказители знают и рассказывают только волшебную длинную сказку, другие – только анекдотическую и новеллистическую.

Сказки Ефимьи Васильевны очень коротки, сюжет разработан слабо, мотивировка часто отсутствует. Сказительницу интересует не столько ход интриги в сказке, сколько разработка отдельных эпизодов и деталей. Так, прекрасно разработаны припевки в ее животных сказках /например, в сказке «Старуха и звери»/. Сказки Рохмистовой пересыпаны репликами, замечаниями /напр.: «вот кавалер-то!» или «к сударушке сунулась, дак!» и др./.. Записывать ее сказки было очень трудно, так как в интересных местах, особенно при передаче какого-нибудь оживленного диалога Ефимья Васильевна начинала очень быстро говорить. При повторении же рассказанного прежде эпизода она передавала его по-иному, в других выражениях. В записи сказки Ефимьи Васильевны утратила значительную долю своей яркости, ибо главный дар ее заключается в умении рассказывать, что в записи, естественно, не может быть отражено. Ефимья Васильевна очень любит свои сказки. Узнав, что мы приехали в Сум-Посад за сказками, и случайно встретив нас на улице, Ефимья Васильевна сама пригласила нас к себе и, несмотря на недовольство мужа, в течение нескольких вечеров рассказывала нам сказки.

Часть своих сказок Ефимья Васильевна знает от деда, который был, судя по рассказам, крупным мастером-сказителем. Он прожил до глубокой старости, сохранив великолепную память и любовь к сказыванию сказок. Это же отношение к сказке он передал своей внучке, которая с ранних лет полюбила увлекательные рассказы бабушки и теперь с любовью вспоминает о них.

Сказки Рохмистова рассказывает чрезвычайно охотно, с любовью, оживляясь при рассказе. Особенно удачно она передает диалог, который занимает единственное место в композиции ее сказок, играя роль двигателя действия, характеризуя отдельных персонажей. Так, замечательно ярко охарактеризован герой Иванушка Дурачок в сказке № ... именно через диалог его с братьями. «Вот другой брат приехал и хвастает. А Иванушка на печи лежит. “Поди-ка ты, и мне поехать завтра? – Куда ты, рибушка грязная, поедешь? Леший рад! Куда с печи?”». И ниже: «Вот братья пошли, наделись да снарядились, чтоб невесты понравиться-то. А Иванушка на печи сидит. “А не пойти ли хоть мне? – Куды с грязными ногами по бархату! Там бархатны ковры настелены. Такая цистота дак! – Ну, я пойду с печи слезу, пойду я”. Вот уж братья хохочут, смеются: “Там дожидают рибушку с полами грязными”».

Ефимья Васильевна меняет голос, передает интонации разговаривающих, смеется в комичных местах. В сказках, где встречаются волк и лиса, она говорит за лису скороговоркой, высоким голосом, а за волка низким голосом, растягивая слова, лениво, что усиливает яркость характеристики той и другого.

А. С. НИКИТИНА

Анне Семеновне Никитиной сейчас 80 лет. Жизнь она прожила тяжелую, рано осталась сиротой, пришлось ей жить у тетки, а затем “по чужим людям” в кухарках, прислугах. С ранней юности А. С. пришлось узнать море: еще молодой девушкой была она гребцом на карбасе.

Вышла замуж, муж занимался рыбным промыслом. Но и тут Анне Семеновне не повезло: она рано овдовела и осталась одна с пятью небольшими детьми. Большая часть ее жизни связана с непосредственной работой на море: 13 лет она сама водила карбас от берега к пароходу, идущему в Мурманск /пароход останавливался за 9 километров от берега/.

Пришлось А. С. пережить и гибель двух сыновей. Один утонул на сплаве, другой погиб при несчастном случае /на корабле воспламенился порох/. Вообще в этом краю сплошь и рядом встречаются матери-старушки, оплакивающие безвременно погибших на море и в быстрых порожистых реках.

А. С. осталась жить с тремя дочерьми. Сейчас они уже немолодые. Домашняя жизнь А. С. тяжела и безрадостна. Сказки она слышала “в ребячестве”, как говорит. Ее дочери и сейчас еще помнят, как в детстве А. С. рассказывала им сказки, а они сидели и плакали. Рассказывает она их с огромной любовью и мягким чувством. Затухающая в ней жизнь воскресает именно в эти моменты. И сейчас еще лицо у А. С. красиво: прямые черты лица и выцветшие заплаканные глаза, сохраняющие еще и сейчас выражение мягкой доброты. А. С. производит впечатление человека, читавшего книги, да это видно и из ее сказочного репертуара, среди которых есть и книжные сказки.

Из ее же собственных слов узнаём, что она любила читать и интересовалась книгами. Когда-то она читала «Конька-Горбунка» Ершова и запомнила оттуда ряд стрóf наизусть, а некоторые места она пересказывала своими словами. У Анны Семеновны встретились стрóфы, которых у Ершова

читать не приходилось. Возможно, что Анна Сем[еновна] ориентировалась на какую-либо старую редакцию «Конька-Горбунка», но вполне вероятно и ее собственная импровизация. С большой охотой согласилась А. С. рассказывать свои сказки, хотя ей это было нелегко, так как она больна и уже достаточно стара. Старость А. С. влияет и на ее рассказывание. Бывают случаи, когда память ей изменяет, она забывает подробности сюжета и т. д. Но, несмотря на это, в ней чувствуется живое воображение и чуткая незаурядная сказительница. С большим удовлетворением А. С. отнеслась к тому, что сказки ее будут печататься в книжке. "Пусть после моей смерти останутся хоть мои сказки", – сказала нам она».

Фольклорный материал у А. С. очень разнообразен: она знает и былины, баллады. Сказочный репертуар ее также широк: рассказывает она книжные сказки; мы, например, слышали от нее сказку «Дикие лебеди», прочитанную ею в сборнике Андерсена, знает она и чисто народные сказки.

А. С. обладает прекрасной памятью, что подтверждает, например, очень последовательно переданная ею сказка Андерсена «Дикие лебеди», но в то же время лубочную сказку «Английский милорд», громадную по своему сюжету, А. С. уже передать памятью не может. Очевидно, память у А. С. ослабевает.

Очень часто в сказках А. С. проявляется мягкий женский подход к описываемому. Например, в сказке «Про Зарю-царевича» она говорит о девочке – дочери царя: «этака ревунья была, никто не мог ее утешить». Или в сказке «Двенадцать диких лебедей» А. С. рассказывает о царевне: «она жила в деревне, пополнила, стала хорошенькая» и т. д.

Рассказывает А. С. с большим чувством. Когда дело доходит до свидания влюбленных или брата с сестрой, голос у А. С. начинает дрожать, на глазах появляются слезы».

Сохранение сказочной обрядности в сказках А. С. идет главным образом за счет сказочных формул, которые она употребляет довольно часто.

Например, в сказке «Рак Ракович» /№ .../: «Затым шла, шла долго ли, коротко ли, стоит избушка на курьих ножках на веретенных пятках» и т. д.

В записанных от А. С. сказках, но не помещенных в нашем сборнике, служивший у братьев Данила говорит: «у вас служил, не выслужил ни хлеба мягкого, ни слова гладкого, но коня военного, ни ружья стрелянного». А. С. не стремится к реалистической детализации, ее больше привлекает эстетическая сторона, она стремится подчеркнуть красоту. Ярким примером этого является сказка про Зарю-царевича, где очень поэтично и более тонко, чем обычно, разработано описание красоты царевны: «засмеется – с одного конца золото повьется, а с другого отвивается, дунет – воздух будет, заплачет – жемчуг из глаз посыплется /не так, как у меня слезы/, ступит – один след золотой, другой серебряный».

А. Т. СОПУНОВА

Анна Тимофеевна родилась в 1891 году /48 лет/ в деревне Колежма. Вот ее автобиография: «Отец мой ходил в казаках от других, от богатых мужиков, получал 30 рублей. Ребят росло много, четверо. Уйдет, бывало, на море, исть нечего. Мы с матерью на хлеб в людях работали, ягоды носили, свой сенокос косили. Зимой отец извозничал. А я все чужим людям мережу вязала да коноплю пряла. Вышла замуж на двадцать втором году. Муж рыбачил, было немного мережи. В колхоз мы вступили сразу, как образовался. Муж теперь первым рыбаком слывет /а сама Анна Тимофеевна ударница, одна из лучших работниц в колхозе – *И. П.*/. Есть у нас две дочки. Большая дочь все в лесах работала – лес пилила, в Сороке на заводе работала, сейчас замужем. Сама я теперь училась два года в ликбезе – умственно хорошо сдала экзамен, а писать плохо умею. Терпенья нет писать. А читать – и газету читаю».

Анна Тимофеевна небольшого роста, подвижная и ловкая, в обращении проста и несколько неприветлива, но когда начинает рассказывать сказки, совершенно преображается. Увлекаясь, рассказывает скороговоркой, с выразительной мимикой, со смешками. Когда замечает, что сказка производит впечатление, радуется и говорит в таких случаях: «А что, интересно? Дальше подожди, еще лучше будет» или «Что, смешно? А дальше еще смешней». Часто среди рассказа Анна Тимофеевна вдруг останавливается и начинает говорить о том, какую она еще знает хорошую сказку, и тут же торопливо, с новым увлечением, начинает рассказывать ее содержание. Некоторые выражения, местные слова Анна Тимофеевна всегда объясняет, часто проводя аналогию с окружающей обстановкой.

Сказки Анна Тимофеевна рассказывает и сейчас. «Как осенью и зимами придут соседы, да все кругом меня соберутся и слушают». Односельчане часто говорят: «Вы пойдите к Тимофеевне, вот она-то памятна, она-то и

сейчас сказывает. Она столько сказок знает, верно, и премию получит за это».

Сказки Анны Тимофеевны по сюжетам своим принадлежат главным образом к числу волшебных. Но черты сказочной фантастики сохранились в них лишь как условная традиционная рамка, все же содержание ее сказок необычайно реалистично. На них отразились местный быт, характерные семейные и общественные отношения так ярко и реально, как ни у одного из наших сказителей.

Сопунова все непонятные ей традиционные отношения в сказке переводит в реальный план. Так, в сказке про царя Берендея жениха-царевича она воспринимает как купца, т. е. как представителя социальной категории более ей знакомой. «Ну, тут же ейный муж нарядился купцом-царевичем». В сказке на сюжет «Отдай, чего дома не знаешь» Кашей Бессмертный воспринимается сказительницей как реальное существо: «Кашей Бессмертный дал ему фатеру жить одному», «Когда ушел Кашей Бессмертный из его комнаты, он запечалился». В другой сказке: «Змея еще спит и все семь голов на подушке собраны». Таким образом, чудесные сказочные персонажи живут и действуют в реальной обстановке, благодаря чему они устраивают свой фантастический характер. В сказки Сопуновой широкой струей вливаются черты местного реального быта. Так, в сказке «Три имени» изображена следующая картинка: «В этой избушке живут старик со старушкой. Он подавается ночевать. И пустили его ночевать. А старик был сапожник, шил он сапоги. И сам очень крепко вино пил, пьянчужка был /сапожники век же вино пьют/. На второй день пошел старик в город опохмелиться и услышал тамotka, что царевна замуж походит». Оли вот еще пример из сказки № ...: «Мужик своей жонке говорит: “Сработаем себе келейку у реки... да будем там жить – нам спокойнее будет, не слышно будет нам там, как с гармонькой ходят да с песнями”. Детей туда они увели маленьких. Жили они в лесах, детей не спускали в деревню гулять, никуда не пускали – сами за хлебом сходят». Здесь – характерная деталь: хлеб в деревне

привозной и продается в Рыбкоопе. В этой же сказке у брата героини двухэтажный дом, что часто встречается в этой местности.

В своих сказках Сопунова отражает не только черты реального быта, но и психологические переживания героев. Вот несколько примеров: в сказке № ... сестра не хочет, чтобы брат женился. «Она и плачет да готовится, а он собирается идти за невестой. Он ушел за невестой, а она все готовится. Она все приготовила да ушла в другую келью сама. А потом видит, что свадьбу ведут. Потом свадьба пришла, за столы садятся, видят, что хозяйки нет. Брат пришел, видит, что сестры нет. Брату стало неловко, невеселый стал». В сказке № ... одна из дочерей должна стать женой лешего, чтобы избавить отца; две старшие дочери отказались. «Отец насилу не отдает, а младена молчит, ничего не говорит, на отца поглядит да на него поглядит. Потом затым вышла из-за стола и стала перед отцом на колени». Интересно отметить, что в этой сказке жених оказывается не лешим, а простым человеком /купеческим сыном/, таким образом, и в сюжете фантастика исчезла. Наряду с реалистическим содержанием, которое отодвинуло фантастику на задний план, в сказках Сопуновой меняется и стиль; в них почти нет сказочной обрядности: ни формул, ни зачинов, ни повторов. Сказки рассказаны простым, не украшенным языком, и сила их не в красочном орнаменте, не в фантастике, а в реалистическом, тонком и умелом изображении жизни таких же людей, как сама Анна Тимофеевна Сопунова.

Т. ЖИТНИН

Толя Житнин родился в 1924 году. В 1938 году закончил школу-семилетку. Он сам вызвался рассказывать и рассказал сказку о соли, попросив ее не записывать, так как хотел точнее припомнить сюжет. Слушатели Толи – ребята-школьники – иногда подсказывали ему. Вспомнив сказку со всеми подробностями, Толя согласился рассказать ее вторично с тем, чтобы можно было произвести запись. Житнин знает большое количество сказок и рассказывает их ребятам в школе на переменах и в свободное от занятий время. Рассказывает он серьезно и спокойно, не торопясь, вызывая огромный интерес слушателей.

Е. П. СКВОРЦОВА

Е. Скворцовой 16 лет. Работает она в ликбезе села Колежмы. Сказок знает немного.

УКАЗАТЕЛЬ

Указатель (или №№), АА – Андреев Н. П. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929.

Беломорские сказки, рассказанные Коргуевым / Нечаев. «Сов. писатель», 1938.

Великорусские сказки Вятской губ. / Д. К. Зеленин. Пг., 1915.

Великорусские сказки Пермской губ. / Д. К. Зеленин. Пг., 1914.

Русская сказка. Избранные мастера / М. К. Азадовский. Т. I и II. 1932.

Русские народные сказки А. Н. Афанасьева / под ред. М. К. Азадовского, Н. П. Андреева, Ю. М. Соколова.

Сборник великорусских сказок / А. М. Смирнов. Вып. 1. Пг., 1917.

Сказки Верхнеленского края / М. К. Азадовский. Вып. 1. Иркутск, 1925.

Северные сказки / Н. Е. Ончуков. 1908.

Сказки Северного края / И. В. Караухова. 1934.

Сказки и предания Самарского края / Д. Н. Садовников. Спб., 1884.

Сказки и песни Белозерского края / Б. и Ю. Соколовы. М., 1915.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей

Поморские сказки

Беломорск (б. Сорока)

М. С. Парамонова

1. Сказ о том, как М. С. Парамонова на Красную площадь попала

Сухонаволоцкое

П. Я. Никонов

2. Три царства

3. Заколдованное царство

4. Золотой мужичок

Вирьма

М. В. Филатов

5. Барсуков

6. Зеркальце о двенадцати винтиках

7. Никифорово чудо

П. И. Мартынов

8. Поповский жеребенок

9. Поп, дьякон да пономарь

Ф. В. Попова

10. Иванушка-дурачок

Сумский Посад

Н. А. Бахилев

11. Про Иванушка Пастушка

12. Про короля Султана

13. Поп и Сенька работник

14. Охотник

Н. Д. Клевин

15. Вавилонское царство

16. Наплот-царевич

17. Про Алешу Поповича

18. Василиса Премудрая

19. Пойди и не бойся

Е. С. Привалов

20. Жар-птица

21. Про Нестера

22. Про Ивана Сосновца

23. Ондрей-стрелец

М. О. Нетужилов

24. Про попа

25. Про попа

26. Сила-зверь

Е. В. Рохмистова

27. Про брата и сестру

28. Гороховая дорожка

29. Про Ивана-дурака

30. Золотая рыбка

31. Волк и лиса

32. Курица

33. Старуха и звери

34. Про попа

А. С. Никитина

35. Рак Ракович

36. Двенадцать диких лебедей

37. Про Зарю царевича

Т. Житнин

38. Соль

Колежма

А. Т. Сопунова

39. Как брат сестре руки, ноги отсек

- 40. Про царя Берендея
- 41. Как за лешего замуж выдали
- 42. Отдай, чего дома не знаешь
- 43. Три имени (Утро, Вечер, Заря) и Елена Прекрасная
- 44. Трое леших
- 45. Как три сына отца кормили

Е. П. Егоров

- 47. Чудесная птица
- 48. Купленная жена

Е. П. Скворцова

- 49. Али-баба и сорок разбойников

Пертозеро

М. Ф. Валдаев

- 50. Соломон
- 51. Морская царевна

Г. Плеханов

- 52. Иван-царевич

Комментарии

Указатель

Словарь местных слов